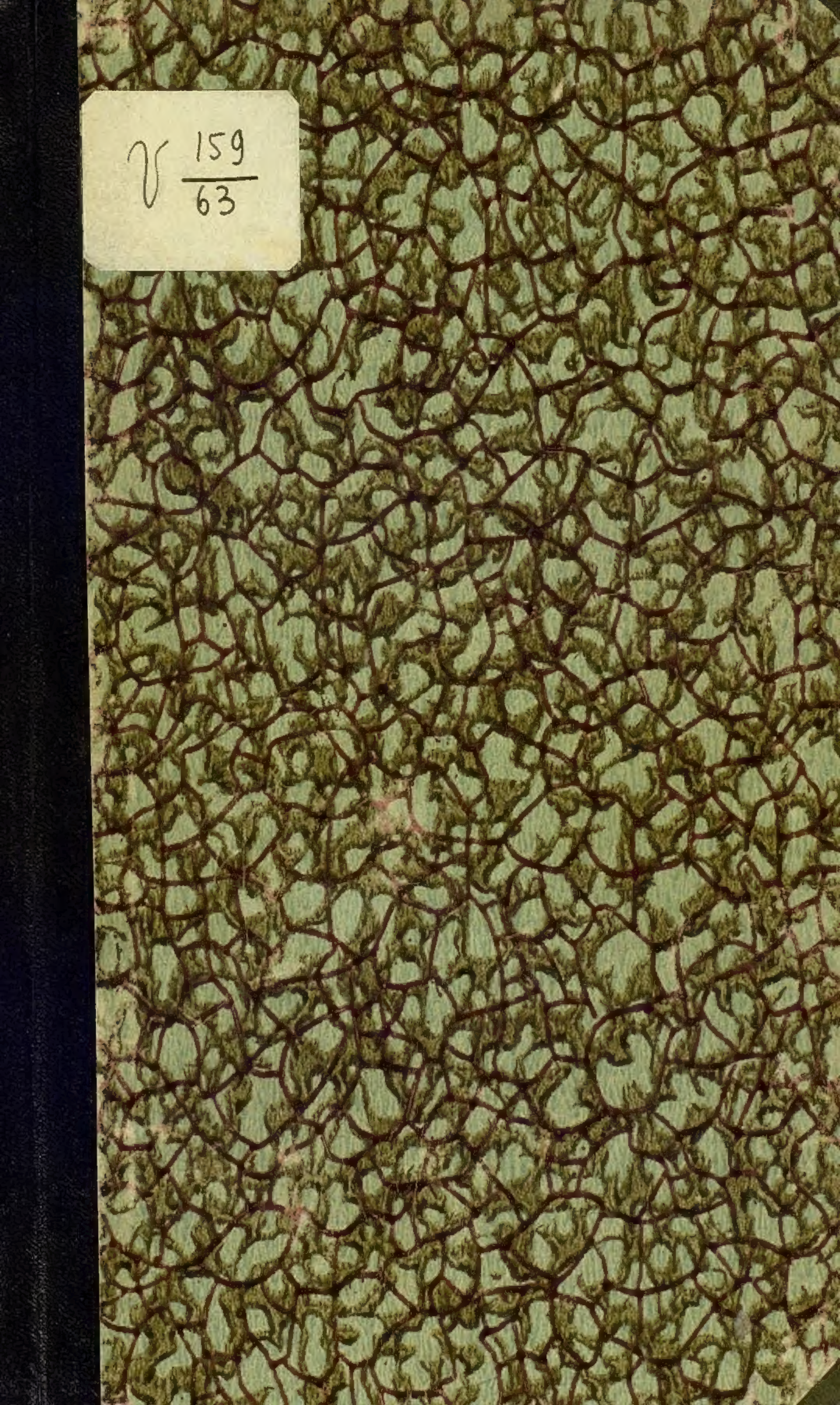

V 159/63

Изслѣдованіе о гайдамачествѣ

по актамъ 1700-1768 г.

составилъ

Владиміръ Антоновичъ.

Извлечено изъ III тома 3-й части Архива Юго-Западной Россіи, изданнаго Временною Коммиссіей для разбора древнихъ актовъ.

КІЕВЪ.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (І. ЗАВАДЗКАГО).
1876.

Печатать разрѣшаю.

Предсѣдатель Тайный Совѣтникъ *М. Юзефовичъ.*

Послѣ исчезновенія козачества на правой сторонѣ Днѣпра въ началѣ XVIII столѣтія, югозападный край долженъ былъ поступить въ полное распоряженіе польскаго правительства и сдѣлаться, наконецъ, неотемлемою собственностью шляхты, составлявшей это правительство. Казалось, что послѣ устраненія единственной силы, стѣснявшей господство польско-шляхетскаго строя, порядокъ этотъ водворится всецѣло и осуществитъ давно имъ намѣченныя цѣли: полное господство польской народности и постепенное обращеніе въ нее русскаго народонаселенія края; истребленіе православія и водвореніе вмѣсто него, вначалѣ уніи, а потомъ, постепенно, католичества; наконецъ, утвержденіе въ краѣ неограниченнаго полновластія шляхетскаго сословія и полное порабощеніе крестьянъ въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Впрочемъ, осуществленіе этихъ задачъ казалось легкимъ только съ точки зрѣнія чисто субъективной, присущей шляхетской средѣ того времени. Среда эта, не отличавшаяся никогда политическимъ тактомъ и умѣніемъ хладнокровно обсуждать и болѣе глубоко понимать историческіе законы, управляющіе судьбою человѣческихъ обществъ, не принимала во вниманіе тѣхъ непреодолимыхъ стремленій массъ южнорусскаго народа, которыя прорывались въ теченіи двухъ столѣтій въ формѣ козацкихъ движеній; заключившись въ узкую сословную, національную и религіозную исключительность, преслѣдуя по мелочамъ интересы своей касты,

кружка или личности, шляхтичи полагали, что отъ коренныхъ жизненныхъ требованій временно побѣжденнаго народонаселенія можно отдѣлаться абсолютнымъ ихъ непризнаніемъ, высокомѣрными риторическими фразами о »хлопской злости,« о »врожденной мужицкой строптивости« и т. п. Шляхетская среда была слишкомъ неразвита, слишкомъ эгоистична и недальновидна для того, чтобы пойти на встрѣчу стремленіямъ массы народной и, предвидя ея реакцію, добровольными уступками открыть путь для прогресса въ гражданскомъ развитіи речи посполитой. Требуя безусловнаго подчиненія своимъ цѣлямъ, отрицая абсолютно всѣ гражданскія и человѣческія права народа, шляхтичи вызывали необходимо безконечную реакцію съ его стороны; одолѣвъ въ козачествѣ ту форму реакціи, которая боролась съ шляхетскимъ началомъ въ теченіи почти двухъ столѣтій, польскіе дворяне полагали, что одолѣли саму реакцію и что поставили ее въ безвыходное положеніе; между тѣмъ не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ факты доказали ошибочность ихъ взгляда и лишили шляхтичей увѣренности въ полномъ торжествѣ ихъ дѣла. Народная реакція не была подавлена: она проявилась въ новой формѣ, возрастала съ каждымъ годомъ и быстро охватывала массу крѣпостнаго люда;—эта новая форма называлась теперь гайдамачествомъ.

Между тѣмъ, вызывая неуступчивостію и крайнею народною и сословною исключительностью протестъ со стороны массъ народныхъ, шляхетское общество не имѣло даже достаточной силы и гражданской подготовки для того, чтобы бороться съ фактическими проявленіями этого протеста и затруднять его непосредственныя проявленія; тотъ-же сословный и личный эгоизмъ, называвшійся въ Польшѣ XVIII столѣтія »золотою шляхетскою вольностью,« извѣстный обыкновенно подъ именемъ анархіи и безурядицы, обезсиливалъ совершенно государственный организмъ речи посполитой и лишалъ его возможности дѣйствовать въ своихъ-же инте-

ресахъ по строго обдуманному, общему плану. Оберегая ревниво шляхетскія права отъ контроля центральной власти, дворянское сословіе отняло у этой власти всѣ средства дѣйствія; полное отсутствіе администраціи, функціи которой были возложены исключительно на дворянъ, и почти совершенное отсутствіе государственныхъ финансовъ—слѣдствіе освобожденія шляхтичей отъ всякихъ налоговъ и полнаго упадка городской промышленности и торговли—ставили правительство въ невозможность предпринять какую-бы то ни было рѣшительную мѣру даже съ цѣлью обезпечить права, привилегіи и притязанія самой шляхты. Всеобщая неурядица, отсутствіе органовъ, необходимыхъ для сохраненія порядка, хотя бы понятаго съ шляхетской точки зрѣнія, открывали свободный исходъ для проявленій всякаго общественнаго броженія, вытекало-ли оно изъ болѣе глубокаго побужденія—подавленныхъ законныхъ требованій массъ народныхъ, или-же основывалось на болѣе мелкихъ эгоистическихъ, личныхъ мотивахъ.

Отсутствіе общественнаго начала, сдерживающаго фактическія проявленія какъ законной реакціи подавленныхъ слоевъ общества, такъ и личные порывы къ своеволію, корысти и произволу, отразилось невыгодно и на характерѣ народнаго протеста. Находя легкій исходъ въ проявленіяхъ чисто личныхъ, единичныхъ, протестъ этотъ не былъ поставленъ въ необходимость групироваться уяснять свои нравственныя основы, искать прочной опоры въ солидной разработкѣ своихъ принциповъ, въ приведеніи ихъ въ цѣльное, стройное, глубоко сознанное и прочувствованное убѣжденіе, основанное на общемъ народномъ самопознаніи. Прорываясь въ постоянныхъ спорадическихъ вспышкахъ, народное движеніе если и разростается въ объемѣ, благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ, то не усиливается въ отношеніи нравственной выработки, ясности принциповъ и опредѣленности цѣлей—оно пребываетъ болѣе на степени развитія врожденнаго инстинкта или унаслѣдованной тра-

диціи, чѣмъ сознаннаго убѣжденія; стремясь къ ниспроверженію шляхетскаго порядка, народъ только чувствуетъ въ общихъ чертахъ, основы другого, желательнаго для него порядка вещей, но ясно высказать и установить ихъ въ частностяхъ онъ не умѣетъ; такимъ образомъ, вслѣдствіе неясности принциповъ, характеръ народной реакціи принимаетъ черты болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя, стремится болѣе къ ниспроверженію существующаго, чѣмъ къ постановкѣ на его мѣсто новаго, лучшаго.

Кромѣ того народная реакція принимаетъ еще другія невыгодныя для нея черты, истекавшія изъ того-же источника—всеобщей анархіи. При отсутствіи порядка и органовъ для его сохраненія,—личныя страсти являются въ видѣ необузданнаго произвола; стремленіе къ поживѣ, грабежу, безчинству и насиліямъ всякого рода, не находя препятствія ни въ нравственномъ развитіи всѣхъ слоевъ народа, ни въ юридическомъ строѣ государства, разыгрывается повсюду привольно и сдерживается лишь личнымъ кулачнымъ правомъ. Лица всѣхъ сословій готовы при удобномъ случаѣ поживиться чужою собственностью, нанести насилія, отправиться на разбой и грабежъ. Предпріятія подобнаго рода составляютъ нормальное явленіе; въ нихъ принимаютъ участіе шляхтичи и крестьяне, жолнеры и мѣщане, выходцы изъ сосѣднихъ государствъ и даже лица духовныя; организуются болѣе или менѣе крупныя разбойничіе отряды и предпринимаютъ цѣлые разбойничіе походы; вначалѣ столѣтія къ отрядамъ этимъ примыкаютъ самые разнородные элементы и грабежъ составляетъ единственную задачу ихъ существованія; но, мало по малу, въ составѣ отрядовъ начинаютъ преобладать элементы болѣе однородные: бѣглые крестьяне, запорожцы, охотники изъ мѣщанъ и лѣвобережныхъ козаковъ; всѣ недовольные положеніемъ дѣлъ въ обществѣ, примыкаютъ къ разбойничьей вольницѣ, направляютъ ея удары по преимуществу на панскіе дворы, и, помимо грабежа, сообщаютъ ей все болѣе и

болѣе рѣзкій характеръ борьбы съ господствующимъ элементомъ изъ за народныхъ началъ; въ подробностяхъ гайдамацкихъ походовъ, записанныхъ въ актовыя книги, характеръ этотъ начинаетъ ясно преобладать уже около половины столѣтія и, наконецъ, разряжается въ двухъ-трехъ попыткахъ, носящихъ вполнѣ характеръ возстаній политическихъ, сословныхъ и религіозныхъ.

Тѣмъ не менѣе въ общей характеристикѣ гайдамачества видны постоянно, въ различныхъ, смотря по времени и обстоятельствамъ доляхъ, двѣ разнородныя стороны, сложившіяся въ одно явленіе: народный протестъ противъ польско-шляхетскаго порядка и стремленіе къ удовлетворенію личнаго произвола или корысти; вторая черта была неминуемымъ послѣдствіемъ какъ той низкой степени развитія народа, при которой ясно не разграничиваются въ понятіи дѣйствующихъ лицъ: общее отъ личнаго, долгъ отъ страсти, такъ и того отсутствія распорядительной власти въ государствѣ, на который было указано. Что личный произволъ и побужденія корыстныя примѣшивались ко всякому общественному дѣлу въ речи посполитой, вслѣдствіе ея-же ненормальнаго строя, въ томъ можно ясно убѣдиться, посмотрѣвъ на ходъ общественныхъ дѣлъ въ самой шляхетской средѣ, которая могла дѣйствовать въ строго законныхъ предѣлахъ. Трудно дѣйствительно было ожидать гражданскаго образа дѣйствій, основаннаго исключительно на ясно сознанныхъ нравственныхъ и политическихъ принципахъ, на безкорыстіи и самопожертвованіи отъ подавленной, пребывающей въ невѣжествѣ, угнѣтаемой и оскорбляемой крестьянской массы въ томъ государствѣ, гдѣ просвѣщавшееся и господствовавшее сословіе лишено было пониманія всѣхъ названныхъ мотивовъ какъ въ публичной такъ и въ частной жизни: гдѣ, при появленіи иноземнаго войска, немедленно часть полноправныхъ гражданъ принимала сторону враговъ и шла грабить имущество остальныхъ согражданъ (какъ это случилосьво время войны со Шведами), гдѣ выборныя лица

отъ народа, составлявшія высшую правительственную коллегію (сеймъ) получали поголовно жалованье отъ иностранныхъ правительствъ, гдѣ областные сеймики рѣшали публичныя пренія сабельными и палочными ударами, гдѣ судебные приговоры исполнялись заѣздами, т. е. легализированнымъ разбоемъ и грабежемъ, гдѣ, наконецъ, войско получало, въ большей части случаевъ, жалованье посредствомъ военныхъ конфедерацій т. е. систематическаго грабежа на пространствѣ нѣсколькихъ областей.

Съ двойнымъ характеромъ: разбоя и сопротивленія панскимъ порядкамъ появляется гайдамачество съ самаго начала XVIII столѣтія, первоначально на Волыни и Подоліи, затѣмъ, по мѣрѣ заселенія страны, и въ Украинѣ, гдѣ, благодаря выгоднымъ географилескимъ условіямъ: близости трехъ границъ (Русской, Турецкой и Молдавской) и переходному положенію края, оно окончательно сосредоточивается во второй четверти столѣтія. Первые признаки зарождавшегося гайдамачества мы встрѣчаемъ въ актахъ Волынскихъ повѣтовъ; такъ, еще во время Шведской войны, пользуясь смутнымъ временемъ, частыми проходами различныхъ войскъ и междуусобіемъ среди шхяхты, мѣстные жители: крестьяне и мѣщане, составляли небольшіе отряды, и, принимая имя козаковъ, нападали на дворы пановъ и евреевъ. Уже въ 1708 году мы встрѣчаемъ подробный расказъ о похожденіяхъ одного изъ такихъ отрядовъ, составившагося въ окресности Межирича Корецкаго подъ предводительствомъ мѣщанина этого города, Грицька Пащенка, изъ отбившихся отъ своихъ командъ козаковъ, русскихъ салдатъ и даже Калмыковъ; выдавая себя за козацкаго начальника, Пащенко грабилъ панскіе дворы и еврейскія аренды и взымалъ въ свою пользу контрибуцію деньгами и разными припасами [1]). Вскорѣ количество подобныхъ отрядовъ умножилось на Волыни до такой степени,

---

[1]) См. № IV, стр. 5.

что въ 1712 году, коронный гетманъ, Сенявскій, долженъ былъ отъ дѣйствующей арміи отдѣлить часть войска и поручить ей заняться исключительно истребленіемъ »своевольныхъ купъ«, которыя стали собираться и безчинствовать въ Волынскомъ воеводствѣ [1]).

Въ тоже почти время въ Подоліи, и въ пограничной съ нею полосѣ Брацлавщины появлялись все чаще и чаще подобныя-же явленія безурядицы и народнаго броженія: съ 1713 года мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ нападеній то на купцевъ-евреевъ, то на панскіе дворы, то на мѣстечка и т. д. Часто виновниками нападеній оказываются мѣстные крестьяне, иногда Запорожцы врываются съ этою цѣлью изъ Молдавіи, часто сами шляхтичи не брезгаютъ предпочесть грабежъ болѣе мирнымъ занятіямъ; такъ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ въ актахъ упоминанія о томъ, что въ окрестности Хмѣльника крестьяне села Багриновецъ ограбили казну сборщика земскихъ податей. Въ мѣстечкѣ Стрыжавкѣ нѣсколько человѣкъ крестьянъ отправились, по ихъ собственному выраженію, »искать счастія въ добычѣ« и поживились всякимъ добромъ проѣзжихъ купцевъ евреевъ; но добро это не пошло имъ въ прокъ—они попали подъ магистратскій судъ, а добыча ихъ въ сундуки экономическаго начальства. Въ томъ-же году отрядъ запорожцевъ налетѣлъ на мѣстечко Пиковъ, ограбилъ это имѣніе князя Любомирскаго и перебилъ или поранилъ населявшихъ его евреевъ. Въ свою очередь дворяне, прельщаясь легкою добычею, то входили въ стачки съ грабителями, доставляя имъ безопасные притоны въ своихъ имѣніяхъ, конечно за значительный дивидендъ отъ ихъ заработка, то сами предпринимали походы съ цѣлью »поисковъ за счастіемъ«; Такъ встрѣчаемъ рѣшеніе суда, по которому дворянинъ Доминикъ Матковскій приговоренъ къ висельницѣ за то, что съ юныхъ лѣтъ, странствуя по разнымъ воеводствамъ, постоянно занимался воров-

---

[1]) См. № V, стр. 9.

ствомъ и разбоемъ въ сообществѣ съ восьмью другими шляхтичами, и, наконецъ, застрѣлилъ одного изъ своихъ товарищей, дворянина Сухорабскаго, желая присвоить себѣ его пай въ добычѣ [1]).

Еще привольнѣе могли развернуться страсти въ степной, совершенно обезлюдившей тогда Украинѣ; тамъ, на плодоносной но совершенно опустѣвшей равнинѣ двухъ воеводствъ: Кіевскаго и Брацлавскаго, образовались маленькіе отряды всякаго сброднаго люда и разъѣзжали по широкой степи, разбивая купеческіе обозы, отгоняя стада лошадей и т. д. Похожденія одного такого отряда мы знаемъ изъ показаній двухъ его участниковъ: шляхтича Михаила Янковскаго и его »пахолка,« т. е. слуги, Илька Ледовскаго. Отрядъ этотъ, состоявшій изъ 15 человѣкъ, составился въ 1713 г. въ окрестности Кіева изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: донскихъ козаковъ, крестьянъ, шляхтичей, молдаванъ, крещеныхъ евреевъ и т. д;—онъ выѣхалъ за русскую границу подъ предводительствомъ запорожца Дзюбы, знавшаго отлично мѣстность, подъ предлогомъ поступленія на службу въ Польшѣ, но, вмѣсто того, занялся разбоемъ. Ночуя въ опустѣлыхъ селахъ, безпрепятственно проѣзжая вдоль всю страну до Днѣстра, находя радушный пріемъ въ рѣдкихъ хуторахъ, куда стали пріѣзжать панскіе осадчіе, вольница свободно поджидала купеческіе обозы и живилась на ихъ счетъ; иногда гребежъ попадался богатый: такъ, послѣ нападенія на одинъ изъ каравановъ, на долю каждаго участника пришлось чистыми деньгами по 450 злотыхъ; другой разъ они добыли прекрасныхъ лошадей и т. д. Наконецъ, нагулявшись въ волю, удальцы, направились къ Немирову и, раздѣлившись, разбрелись по селамъ; здѣсь они переженились и принялись преспокойно разводить хозяйство на добытыя въ степи средства [2]).

---

[1]) См. №№: VI, стр. 10; VIII стр. 15; X, стр. 19; XIV, стр. 28 и XIX, стр. 39.

[2]) См. № XI стр. 20. Также Архивъ Юго-Западной Руси Ч. III, т. 2, стр. 771.

На порубежныхъ полосахъ Украины, гдѣ народонаселеніе отчасти уцѣлѣло, или тамъ, гдѣ оно стало медленно водворяться, мы встрѣчаемъ тѣже симптомы броженія; такъ въ Кіевскомъ Полѣсьи крестіяне бѣгутъ въ близлежащую степь, селятся на болѣе льготныхъ условіяхъ, на земляхъ новыхъ помѣщиковъ и, вмѣстѣ съ односельцами, нападаютъ на села бывшихъ своихъ владѣльцевъ, угоняютъ ихъ скотъ, угрожаютъ имъ разореніемъ и смертью и, тѣмъ не менѣе, находятъ пріютъ и защиту у новыхъ помѣщиковъ [1]). Въ новоосаженномъ мѣстечкѣ Паволочи, управляющій пригласилъ на слободу, между прочими переселенцами, русскихъ выходцевъ, старообрядцевъ; но поселенцы эти немедленно приняли участіе въ общемъ броженіи края: они отправились на лодкахъ вверхъ по Днѣпру и Припяти и ограбили нѣсколько селъ и дворовъ въ Мозырскомъ повѣтѣ [2]). На другой, южной, закраинѣ степи, жители новопоселеннаго мѣстечка Тарговицы оказывали гостепріимство »подозрительнымъ людямъ« ходили вмѣстѣ съ ними въ степь для добычи и хранили награбленныя вещи въ казнохранилищѣ своей приходской церкви. Наконецъ во всемъ Побережьи, между Бугомъ и Днѣстромъ разбойничали мѣлкія шайки степняковъ, состоявшія впрочемъ въ связи съ сельскими войтами, осадчами, начальниками надворныхъ козаковъ, иногда даже съ владѣльцами заселявшихся имѣній въ той мѣстности [3]).

На сколько существованіе такихъ отрядовъ составляло повседневное явленіе и на сколько широки были ихъ связи съ лицами разныхъ сословій осѣдлаго населенія, мы можемъ судить по универсалу, разосланному къ жителямъ всего края въ 1717 году вновь назначеннымъ региментаремъ Украинской партіи (т. е. военнымъ начальникомъ Украинскихъ воеводствъ) Яномъ Галецкимъ.

---

1) См. № XIII, стр. 25.
2) См. № XVII, стр. 36.
3) См. № XVI стр. 33 и № XVIII, стр. 37.

Въ универсалѣ этомъ региментарь говоритъ слѣдующее: »Милостивыхъ пановъ моихъ, господъ помѣщиковъ, всѣхъ вообще, усильно прошу немедленно извѣщать моего намѣстника, пана Ольшевскаго, о пребываніи своевольныхъ »купъ гейдамацкоі сволочи« гдѣ-бы таковыя ни находились, особенно же въ воеводствѣ Брацлавскомъ и части Кіевскаго, то есть въ Украинѣ »вовсе ихъ не охраняя; особенно-же пановъ губернаторовъ (т. е. управляющихъ) и войтовъ прошу обратить вниманіе на то, что они будутъ отвѣчать передъ речью посполитою въ случаѣ, если обнаружится связь кого-либо изъ нихъ съ своевольными людьми« [1]).

Въ универсалѣ этомъ въ первый разъ появляется терминъ, которымъ обозначилось новое явленіе, именно названіе *гайдамаки*, никогда раньше этого документа не встрѣчавшееся намъ ни въ историческихъ записках ни въ актахъ. Названіе это сложилось въ началѣ XVIII столѣтія для обозначенія того движенія, которое тогда появилось на смѣну козацкихъ движеній и отличительныя черты котораго мы указали выше. Мы полагаемъ, что примѣненіе этого слова къ крестьянскимъ движеніямъ болѣе ранняго времени, подымавшимся какъ-бы въ подспоріе козацкимъ усиліямъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ [2]) или Паліѣ, составляетъ анахронизмъ.

---

1) См. № XII, стр. 23.

2) Въ сочиненіи г. Костомарова Богданъ Хмельницкій »*гайдамацкими загонами*« названы отряды возставшихъ въ то время крестьянъ. Мы полагаемъ, что терминъ этотъ употребленъ по аналогіи съ позднѣйшими историческими событіями, но сомнѣваемся въ существованіи его въ источникахъ XVII столѣтія.

Въ этимологическомъ отношеніи слово гайдамакъ заимствовано изъ турецкаго языка, гдѣ существуетъ междометіе *гайде*, по татарски *хайда*, означающее: прочь, пошелъ. Суффиксъ *макъ* составляетъ въ турецкомъ языкѣ окончаніе неопредѣленнаго наклоненія; посредствомъ приставки его къ указанному междометію образуется глагольная форма *гайдемакъ*—гнать.

Въ турецкомъ языкѣ въ свою очередь это слово заимствовано изъ арабскаго, въ которомъ глагольный корень *гада* означаетъ: сму-

Подъ гайдамаками разумѣлись первоначально только разбойничіе отряды, появившіеся въ правобережной Украинѣ въ началѣ XVIII столѣтія и названіе это стало примѣняться къ крестьянскимъ движеніямъ только въ половинѣ этого столѣтія, когда около ядра, образованнаго гайдамаками-грабителями, мало-по-малу сгруппировались бѣглые или недовольные крестьяне. Первый разъ такой характеръ, съ яснымъ преобладаніемъ элементовъ борьбы народной и сословной, гайдамачество принимаетъ только въ 1734 году вслѣдствіе условій, которыя мы подробнѣе укажемъ при передачѣ свѣдѣній о самомъ фактѣ, насколько онъ уясняется изъ собранныхъ документовъ; до того-же времени не можемъ не признать въ гайдамачествѣ преобладанія инстинктовъ исключительно своекорыстныхъ, подобно выше указаннымъ фактамъ.

Но прежде, чѣмъ приступить къ расказу о событіяхъ 1734 года и послѣдовавшихъ за нимъ гайдамацкихъ походовъ и крестьянскихъ возстаній, необходимо остановиться на общей характеристикѣ гайдамацкаго движенія, а также мѣръ, принятыхъ шляхетскимъ обществомъ и правительствомъ для противудѣйствія ему. Характеристика такая необходима потому, что сами факты слишкомъ мелки, рѣдко достигаютъ болѣе крупныхъ размѣровъ, разсыпаны на пространствѣ обширной территоріи и продолжаются почти полъ столѣтія въ видѣ спорадическихъ частныхъ попытокъ, слѣдя за которыми, повѣтствователь невольно долженъ погрузиться въ подробности и упустить возможность представленія общей

щать, безпокоить, приводить въ движеніе. Такимъ образомъ арабскій глаголъ, принявшій турецкую окраску, перешелъ въ южную Русь въ значеніи существительнаго, но удержалъ свое основное значеніе, выражая человѣка производящаго смуту, безпокоющаго, гонящаго или гонимаго. Bianchi et Kieffer. Dictionnaire Turc—français, изд. 2-ое т. II, стр. 1205; Лазарь Будаговъ—Сравнительный словарь Турецко-татарскихъ нарѣчій т. II, стр. 311; Biberstein-Kazimirski Dictionnaire Arabe-Français т. II, стр. 1465. Свѣдѣнія эти сообщены намъ обязательно К. Н. Лининымъ.

связи между многочисленными однородными, хотя не лишенными разнообразныхъ оттѣнковъ, фактами.

Въ характеристикѣ гайдамачества мы постараемся указать: Составъ гайдамацкихъ отрядовъ, ихъ образъ дѣйствія, связи соединявшіе гайдамаковъ съ жителями края, въ которомъ они дѣйствовали, мѣстности, въ которыхъ организовались отряды и находили пріютъ послѣ совершенія походовъ и, наконецъ, тѣ мѣры, которыми польское правительство и общество старались противудѣйствовать развитію гайдамачества.

Если обратимъ вниманіе на составъ гайдамачества по происхожденію лицъ поступавшихъ въ его отряды, то въ числѣ ихъ мы встрѣтимъ представителей не только всевозможныхъ народностей и сословій, населявшихъ югозападный край, но и лицъ, явившихся изъ сосѣднихъ областей, »особъ заграничныхъ« какъ нерѣдко выражаются польскія власти при ихъ допросахъ, т. е. лицъ родившихся или поселившихся внѣ предѣловъ речи-посполитой и отправлявшихся въ гайдамачество по различнымъ побужденіямъ. Главная масса контингента гайдамацкихъ отрядовъ состояла изъ крестьянъ югозападнаго края. Послѣ окончательнаго подавленія козачества и передачи югозападныхъ областей Польшѣ въ 1714 году—крестьяне очутились въ томъ положеніи, котораго старались избѣжать упорною борьбою въ теченіи двухъ столѣтій. Не смотря на льготы, предоставленныя помѣщиками въ заводимыхъ ими слободахъ въ степной Украинѣ, для крестьянъ ясно было, что льготы эти представляютъ только срочныя, временныя послабленія. При томъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя не запустѣли во время послѣдней борьбы: въ Подоліи, Волыни и Полѣсьи— льготъ вовсе не существовало и крѣпостныя отношенія развивались въ полной силѣ.

Раздраженіе крестьянъ было естественно и проявлялось постоянно и повсемѣстно [1]), подготовляя обильный матеріалъ для

---

[1]) Въ сочиненіи: »Гайдамачина, историческая монографія Д.

гайдамачества. Примѣры этого раздраженія, свидѣтельствующіе о постоянной глухой враждѣ крестіянъ противъ помѣщиковъ, встрѣ-

---

Мордовцева. Санктпетербургъ. 1870». Мы встрѣтили весьма странную постановку вопроса о причинахъ возникновенія гайдамачества. Г. Мордовцевъ полагаетъ, что гайдамачество, безпокоившее польскую шляхту въ теченіи всего XVIII столѣтія было результатомъ дурного обращенія съ крестіянами и экономическаго гнета не польскихъ а малороссійскихъ помѣщиковъ; онъ полагаетъ, что крестіяне малороссійскіе, раздраженные поведеніемъ своихъ старшинъ и пановъ, мстили не имъ, а польскимъ панамъ, которые вели себя по отношенію къ крестьянамъ весьма «гуманно», давали имъ значительныя «экономическія льготы» даже заботились о школьномъ образованіи ихъ дѣтей и о снабженіи ихъ «фабричными издѣліями и предметами роскоши, которые давала Польша» и т. д. (Стр. 10—14). За отсутствіемъ ссылокъ въ сочиненіи г. Мордовцева, мы не знаемъ на какихъ источникахъ основано его мнѣніе о мнимомъ благоденствіи крестіянъ и благодушіи польскихъ помѣщиковъ въ XVIII столѣтіи, но, тѣмъ не менѣе, мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что положеніе г. Мордовцева не вѣрно. Въ одномъ изъ предъидущихъ томовъ Архива Юго-Западной Россіи (ч. VI т. II) по инвентарямъ имѣній и другимъ документамъ указано было на положеніе крестіянъ въ юго-западномъ краѣ въ XVIII ст. и на значеніе мнимыхъ экономическихъ льготъ и мнимаго благодушія помѣщиковъ; здѣсь мы прибавимъ нѣсколько замѣчаній: какъ ни тяжелы были по мнѣнію г. Мордовцева экономическія условія быта крестіянъ въ Малороссіи, тѣмъ не менѣе до конца XVIII столѣтія крестіяне не были закрѣпощены, пользовались личною свободою и правомъ перехода съ мѣста на мѣсто, между тѣмъ какъ такого права не имѣли съ половины XVI столѣтія крестіяне польской Украины; при свободѣ-же перехода наврядъ-ли крестіяне могли быть доведены до того безвыходного положенія, которое должно было произвести гайдамачество. Затѣмъ гайдамачество исключительно проявлялось въ польской Украинѣ, и никогда не обращалось на Малороссію; мы не припомнимъ такого историческаго факта, въ которомъ реакція, вызванная въ извѣстной странѣ злоупотребленіями извѣстнаго сословія, поражала бы не это сословіе, а исключительно неповинныхъ и благодушныхъ жителей сосѣдней страны; нельзя-же французской Jacquerie объяснять поведеніемъ Нѣмецкихъ дворянъ или, наоборотъ, поводовъ нѣмецкой крестіянской войны искать въ образѣ дѣйствій французскихъ дворянъ. Наконецъ, провѣривъ фактически составъ гайдамаческихъ отрядовъ по приложеннымъ актамъ, невозможно не убѣдиться, что огромное большинство гайдамаковъ состоитъ изъ урожденцевъ польской Укра-

чаются намъ постоянно въ актовыхъ книгахъ, да и сами шляхтичи убѣждены были твердо въ существованіи такого настроенія въ крестіянской средѣ. Они беспрестанно толкуютъ о »врожденной хлопской злости (innata malitia), о склонности крестіянъ забывать »законы какъ Божественные, такъ и государственные по отношенію къ помѣщикамъ«, о необходимости строго наблюдать за ними и т. д. »Хлопы тамъ бѣшенные, склонные ко всѣмъ дурнымъ предпріятіямъ« говоритъ офицеръ Скульскій, описывая свой походъ на Украину. »Ледуховскіе, не обращая вниманія на то, что подданные въ Украинѣ склонны ко всякому своевольству, не измышляютъ достаточныхъ средствъ для ихъ усмиренія« говоритъ шляхтичъ Трипольскій въ жалобѣ на своихъ сосѣдей. »Подданные изъ мѣстечка Норинска, поступая по негодному своему обычаю, исполненные гайдамацкой дерзости.... и естественной ненависти и злорадства къ католической вѣрѣ« бесчинствуютъ противъ шляхтичей—по словамъ жалобы дворянина Гулевича [1]). Дворянинъ Николай Жураковскій, оправдываясь въ убіеніи крестіянина Рубана, утверждаетъ, что главными виновниками этого событія были: владѣлецъ Рубана, дворянинъ Былина и его прикащикъ, Бржостовскій, которые вели себя слишкомъ мягко въ отношеніи къ подвѣдомственнымъ имъ крестіянамъ и, такимъ образомъ, будто угрожали опастностью спокойствію цѣлой страны. При этомъ Жураковскій рисуетъ слѣдующими красками настроеніе крестіянъ въ данной мѣстности: »Подданные въ этомъ краѣ, сосѣднемъ съ Украиною.... по природѣ (naturaliter) склонны ко всякаго рода преступленіямъ, грабежамъ, убійствамъ и бунтамъ и постоянно

ины, что уроженцы Малороссіи попадаются между ними довольно рѣдко и то по большей части не крестіяне, а лица свободныхъ сословій: козаки, мѣщане, слобожане, что, слѣдовательно, вліяніе Малороссійскихъ поповъ и старшинъ на своихъ крестіянъ въ дѣлѣ гайдамачества остается ни при чемъ.

[1]) См. стр: 217, 275 и 460.

ихъ выжидаютъ.... этому настроенію нужно постоянно и серьезно противудѣйствовать, ибо изъ искры можетъ загорѣться огонь бунта, какъ съ издавна бывало, который едва напряженіемъ всѣхъ силъ можно будетъ потушить. Во время нынѣшнихъ смутъ крестіяне, вспоминая достойные плача поступки своихъ дѣдовъ, отважились (и пребываютъ понынѣ въ этомъ ожесточеніи сердца) причинить гибель сосѣднимъ областямъ и вновь пойти по гибельному пути своихъ предковъ«[1]). Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно, что шляхтичи ясно сознавали положеніе свое относительно крестіянъ и, не расчитывая на устраненіе причинъ, вызывавшихъ это недружелюбное отношеніе, полагались исключительно на мѣры строгости со стороны владѣльцевъ для подавленія бунта, готоваго вспыхнуть ежеминутно. Но мѣры эти зависѣли отъ личнаго характера владѣльца, не подчинялись никакому общему плану дѣйствій и оказывались недостаточными; потому по временамъ въ разныхъ концахъ югозападнаго края вспыхивали фактическія проявленія крестіянскаго неудовольствія, то въ видѣ единичныхъ фактовъ, то, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ видѣ болѣе или менѣе обширно разраставшагося движенія. При удобномъ случаѣ, крестіяне нападали на проѣзжавшихъ дворянъ, били ихъ и грабили, иногда врывались въ дома сосѣднихъ дворянъ и евреевъ, по временамъ составляли отряды и, ограбивши панскіе дворы или удовлетворивъ мести надъ помѣщикомъ, уходили за границу речи посполитой; бывали случаи, въ которыхъ цѣлыя села подымались, отправлялись въ походъ противъ дворянъ, даже вступали въ стычки съ отрядами коронпаго войска. Въ приведенныхъ актахъ такіе случаи встрѣчаются не рѣдко: такъ мы уже указали фактъ ограбленія сборщика земскихъ податей Брацлавскаго воеводства крестіянами села Багриновецъ[2]). Въ 1742 году судья гродскій жи-

---

[1]) См. № LXIV, стр. 115.
[2]) См. № VI стр. 10,

томирскій Михаилъ Щеневскій, проѣзжая черезъ село Новаки Овручскаго повѣта, потребовалъ для себя квартиры въ крестіянской избѣ и уступки воза за дешевую цѣну, но крестіяне въ этомъ селѣ »привыкли, по выраженію Щеневскаго, къ насиліямъ и безпорядкамъ« (они извѣстны были своею строптивостью), »не разъ уже нападали на шляхетскіе дворы и на проѣзжихъ шляхтичей«; и теперь они затѣяли ссору со слугами Щеневскаго, окружили съ дубинами и ружьями его поѣздъ, избили его слугъ и сына и прекратили нападеніе только благодаря посредничеству мѣстнаго священника, но, тѣмъ не менѣе, они окружили домъ, въ которомъ скрылся Щеневскій, и остротами, угрозами, пѣснями и плясками смущали его до ночи, приговаривали: »що намъ Ляхи не паны« [1]. Въ тоже почти время крестіяне мѣстечка Норинска оскорбленные проѣзжавшимъ дворяниномъ Гулевичемъ, обезоружили его, побили и ругались надъ нимъ непристойными словами, »которыя душа содрогается повторить, писалъ Гулевичъ, они называли меня негоднымъ Ляхомъ, юхою собачею и покойную мать мою въ недостойныхъ выраженіяхъ упоминали« [2]. Крестіяне изъ Ружинской волости напали на мытницу (т. е. внутреннюю таможню), учрежденную княземъ Янушемъ Вишневецкимъ на границѣ его имѣнія, ограбили ее и нанесли опасные раны двумъ сборщикамъ: шляхтичу и еврею. Въ селѣ Волосовѣ крестіяне условились бѣжать въ Запорожье и предварительно, подговоривъ слугу, завладѣли казною своего помѣщика. Крестіяне изъ селъ Бѣлополя и Кашировки, вмѣстѣ съ живущею въ этихъ селахъ чиншевою шляхтою, составили значительный отрядъ, отправились въ село Червоную, убили въ немъ помѣщика Феліціяна Третяка и ограбили его дворъ. Крестіяне изъ селъ Таборова и Ярославки составили также вооруженный отрядъ, напали на дворъ помѣщика Бобровскаго, убили его брата и слугу,

---

1) См. № CLXI стр. 330—333.
2) См. № CCXXVIII, стр. 460—462.

самаго Бобровскаго сильно изувѣчили, ограбили, да подожгли дворъ и сами бѣжали въ Кіевъ. Крестіяне села Быстрыка напали на село Свитыницы и, выдавая себя за гайдамаковъ, угнали табунъ лошадей дворянъ Цыриныхъ [1]). и т. д. Еще чаще встрѣчаются факты свидѣтельствующіе объ участіи бѣглыхъ крестьянъ въ гайдамацкихъ нападеніяхъ; бѣглые пристаютъ къ гайдамацкимъ отрядамъ, увеличиваютъ ихъ силы, служатъ гайдамацкими провожатыми, иногда сами составляютъ цѣлые отряды. Нѣтъ почти распроса пойманныхъ гайдамаковъ, въ которомъ не числились-бы бѣглые крестьяне, въ большинствѣ-же отрядовъ они составляютъ преобладающую долю [2]). Чѣмъ болѣе подвигаемся къ концу столѣтія, т. е. чѣмъ болѣе заселяется мѣстность, тѣмъ количество недовольныхъ бѣглыхъ крестьянъ возрастаетъ среди гайдамацкихъ скопищъ, тѣмъ болѣе присутствіе ихъ придаетъ гайдамачеству ясный оттѣнокъ сословной борьбы. Среди бѣглыхъ крестьянъ въ гайдамацкихъ отрядахъ мы встрѣчаемъ и жителей мѣстностей, ближайшихъ къ театру дѣйствій даннаго отряда, и крестьянъ сбѣжавшихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей: изъ Волыни, Подоліи, Овруцкаго Полѣсія; попадаются крестьяне, какъ въ первый разъ примкнувшіе къ гайдамакамъ, такъ и такіе, которые провели въ бѣгахъ уже многіе годы, побывали и въ Запорожьи, и на слободахъ, и въ службѣ у разныхъ лицъ, и не разъ примыкали къ гайдамакамъ; иные едва могутъ припомнить, какъ отдаленное воспоминаніе ранняго дѣтства, то время, когда они первый разъ вмѣстѣ съ родителями сбѣжали изъ подъ тяжелой панской руки.

Вообще, чѣмъ болѣе развивается гайдамачество, тѣмъ болѣе вниманіе крестьянъ на немъ сосредоточивается; они охотно возла-

---

[1]) См. №№: CV, стр. 217; CLVIII, стр. 323; CLIX, стр. 325; CXXXVII, стр. 272 и CCCXV, стр. 664.

[1]) См. №№: CLXXX, стр. 373; CLXXXI стр. 374, 376 и 377; CLXXXVII, стр. 387; CCCLIII стр. 743; CCCLVIII стр 759; CCCXXXII стр. 694; CCCLVII, стр. 757; CCLXIV, стр, 553 и т. д.

гаютъ всѣ надежды на эту единственную форму протеста противъ враждебнаго имъ общественнаго положенія, сосредоточиваютъ на ней всѣ свои симпатіи. Осѣдлые, даже зажиточные, крестіяне, при каждой сильно выдающейся несправедливости и своеволіи пана, немедленно вспоминаютъ гайдамаковъ, какъ единственную угрозу противъ гнетущей ихъ силы [1]). Это настроеніе крестьянъ постепенно возрастало и достаточно было малѣйшаго повода для того, чтобы крестьянинъ, занятый повидимому исключительно хозяйственными заботами, бросилъ послѣднія и примкнулъ къ гайдамацкому отряду при первомъ его появленіи. Вотъ, напримѣръ, разказъ заимствованный изъ показаній одного изъ подсудимыхъ, ясно рисующій отношенія крестьянъ къ гайдамакамъ: Въ селѣ Боркахъ, въ Чигиринскомъ староствѣ, поселился, перебѣжавшій туда крестьянинъ, Супрунъ Кіянко; вѣроятно наскучивъ бродячею жизнью, ея невзгодами и опасностями, онъ рѣшился остаться на мѣстѣ и заняться хозяйствомъ. Въ теченіи 18 лѣтъ оставался онъ вѣренъ принятому рѣшенію, какъ ни трудно было экономическое его положеніе, онъ жилъ на мѣстѣ, занимаясь исключительно земледѣліемъ; но къ концу этого времени возмужали сыновья Супруна и оказалось, что молодымъ людямъ труднѣе было переносить свое положеніе, чѣмъ изнуренному опытомъ скитальческой жизни старику; сначала старшій сынъ оставилъ родительскій домъ, вѣроятно съ вѣдома отца,

---

[1]) Факты, подтверждающіе такое настроеніе крестьянъ, мы встрѣчаемъ не только въ Украинѣ, но и въ мѣстностяхъ такихъ, куда гайдамачество проникало довольно рѣдко; такъ въ западной Волыни, въ селѣ Шепелѣ, въ окрестности Олыки, произошелъ слѣдующій случай: помѣщикъ, по неизвѣстной причинѣ, приказалъ арестовать сына приходского священника: слуги его ворвались ночью въ церковный домъ и произвели обыскъ. Испуганный священникъ ударилъ въ набатъ, собрались крестьяне, и одинъ изъ нихъ обратился къ помѣщичьимъ слугамъ съ угрозами: »ступайте домой, пока цѣлы, сказалъ онъ, берегитесь, чтобы панскому двору не случилось бѣды.« См. № CLXVI, стр. 342.

знавшаго о его дальнѣйшей судьбѣ, и ушелъ въ Запорожье, гдѣ поступилъ на службу къ сѣчевому полковнику Галагану; младшій, скрѣпя серце, рѣшился остаться для помощи отцу въ хозяйствѣ. Между тѣмъ рѣшеніе его подверглось сильному искушенію; весною 1734 года въ пасѣку Супруна явились нежданно гости: 12 человѣкъ гайдамаковъ, снарядившихся въ походъ, и нуждавшихся въ проводникѣ; они сразу обратились къ отцу съ предложеніемъ: »Послушай старикъ: или пусти съ нами сына погулять, или самъ проводи насъ.« Хозяинъ попытался было отклонить предложеніе, но сынъ прервалъ его словами: »Ты мене не удержишъ батьку, я зъ ними пиду!« Отецъ подумалъ, и, полагаясь болѣе на свою опытность и изворотливость, самъ отправился въ походъ; къ нимъ пристали и другіе крестіяне изъ того-же села, »все-же село Борки знало о нашемъ походѣ« говорилъ подсудимый [1]).

Расказанный фактъ составляетъ далеко не единичное явленіе при малѣйшемъ почипѣ съ чьей нибудь стороны, крестьяне юго-западной Руси готовы были всегда примкнуть къ гайдамакамъ: такъ напримѣръ въ 1734 году нѣсколько человѣкъ Запорожцевъ появляются въ мѣстечкѣ Жаботинѣ и немедленно всѣ мѣстные крестьяне пристаютъ къ нимъ, берутъ приступомъ замокъ, предаютъ смерти губернатора и грабятъ его имущество [2]). Такъ, встрѣченные на дорогѣ гайдамацкимъ отрядомъ проѣзжіе крестьяне сварачиваютъ съ пути и добровольно пристаютъ къ нимъ, похваляясь, что они уже неоднократно участвовали въ походахъ [3]). Иногда въ село является одинъ только ватажокъ (т. е. предводитель) будущаго отряда и немедленно изъ крестьянъ составляется ватага, достаточная для того, чтобы ограбить ближайшіе шляхетскіе дворы и перебить ихъ владѣльцевъ [4]). Иногда гайдамацкій отрядъ составляется

---

[1]) См. № LXXXIV, стр. 160—162.
[2]) См № CXXXI, стр. 264.
[3]) См. № CLXXXVII, стр. 388.
[4]) См. № CLXXIX стр. 371.

изъ крестьянъ, отправившихся для торговаго промысла и бросившихъ послѣдній для того, чтобы примкнуть къ Запорожцамъ, собравшимся »въ польскую область для разбою« [1]). Нерѣдко, наконецъ, крестьяне идутъ на грабежъ, руководимые мѣстными шляхтичами или лицами другихъ сословій, разсчитывавшими съ выгодою для себя воспользоваться смутнымъ состояніемъ края и напряженнымъ настроеніемъ крѣпостного сословія [2]).

Среди такого общаго настроенія крестіянъ очевидно, что главныя силы гайдамачества должны были пополняться въ этомъ сословіи: на ряду впрочемъ съ крестьянами попадаются жители и другихъ сословій края, хотя, конечно, въ гораздо меньшемъ количествѣ, какъ по причинѣ относительной малочисленности этихъ сословій, такъ и потому, что общественное положеніе ихъ членовъ было менѣе безвыходно, давало болѣе возможности разсчитывать на мирную, болѣе или менѣе обезпеченную жизнь. Такъ, по временамъ въ числѣ гайдамаковъ встрѣчаются мѣщане и мастеровые [3]). Изъ приведенныхъ актовъ не всегда можно указать причины, побудившія мѣщанъ присоединиться къ гайдамакамъ; во всякомъ случаѣ мы, кажется, не ошибемся, предполагая, что общій упадокъ въ городахъ торговой и промышленной дѣятельности, стѣснительныя цеховыя правила и полное преобладаніе въ городахъ евреевъ должны были вызывать участіе мѣщанъ въ общемъ броженіи. Въ одномъ изъ приведенныхъ актовъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что мѣщанинъ, арестованный въ гайдамацкомъ отрядѣ, попалъ въ него, избѣгая ареста, которому подвергъ его еврей изъ за денежнаго иска [4]).

---

1) См. № CCLVIII, стр. 542.

2) См. №№: CXLI, стр. 285, CCCXXXII стр. 695 и CCCLVI, стр. 757.

3) См. №№: V, VIII и XVIII.

4) См. № CXCI, стр. 394. О положеніи мѣщанъ въ городахъ Югозападнаго края въ XVIII ст. См. Арх. Юго-западной Россіи Ч. V, т. I.

Гораздо чаще встѣчаемъ мы шляхтичей въ числѣ участниковъ гайдамацкихъ походовъ—въ нихъ принимаютъ участіе и чиншовые шляхтичи, и бездомные, и мелкопомѣстные дворяне, и управители имѣній, и даже помѣщики. Конечно, по отношенію къ шляхтичамъ побудительныя причины лежали не въ юридическомъ положеніи дворянскаго сословія, а въ отсутствіи въ немъ нравственныхъ принциповъ съ одной стороны, и съ другой, въ томъ анархическомъ положеніи государства, которое давало имъ возможность легкой поживы и въ значительной долѣ обезпечивало безнаказность. Чаще всего поступаютъ въ гайдамаки служилые шляхтичи, долго слонявшіеся по панскимъ дворамъ въ качествѣ слугъ и соскучившіеся въ придворной праздности или покончившіе разсчеты съ последнимъ паномъ крупною кражею. Характеристическая черта участія ихъ въ гайдамачествѣ состоитъ въ томъ, что лица эти, поступая въ гайдамаки, стараются сохранить свое родовое достоинство и являются весьма часто въ сопровожденіи слугъ, которыхъ называютъ своими пахолками, кучерами, челядницами и т. п.—словно записываются въ компутъ какой-нибудь панцырной хоругви. Иногда дворяне составляютъ самостоятельные шляхетскіе отряды грабителей, иногда просто остаются жить въ своихъ домахъ, но отъ времени до времени, въ видѣ подспорія къ своему хозяйству, выѣзжаютъ ночью на дорогу поживиться сверхсмѣтнымъ доходомъ на счетъ проѣзжихъ [1]). Къ такого рода продѣлкамъ прибѣгали иногда и болѣе зажиточные люди, но, въ такомъ случаѣ, предпріятіе принимало болѣе крупные размѣры; такъ въ 1733 году поступила жалоба на дворянина Жураковскаго о томъ, что онъ, пользуясь переходомъ русскихъ и козацкихъ войскъ черезъ Подоліе

---

[1]) См. №№: XI стр. 20; XIX стр. 39; LIX, стр. 102; CXVI, стр. 239; CXXXVIII, стр. 277; CXLI, стр. 283; CLXII, стр. 334; CLXXVI, стр. 365; CCXLIII, стр. 509; CCLII, стр. 525; CCCXXXII, стр. 696—700; CCCXXVI, стр. 685 и т. д, также Скальковскаго—Наѣзды гайдамакъ на западную Россію, стр. 52—53.

составилъ значительный отрядъ, навербовавъ въ него жителей имѣній Шаргорода, Лучинецъ и Яруги, и, выдавая свое сборище за отрядъ козацкаго войска, сталъ разорять окрестныя села, дворы и имѣнія, отгонялъ табуны сосѣдей, грабилъ даже костелы и убивалъ другихъ дворянъ въ случаѣ сопротивленія [1]).

Въ 1751 году встрѣчаемъ разсказъ о томъ, что помѣщики Юхновскіе, переодѣвшись гайдамаками, и выкрасивъ лица сажею, напали съ толпою слугъ на имѣніе сосѣда своего Рудницкаго, изувѣчили его крестьянъ и ограбили дворъ [2]). Въ 1750 году пріоръ Доминиканскаго Бышевскаго монастыря, Ѳома Клюковскій, напалъ съ отрядомъ своихъ надворныхъ козаковъ на имѣніе дворянъ Левкевичей—Новоселки и ограбилъ въ немъ шинокъ, выдавая свой отрядъ за гайдамаковъ и подражая ихъ пріемамъ при нападеніи [3]).

Затѣмъ, въ числѣ гайдамаковъ мы встрѣчаемъ представителей и другихъ категорій населенія югозападнаго края: иногда попадаются, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, церковные причетники и сыновья священниковъ [4]), затѣмъ, все возможные выходцы, поселившіеся въ колонизуемой странѣ; между послѣдними особенно часто встрѣчаются такъ называемые »волохи« и »филиповцы«. Волохи были молдавскіе выходцы, частью переселившіеся въ качествѣ хлѣбопашцевъ въ новооткрытыя подольскія и украинскія слободы, частью вызванные на льготныхъ условіяхъ самимъ правительствомъ и шляхтою, съ цѣлью организовать изъ нихъ милицію противъ гайдамаковъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ Молдаване весьма быстро сживались съ мѣстнымъ крестьянскимъ народонаселеніемъ, къ которому были гораздо ближе и по образу жизни и по вѣроисповѣданію чѣмъ къ шляхтичамъ; они роднились

1) См. № XXI, стр. 43.
2) См. № CCCVII, стр. 637
3) См. № CCXXXVIII, стр. 477.
4) См. №№: CCCXXVI, стр. 686; CCCLVI стр 755 и CCCLVII, стр. 758.

съ крестьянами, раздѣляли крестьянскіе интересы и симпатіи и, такимъ образомъ, стали примыкать къ гайдамачеству [1]). Филиповцы, т. е. великорусскіе раскольники, выселившіеся также на слободы, стояли къ народонаселенію нѣсколько въ другихъ отношеніяхъ; они размѣстились въ отдѣльныхъ слободахъ, руководимые исключительностью религіозныхъ толковъ, они не роднились съ крестьянами и не примыкали къ общему движенію крестьянской массы, но, очутившись среди страны, погруженной въ анархію, они не стѣснялись поживиться при случаѣ, среди общей сумятицы. Мы не встрѣчаемъ раскольниковъ въ числѣ членовъ гайдамацкихъ отрядовъ, они дѣйствуютъ всегда одни, на свою руку, причемъ иногда ограничиваются отдѣльными единичными фактами грабежа, иногда-же предпринимаютъ довольно отдаленные и продолжительные походы [2]). Наконецъ, среди гайдамаковъ мы встрѣчаемъ довольно часто «выхрестовъ« т. е. крещеныхъ евреевъ, которые конечно смотрятъ на гайдамачество исключительно, какъ на прибыльное занятіе [3]).

Но сверхъ вышеприведенныхъ элементовъ, входившихъ въ составъ гайдамачества, послѣднее получало еще значительный запасъ силъ, приходившихъ къ нему изъ за границы речипосполитой. Польская Украина съ восточной и южной стороны примыкала къ русскимъ областямъ, заселеннымъ народомъ, тождественнымъ во всѣхъ отношеніяхъ съ ея собственнымъ народонаселеніемъ.

Въ Малороссіи, лежавшей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ округѣ, приписанномъ къ Кіеву на правой сторонѣ этой рѣки и особенно въ Запорожскихъ степяхъ, простиравшихся на югъ отъ Тясьмина и Синюхи, гайдамачество находило сочувствіе и дѣятельную поддержку. Жители этихъ областей руководились, конечно, другими

---

1) См. №№ XLIV, стр. 43; LIX. стр. 103. LXXXVII, стр. 175. и CXVI, стр. 239.

2) См. №№: XVII, стр. 36; CLXXVIII, стр. 369 и CLIX, стр. 372.

3) См. №№ XI, стр. 20; CLXXXVII, стр. 387; CXC, стр. 392.

побужденіями, чѣмъ недовольные закрѣпощеніемъ, волновавшіеся крестьяне югозападнаго края, и примыкавшіе къ послѣднимъ разнородные элементы, чуявшіе въ гайдамачествѣ грабежъ и поживу: свободные и обеспеченные въ экономическомъ отношеніи, лѣвобережные козаки, Кіевскіе мѣщане, новослободскіе поселенцы и особенно Запорожцы принимаютъ участіе въ гайдамачествѣ очевидно не изъ побужденій личнаго интереса; они сознаютъ свою солидарность съ народонаселеніемъ страны, въ которой развивается гайдамачество, и примыкаютъ къ нему на основаніи убѣжденій общественныхъ, народныхъ и религіозныхъ, выработанныхъ исторіею страны и сохранившихся въ видѣ унаслѣдованнаго преданія старой козацкой борьбы. Захватъ правобережной Украины Поляками, господство въ ней шляхетскаго сословія, дѣятельное водвореніе уніи—являются въ глазахъ освободившихся жителей Малороссіи и Запорожья историческою несправедливостью, отрицаніемъ завѣтной мысли козацкой борьбы; противудѣйствіе Ляхамъ есть, по ихъ мнѣнію, естественная традиціонная обязанность, которой они не могутъ не подчиниться и не примкнуть къ той новой формѣ протеста, которая стала развиваться послѣ паденія козачества. Съ теченіемъ времени усиливается ихъ участіе въ гайдамачествѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, само движеніе принимаетъ характеръ все болѣе и болѣе народной борьбы, отстраняя на задній планъ элементы грабежа и разбоя. Существованіе такого отношенія Запорожья и народонаселенія Малороссіи къ гайдамачеству мы укажемъ подробнѣе при разсмотрѣніи вліянія Коша и Кіевскихъ монастырей на ходъ гайдамацкаго движенія. Теперь замѣтимъ только общія причины присутствія въ гайдамацкихъ отрядахъ свободныхъ жителей Русской Украины и Запорожья.

Разсматривая ихъ участіе въ движеніи, мы можемъ сразу замѣтить, что участіе это далеко не равномѣрно. Жители лѣвобережныхъ полковъ и сотенъ, мѣщане Кіевскіе и другихъ малороссійскихъ городовъ, не смотря на общее сочувствіе къ гайдамачеству

сами отправляются рѣдко въ походы: они готовы дать у себя пріютъ гайдамакамъ, снабдить ихъ необходимымъ, снарядить въ походъ, но лично они слишкомъ заняты своими гражданскими и экономическими интересами для того, чтобы, оставивъ ихъ, подвергаться опасностямъ рискованнаго предпріятія; въ розыскныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ мы потому встрѣчаемъ очень часто свѣдѣнія о томъ, что отряды организовались въ Малороссіи и особенно въ Кіевской территоріи, или укрывались въ этихъ областяхъ, но весьма рѣдко встрѣчаемъ жителей Малороссійскихъ полковъ и сотенъ въ числѣ пойманныхъ гайдамаковъ [1]). Совершенно иначе относились къ движенію Запорожцы: они никогда не признавали возможности окончательной уступки югозападнаго края Польшѣ и считали своею обязанностью на дѣлѣ протестовать противъ совершившагося факта; лишь только возвратились они изъ своего изгнанія въ Алешки и возобновили въ 1734 г. Сѣчь въ бывшихъ своихъ угодіяхъ—они немедленно приняли живое участіе въ возгорѣвшемся народномъ броженіи. Годъ спустя, въ 1735 г., мы встрѣчаемъ уже первыхъ Запорожцевъ въ рядахъ гайдамаковъ [2]).

За тѣмъ количество ихъ все болѣе и болѣе усиливается и около 1750 года все гайдамацкое движеніе сосредоточивается около Запорожцевъ. Послѣдніе не только постоянно встрѣчаются въ составѣ гайдамацкихъ отрядовъ, но являются главными ихъ руководителями: какъ люди болѣе опытные въ военномъ дѣлѣ, особенно въ партизантской войнѣ, они обдумываютъ походы, указываютъ пріемы, предводительствуютъ отрядами, и, наконецъ, устраиваютъ въ сѣверной полосѣ своихъ степей: въ гардахъ, пасѣкахъ,

[1]) Фактъ этотъ наглядно противорѣчитъ взгляду на причины происхожденія гайдамачества, высказанному въ книгѣ г. Мордовцева, о которомъ мы выше упомянули. Слѣды личнаго участія жителей Малороссіи въ гайдамацкихъ набѣгахъ мы нашли только въ 4 актахъ: См. №№: CLXXXI стр 374—378, CLXXXVII, стр 387; CCLXXXIII, стр. 593 и CCCXXVI стр. 686.

[2]) См № LXXXIV стр. 161.

и зимовникахъ сборные пункты для бѣглыхъ крестьянъ и постоянное мѣсто организаціи и вербовки гайдамацкихъ отрядовъ. Ни предписанія Русскихъ властей, ни энергическія мѣры, предпринимавшіяся по временамъ Запорожскою старшиною, не могутъ остановить стремленія Запорожцевъ въ польскую Украину. Стремленіе это естественно возрастало, поддерживаемое какъ преданіями козацкой старины, хранителемъ которыхъ было Запорожье, такъ и постояннымъ приливомъ новыхъ братчиковъ, записывавшихся въ курени.—Контингентъ, которымъ пополнялось Запорожье, состоялъ или изъ бѣглыхъ крестьянъ волновавшейся Украины, или изъ охотниковъ, приходившихъ изъ Малороссіи, въ надеждѣ на военную дѣятельность, козацкую славу и участіе въ военныхъ подвигахъ Запорожской общины. Такимъ образомъ Запорожье, пополняясь самыми энергическими и предпріимчивыми лицами какъ польской, такъ и русской Украинъ, представляя собою самый чистый образецъ стараго козацкаго идеала, естественно должно было принять дѣятельное участіе въ попыткахъ къ осуществленію его на болѣе обширной территоріи, не могло уклониться отъ борьбы съ исконными противниками этого идеала. Не удивительно потому, что Запорожцы появляются все чаще среди гайдамаковъ и, наконецъ, становятся необходимымъ, руководящимъ элементомъ гайдамачества. По мѣрѣ ихъ появленія рѣже становятся чисто крестьянскія вспышки и уступаютъ далеко на второй планъ разбойническія предпріятія: гайдамачество пріобрѣтаетъ видъ постоянной, организованной войны противъ шляхетства, и, не смотря на всѣ принятыя противъ него мѣры, постоянно крѣпнетъ, усиливается и разростается. Бѣглые крестьяне не составляютъ уже самостоятельныхъ отрядовъ; они большею частію бѣгутъ прежде въ Запорожье, записываются въ куреня и появляются въ отрядахъ уже въ качествѣ Запорожцевъ; потому въ числѣ пойманныхъ гайдамаковъ Запорожцы появляются все въ большемъ и большемъ количествѣ [1]).

---

[1]) См. №№: CXIII, стр 235; CXXXI, стр 264; CLXXI, стр.

Желая помѣшать вмѣшательству Запорожцевъ во внутреннія дѣла рѣчи-посполитой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, укрѣпить границы посредствомъ военныхъ поселеній, русское правительство въ періодъ времени съ 1743 по 1755 отдѣлило запорожскія степи отъ польской Украины цѣпью крѣпостей, тянувшихся отъ Днѣпра до Буга, и на порубежной тесьмѣ старалось водворить осѣдлое населеніе, подъ именемъ Ново-Сербіи и Новослободскихъ поселеній;—скитавшимся по этимъ степямъ выходцамъ объявлено было, что они могутъ селиться на свободныхъ земляхъ и поступать въ новоорганизуемую пограничную милицію. Дѣйствительно поселенія эти образовались, но на ходъ гайдамачества возникновеніе ихъ не имѣло ожидаемаго вліянія. Гайдамаки продолжали находить пріютъ въ этой странѣ среди рѣдкихъ поселеній, и уже съ 1751 года въ числѣ ихъ мы начинаемъ встрѣчать жителей только что возникшихъ новослободскихъ сотень: Цыбулева, Уховки, Крылова и т. д. [1]).

Такимъ образомъ, разсматривая составъ гайдамацкихъ отрядовъ по происхожденію, мы видимъ, что главную массу ихъ составляли крестьяне югозападнаго края и сословія, примыкавшія къ крестьянамъ болѣе или менѣе близко: мѣщане, волохи и т. п; значительный контингентъ и вмѣстѣ военное и политическое руководство доставляли Запорожцы, наконецъ, къ гайдамачеству приставали лица, не заинтересованные по принципу въ борьбѣ и искавшіе только поживы: среди этой категоріи гайдамаковъ, составлявшихъ впрочемъ весьма слабое меньшинство, самую многочисленную группу представляютъ шляхтичи.

При указанномъ выше отношеніи массы народонаселенія южнорусскаго края къ гайдамачеству, сочувствіе первой не ограничи-

---

351; CLXXIX, стр. 370; CLXXXIII, стр. 380; CLXXXVII стр. 388. CXCI, стр. 393; CCLVII, стр. 539; CCLVIII, стр. 542; CCLX, стр; 546; CCXC, стр. 608—609; CCXCIX, стр. 625 и т. д.

[1]) См. №№: CCXC, стр 606—614; CCXCV, стр. 620; CCLXXV, стр. 578.

валось исключительно личнымъ участіемъ жителей этого края въ гайдамацкихъ походахъ; помощь, гораздо болѣе существенная, оказывалась ихъ отрядамъ посредствомъ сочувствія, встрѣчавшаго гайдамаковъ въ большинствѣ случаевъ среди опасныхъ странствованій, предпринимаемыхъ ими въ краѣ. Не только отдѣльные личности изъ числа крестіянъ, мѣщанъ и т. д. состояли въ связи съ гайдамаками, но нерѣдко цѣлыя села обвинялись въ томъ, что знали о присутствіи гайдамаковъ, и не только не доносили о нихъ ни въ панскій дворъ, ни въ урядъ, но, напротивъ того, старались оказать имъ возможное содѣйствіе [1]). Власти до того убѣждены были какъ въ существованіи подобныхъ связей, такъ и въ томъ, что гайдамаки пользуются повсемѣстно поддержкою со стороны жителей селъ и мѣстечекъ, что нерѣдко издавали универсалы съ цѣлью прекратить угрозами такого рода сношенія. Такъ, въ 1737 году начальникъ »украинской партіи« разослалъ универсалъ во всѣ города, мѣстечка и села украинскихъ воеводствъ, въ которомъ угрожалъ смертью и разореніемъ жителямъ населенныхъ мѣстъ, если они, при появленіи гайдамаковъ, не будутъ употреблять всѣхъ усилій для ихъ истребленія и поимки [2]). Но подобныя угрозы оставались не дѣйствительными и неисполнимость ихъ была слишкомъ очевидна. Потому крестьяне продолжали свой образъ дѣйствія: находящійся въ пути отрядъ гайдамаковъ обращался въ первое встрѣчное село за съѣстными припасами, и никогда не встрѣчалъ отказа; крестьяне, мѣщане, пасѣчники и т. д. снабжали ихъ хлѣбомъ, борошномъ, пшеномъ, сушеною рыбою и т. д.; иногда самъ войтъ сельской обходилъ хаты поселянъ и собиралъ провизію для гайдамаковъ; иногда крестіяне высылали въ лѣсъ на встрѣчу имъ съѣстные припасы, но временамъ гайдамаки являлись цѣлымъ отрядомъ въ село и крестьяне

---

[1]) №№: CLXXXVII, стр. 388, CCXXIX, стр. 464; CCXXXVII, стр. 475; CCLIX, стр. 545; CCLII, стр. 526.

[2]) См. № CXXIII, стр. 266.

ставили имъ обильное угощеніе. Кромѣ того, связи съ крестьянами были полезны гайдамакамъ и въ другомъ отношеніи: они получали этимъ путемъ предостереженія объ угрожавшихъ имъ опасностяхъ и о движеніи польскаго войска, а также указанія о степени зажиточности пановъ, о ихъ нравѣ и средствахъ защиты. Множество подобнаго рода фактовъ разсѣяно въ актовыхъ свидѣтельствахъ: то раненный вождь гайдамаковъ предостереженъ крестіянами о приближеніи польскаго отряда и спасается съ ихъ помощью; то, въ другомъ случаѣ, цѣлый отрядъ укрывается, въ густо населенной мѣстности, въ камышѣ, окружающемъ село, и, благодаря свѣдѣніямъ получаемымъ отъ крестьянъ, ускользаетъ благополучно отъ погони; то проводники изъ крестьянъ указываютъ гайдамакамъ пановъ »велми злыхъ« и облегчаютъ имъ нападаніе на дворы и т. д. [1]). Весьма часто отрядъ гайдамацкій странствовалъ по совершенно неизвѣстной ему мѣстности въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ и недѣль, и успѣвалъ, благодаря проводникамъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, не только двигаться по желанному направленію и ускользать отъ военныхъ командъ, но и заставать въ расплохъ панскіе дворы и польскіе отряды и успѣшно нападать на нихъ; иногда крестьяне уходили сами въ степь на встрѣчу гайдамакамъ, опредѣляли ихъ предводителямъ реіонъ знакомой себѣ мѣстности и брались въ ея предѣлахъ служить проводниками. Мы встрѣчаемъ много актовъ, свидѣтельствующихъ какъ о подобнаго рода дѣйствіяхъ со стороны крестьянъ, такъ и о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергались лица, предлагавшія гайдамакамъ подобнаго рода услуги [2]). Опираясь на со-

---

[1]) См. №№: XVIII, стр. 38; CXI, стр. 232; CLXXXIII, стр. 381; CLXXXVIII, стр. 388; CCXIII стр. 435; CCLII стр. 526—530; CCLVII, стр. 540; CCXC, стр 709—710.

[2]) См. №№: LXXXIV, стр. 161; CXXXIV, стр. 268; CCIII, стр. 420; CCXII, стр. 433; CCXXVI, стр. 458; CCLII, стр 525—531 CCLVIII, стр. 542; CCLIX, стр 545 и CCCV, стр. 635.

чувствіе народонаселенія, гайдамаки, въ случаѣ неудачи или погрома, немедленно разсѣивались и исчезали безслѣдно на глазахъ преслѣдующей ихъ команды; »гайдамаки исчезаютъ такъ быстро, что наши отряды не могутъ найти ихъ слѣда, словно въ землю уходятъ« доносилъ одинъ изъ польскихъ офицеровъ [1]); только въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось открыть ихъ пристанище или слѣды ихъ бѣгства, и въ этихъ случаяхъ ясно было участіе осѣдлыхъ жителей въ ихъ исчезновеніи; то оказывалось, что они на пути ночевали въ томъ или другомъ селѣ; то они скрывались въ лѣсныхъ пасѣкахъ и хуторахъ, то находили ихъ изморенныхъ лошадей въ крестіянской усадьбѣ, то въ мѣщанскомъ хуторѣ появлялись внезапно, будто вновь нанятые, парубки, которые при разслѣдованіи оказывались бѣглыми гайдамаками. Нерѣдко сами помѣщики и ихъ прикащики принимали завѣдомо гайдамаковъ въ свои слободы и подъ защитою помѣщичьей власти, оставляли ихъ на жительство въ своихъ селахъ. Часто степные удальцы, пространствовавъ все лѣто на гайдамацкомъ промыслѣ, зиму проводили у родственниковъ или знакомыхъ по селамъ, завѣдомо собираясь весною опять откочевать въ степь. Послѣ удачнаго похода, прежде чѣмъ разойтись, гайдамаки останавливались въ попавшемся на пути селѣ или хуторѣ, дѣлили добычу и нерѣдко укрывали ее у мѣстныхъ крестьянъ. Въ случаѣ поимки неразъ невѣдомые пособники облегчали плѣнникамъ бѣгство изъ тюрьмы [2]).

Сочувствіе жителей такимъ образомъ облегчало дѣйствіе гайдамаковъ и дѣлало даже малочисленные ихъ отряды грозными для шляхтичей и неуловимыми для тѣхъ ничтожныхъ военныхъ командъ, которыми могла располагать речь посполитая въ предѣлахъ Украины. Но, для того чтобы появляться въ видѣ дѣй-

---

[1]) См. № CXVII, стр. 241.

[2]) См. №№: XIV, стр. 30; XVI, стр 34; XVIII, стр. 38; LXIX, стр. 101; CXIX, стр. 241; XCIII, стр 236; CLXIX, стр. 347; CCXIII, стр. 435; CLXXXI, стр. 377; CCLII, стр 531; CCLXV, стр. 554; CCXC, стр. 607; CCCLXIV, стр. 722 и CXXXII, стр. 265.

ствующаго отряда, гайдамаки нуждались въ безопасномъ убѣжищѣ, гдѣ-бы они могли собираться, выжидать достаточнаго количества охотниковъ и организоваться для будущаго похода; этого, конечно, они не могли дѣлать на глазахъ у дворянъ, въ населенныхъ селахъ польской Украины, и потому они выбирали сборные пункты, до начала походовъ, за предѣлами речи посполитой. Обыкновенно весною и въ теченіи лѣта гайдамацкіе отряды появлялись изъ за границы: изъ Кіевскаго округа, Малороссіи и изъ Запорожскихъ степей. Рѣже всего мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о появленіи гайдамаковъ съ лѣваго берега Днѣпра; въ густо заселенной мѣстности, среди осѣдлаго, земледѣльческаго населенія и въ виду мѣръ, принятыхъ какъ начальниками русскихъ форпостовъ, тянувшихся вдоль Днѣпра, такъ и полковою старшиною лѣвобережныхъ полковъ, гайдамаки не находили удобствъ, необходимыхъ для свободной организаціи своихъ летучихъ отрядовъ. Потому среди многочисленныхъ актовыхъ свидѣтельствъ мы встрѣчаемъ только четыре раза указанія на то, что гайдамаки появлялись въ польскую Украину изъ за Днѣпра, и въ этомъ числѣ два раза они попали въ Малороссію случайно, укрываясь отъ погони польскаго войска; изъ двухъ другихъ случаевъ, гдѣ можно предполагать, что отрядъ гайдамацкій составился въ Малороссіи, въ одномъ мы имѣемъ указанія на то, что полковая старшина принимала дѣятельныя мѣры противудѣйствія. Такъ, въ 1750 году въ Перьяславскомъ полку составился гайдамацкій отрядъ, и, съ вѣдома русскаго офицера, командовавшаго на одномъ изъ форпостовъ, переправился въ Каневское староство; но, на обратномъ пути, на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ, весь отрядъ былъ арестованъ по приказанію Перьяславскаго полковника Сулимы, добыча у него была отнята, самиже гайдамаки препровождены въ Перьяславль и отданы подъ судъ полковой старшины [1].

---

[1]) См. №№: CXIII, стр 237; CXV, стр. 238; CXVIII, стр. 242 и CCLXXXIII, стр. 593.

Гораздо чаще мы встрѣчаемъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что Кіевъ и прилегающій къ этому городу округъ на правой сторонѣ Днѣпра, служили мѣстомъ организаціи гайдамацкихъ отрядовъ, а также убѣжищемъ для нихъ послѣ удачно совершеннаго похода. Въ самомъ городѣ мѣщане встрѣчали гайдамаковъ съ полнымъ сочувствіемъ, помѣщали ихъ въ домахъ своихъ, снабжали на свой счетъ хлѣбомъ, оружіемъ, деньгами, иногда даже сами принимали участіе въ походахъ [1]); послѣ совершенія похода они укрывали добычу, помогали въ ея распродажѣ, принимали часть ея въ подарокъ и т. д. За одно съ мѣщанами дѣйствовали часто въ такомъ-же направленіи и другіе городскіе обыватели: церковные причетники, мелкіе чиновники различныхъ управленій и даже солдаты русскаго гарнизона. Хотя русскія власти и старались весьма настойчиво о прекращеніи подобнаго рода связей, но, при всеобщемъ сочувствіи къ гайдамакамъ городского населенія, пресѣчь ихъ было невозможно; притомъ въ юридическомъ отношеніи гайдамаки были въ Кіевѣ гарантированы широкимъ самосудомъ, которымъ пользовался мѣстный магистратъ въ силу привилегіи на магдебурское право; арестованные военною властью подозрительные люди препровождались на судъ магистрата, въ городскую тюрму; но магистратъ почти всегда находилъ обвиненіе подсудимыхъ недоказаннымъ, и освобождалъ ихъ изъ подъ ареста или выдавалъ мѣщанамъ на поруки; иногда дѣло въ магистратѣ затягивалось весьма долго, между тѣмъ арестанты находили возмож-

---

[1]) Такъ въ 1747 году, одинъ изъ гайдамаковъ, пойманныхъ послѣ ограбленія его отрядомъ м. Чернобыля, показалъ, что отрядъ этотъ составился въ Кіевѣ на Подолѣ, гдѣ сборнымъ мѣстомъ служилъ домъ мѣщанина Аѳанасія Цирульника, который снабдилъ гайдамаковъ на свой счетъ хлѣбомъ, деньгами и оружіемъ; въ томъ-же году другой отрядъ составился въ Печерской части города, въ домѣ некого-то кузнеца, снабдившаго всѣхъ участниковъ похода копьями собственнаго издѣлія и т. п. См. №№: CLXXXIII и CLXXXIV, стр 381 и 383.

ность бѣжать изъ плохо охраняемой городской тюрмы; только въ рѣдкихъ случаяхъ, при особенной настойчивости русскихъ властей, подсудимые приговаривались къ извѣстному наказанію и съ мѣщанъ взыскивалась переданная или проданная имъ добыча. Жители подгородныхъ слободъ, подсудныхъ магистрату (особенно Преварки), нерѣдко обвинялись нетолько въ укрывательствѣ гайдамаковъ, но и въ участіи въ ихъ походахъ; но магистратъ или вовсе не вчиналъ исковъ по жалобамъ, поступавшимъ отъ пострадавшихъ шляхтичей, или велъ эти дѣла крайне вяло и уклончиво [1].

Кромѣ мѣщанскаго населенія въ Кіевѣ, гайдамаки находили сочувствіе и еще болѣе существенную поддержку среди братіи многочисленныхъ Кіевскихъ монастырей; иноки, конечно, въ гайдамацкихъ походахъ видѣли цѣли болѣе возвышенныя, чѣмъ грабежъ или даже простую партизантскую войну съ сосѣднимъ государствомъ; въ Кіевъ, какъ въ центръ религіозной жизни края, стекались повседневно жалобы насильно обращаемыхъ въ унію православныхъ жителей юго-западнаго края; туда пріѣзжали, подъ защиту митрополита, изгнанные изъ приходовъ уніятами, лишенные крова и имущества, часто жестоко оскорбленные или изувѣченные сельскіе священники; весною являлись на поклоненіе Кіевскимъ святынямъ, не смотря на запретъ шляхтичей и помимо польскихъ военныхъ кордоновъ, многочисленные толпы богомольцевъ изъ юго-западнаго края, приводившіе иноковъ въ ужасъ расказами о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ ими на родинѣ изъ за преданности Православію. Конечно, среди Кіевскаго духовенства должны были сильно развиться: чувство оскорбленной религіозной совѣсти и желаніе помочь единовѣрцамъ и поддержать ихъ всевозможными средствами. Между тѣмъ какъ Митрополитъ, высшее духовенство

---

[1]) См. №№: вышеуказанные, а также: CLXXXVII, стр. 387; CLXXXIX, стр. 391; CLXXXVIII, стр. 389; CXCIV, стр. 400 и CCLXVII, стр. 558.

и вообще всѣ болѣе просвѣщенные члены этого сословія, прилагали всѣ старанія для облегченія участи православныхъ жителей Польской Украины, дѣйствуя исключительно путемъ представленія жалобъ Русскимъ властямъ и хлопотами о покровительствѣ для единовѣрцевъ со стороны Русскаго правительства [1]), въ тоже время болѣе нетерпѣливые, менѣе образованные, часто сами вышедшіе изъ среды крестьянъ юго западныхъ областей, монахи смотрѣли на гайдамацкое движеніе какъ на средство болѣе вѣрное и скорое для достиженія той-же цѣли. Въ глазахъ ихъ каждый гайдамацкій отрядъ, отправлявшійся за рубежъ речи-посполитой, шелъ возстановлять правое дѣло, наказывать святотатское оскорбленіе церкви жертвовалъ собою за попранныя религіозныя права своихъ единовѣрцевъ и согражданъ; вслѣдствіе такого взгляда, мы встрѣчаемъ многочисленные факты содѣйствія организаціи гайдамацкихъ отрядовъ со стороны монаховъ всѣхъ Кіевскихъ монастырей; важное удобство въ этомъ отношеніи представляло то обстоятельство, что монастыри владѣли обширными поземельными помѣстьями въ Кіевскомъ округѣ: села, хутора, лѣса и пасѣки, принадлежавшіе монастырямъ, составляли болѣе $^2/_3$ этой территоріи; обыкновенно надзоръ надъ каждымъ селомъ или отдѣльнымъ угодьемъ монастырь довѣрялъ одному изъ братіи въ качествѣ управителя или, какъ тогда называли, *городничего*; въ этихъ помѣстьяхъ, удаленныхъ отъ города и, слѣдовательно, отъ ближайшаго надзора властей какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, гайдамаки находили временное безопасное и привольное пристанище. Весною, когда толпы богомольцовъ появлялись въ Кіевъ, изъ нихъ выдѣлялся многочисленный контингентъ лицъ, рѣшившихся примкнуть къ гайдамачеству; въ числѣ ихъ были не одни крестьяне югозападнаго края; къ тому времени спѣшили въ Кіевъ и Запорожскіе ватажки, и предводители гайдамаковъ, уже не разъ водившіе отряды за польскій рубежъ; лица эти старались причислиться къ одному изъ

---

[1]) См. Архивъ Югозападной Россіи часть I, томы 2, 3 и 5.

Кіевскихъ монастырей, то въ качествѣ послушниковъ, то въ качествѣ слугъ и работниковъ; чаще всего они отправлялись въ монастырскія угодья въ качествѣ лѣсничихъ, шинкарей, ремесленниковъ, рыболововъ или просто поденщиковъ, для исполненія полевыхъ работъ; здѣсь они старались разузнать нравъ монастырскаго управителя, иногда перемѣняли нѣсколько разъ мѣсто жительства, и, наконецъ, встрѣтивъ сочувствующее имъ лице, немедленно приступали къ составленію отряда для похода за польскую границу. Въ актахъ мы встрѣчаемъ гайдамацкіе отряды, организующіеся разновременно на земляхъ всѣхъ Кіевскихъ монастырей: и во владѣніяхъ Кіево-печерской лавры (въ Васильковѣ и прилегавшихъ къ нему селахъ), и въ пасѣкахъ, и въ хуторахъ монастырей: Кіевософійскаго, Михайловскаго, Кирилловскаго, Межигорскаго, Пустынно-Николаевскаго, Братскаго, Выдубицкаго и Іорданскаго [1]). Въ подтвержденіе сказаннаго мы можемъ привести многочисленные акты; укажемъ, для примѣра, только нѣсколько фактовъ, взятыхъ изъ числа ихъ на удачу: въ 1747 году разбитая партія гайдамаковъ перебѣжала у Бѣлгородки въ Русскія владѣнія, здѣсь она подверглась преслѣдованію русской пограничной стражи, которая арестовала нѣсколько человѣкъ, но товарищи ихъ спаслись тѣмъ, что прибѣжали въ село Плесецкое, принадлежавшее Кіево-Братскому монастырю, и мѣстный городничій выдалъ имъ паспорты, благодаря которымъ они ускользнули отъ ареста; остальные гайдамаки изъ тогоже отряда укрылись, вмѣстѣ съ добычею, въ монастырскихъ хуторахъ, разсѣянныхъ у береговъ рѣки Лыбеди [2]). Въ 1750 году, въ подробномъ описаніи похожденій гайдамацкаго ватажка Ивана Подоляки, мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о томъ, что монахи Кіевософійскаго и Михайловскаго монастырей оказывали ему постоянно

[1]) См. №№: CCLXXXIII, стр 592; CCCXI, стр. 644—645; CCCXXXI, стр 692; CCCXLI, стр. 718; CCCL, стр. 739; CCCLI, стр. 741 и CCCLV, стр. 751

[2]) См. № CLXXXI, стр. 375

покровительство; одинъ изъ нихъ, отецъ Даміянъ, управлявшій пасѣкою Михайловскаго монастыря за Лыбедью, не только пріютилъ Подоляку, но дозволилъ ему набрать цѣлый отрядъ, на свой счетъ снабдилъ на дорогу хлѣбомъ, оружіемъ, порохомъ и свинцемъ и, при выходѣ, благословилъ гайдамаковъ образомъ. Отрядъ этотъ дѣйствительно проявляетъ, въ теченіи своихъ похожденій, особенное религіозное настроеніе: гайдамаки то передаютъ чрезъ встрѣчныхъ крестьянъ часть добычи въ пользу сельскихъ церквей, то наказываютъ встрѣченнаго въ лѣсу раскольника за несоблюденіе церковнаго праздника, то направляютъ по преимуществу нападенія на уніятскихъ священниковъ, и, въ томъ числѣ, съ большимъ для себя рискомъ, разоряютъ одного изъ самыхъ энергическихъ ревнителей уніи, оффиціяла уніятской Радомысльской митрополіи, Примовича. Возвратившись изъ похода, они опять пользуются покровительствомъ о. Даміяна, которому вручаютъ въ подарокъ церковныя облаченія уніятскаго оффиціяла [1]). Въ 1762 году управляющіи лѣсами и хуторомъ Кіево-Братскаго монастыря, чернецъ Гедеонъ, передерживалъ въ монастырской усадьбѣ гайдамаковъ всю зиму, затѣмъ весною дозволилъ имъ собраться въ числѣ около 40 человѣкъ, укрывалъ ихъ въ ледникѣ, снабжалъ хлѣбомъ и оружіемъ и нѣсколько разъ отправлялъ въ походъ [2]).

Не смотря однако на указанныя обстоятельства, въ Кіевскомъ округѣ могли организоваться только незначительные гайдамацкіе отряды; для того чтобы имѣть возможность собрать болѣе крупную партію и правильно сформировать ее, нужно было выбирать мѣстность менѣе заселенную, болѣе привольную и удаленную отъ центровъ управленія: такую мѣстность гайдамаки нашли въ незаселенныхъ или заселенныхъ весьма слабо степяхъ, составлявшихъ Запорожскія угодья. Степи эти тянулись по границѣ речи посно-

---

1) См. № CCLII, стр. 524—529.
2) См. № CCCXLV, стр. 724—727.

литой, широкою полосою, отъ устья Тясьмина въ Днѣпръ у Крылова, до устья Синюхи въ Бугъ у Богополя; съ западной стороны къ нимъ примыкали еще болѣе пустынныя степи, принадлежавшія Татарамъ и простиравшіяся до устья Ягорлыка въ Днѣстръ. Пограничную черту, на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра до Днѣстра, составляли второстепенные притоки названныхъ трехъ большихъ рѣкъ: Тясьминъ, Высь, Синюха, Кодыма и Ягорлыкъ, не представлявшія ни малѣйшаго препятствія для переправы въ бродъ летучимъ гайдамацкимъ отрядамъ; на Польской, сѣверной сторонѣ границы тянулась, параллельно послѣдней, болѣе или менѣе удаляясь отъ нея, длинная полоса лѣсовъ: Черный лѣсъ у Тясьмина, далѣе къ западу лѣсъ Кучманскій, и другой Черный, доходившій до береговъ Буга; переправившись черезъ границу, гайдамацкій отрядъ скрывался въ этихъ лѣсахъ и Польскія милиціи, въ случаѣ если даже узнавали о переходѣ отряда черезъ границу, не могли угадать въ какой именно точкѣ ожидать его по другую сторону лѣсной полосы; при недостаточномъ числѣ состава Польскихъ военныхъ командъ, начальники послѣднихъ считали эту задачу неисполнимою: »между Уманемъ и Лебединомъ нѣтъ никакой возможности оберегать страну« доносилъ гетману одинъ изъ региментарей Украинской партіи Польскаго войска [1]). Но кромѣ такихъ удобныхъ географическихъ условій, Запорожскія степи и по многимъ другимъ причинамъ составляли излюбленное мѣсто организаціи гайдамацкихъ отрядовъ. Степи эти искони служили убѣжищемъ для бѣглыхъ крестьянъ; кромѣ осѣдлаго и записаннаго въ войсковой реестръ—Запорожскаго »товариства«, кромѣ поселеній, учреждаемыхъ съ половины XVIII столѣтія въ сѣверной полосѣ степи Русскимъ правительствомъ, въ Запорожскихъ земляхъ всегда существовало значительное количество бродячаго, неосѣдлаго, живущаго съ дня на день населенія; люди эти находили временный заработокъ, нанимаясь, то въ

---

[1]) См. № CXIX, стр. 241.

качествѣ рыболововъ на богатые рыбные промыслы, устроенные Запорожцами и Турками вдоль большихъ рѣкъ и морского берега, то въ качествѣ пастуховъ и пчеловодовъ въ запорожскихъ хуторахъ и зимовникахъ, то они поступали въ качествѣ прислуги къ Запорожскимъ товарищамъ, то въ качествѣ перевозчиковъ на войсковые гарды и перевозы. Довольно было кликнуть кличъ любому отважному братчику, задумавшему походъ »на Ляхівъ« чтобы собрать по рѣкамъ и зимовникамъ значительную ватагу бездомнаго люда, разсчитывавшаго послѣ похода найти опять безопасное пристанище и прежнія средства для существованія въ обширныхъ степяхъ Новороссіи. Притомъ отряды гайдамацкіе организовались здѣсь привольно, не торопясь; ни настойчивыя распоряженія Русскихъ властей, (изъ которыхъ ближайшею былъ Кіевскій генералъ-губернаторъ), ни энергическія старанія, понуждаемой ими, Запорожской старшины не могли достичь удальцевъ, укрывавшихся въ необозримой степи, и поддерживаемыхъ сочувствіемъ рядового Запорожского товарищества. Неудивительно потому, что гайдамацкіе отряды чаще всего формировались въ указанной мѣстности; отсюда они появлялись въ видѣ болѣе многочисленныхъ сконицъ, достигавшихъ цыфры нѣсколькихъ сотъ, иногда тысячи и болѣе человѣкъ, здѣсь они принимали видъ болѣе стройный: они состояли подъ начальствомъ ватажковъ Запорожцевъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, были снабжены относительно хорошимъ вооруженіемъ и лошадьми, угнанными по большей части изъ пограничныхъ татарскихъ табуновъ, иногда принимали даже стройный видъ войска, запасаясь знаменами и пушками [1]). Во всѣхъ актовыхъ свидѣтельствахъ, передающихъ подробности болѣе крупныхъ гайдамацкихъ вторженій, мы встрѣчаемъ указанія на то, что гайдамаки появились изъ южныхъ степей и что отряды ихъ формировались въ Запорижьи, такъ какъ дознанія обнаруживаютъ, то мѣсто перехода

---

[1]) См. № CCXC, стр. 607.

ихъ черезъ границу, то мѣсто ихъ отступленія, то, иногда сборный пунктъ ихъ въ степи. Стычки съ Польскими отрядами, нападенія на укрѣпленные панскіе замки, городки и мѣстечка встрѣчаются чаще всего и прежде всего въ области, тянувшейся вдоль Запорожской границы. Всѣ рапорты Польскихъ офицеровъ о появленіи болѣе крупныхъ гайдамацкихъ отрядовъ указываютъ на берега Тясьмина, Синюхи и Выси и называютъ исходными точками ихъ походовъ: Крыловъ, Крюковъ, Ирклею, Лебединъ, Ингулъ, Калниболото, Тарговицу, Запорожскій Гардъ, Саврань и, наконецъ, Татарскую степь [1]).

Если обратимся къ характеристикѣ пріемовъ дѣйствія гайдамаковъ, то замѣтимъ, что первая забота каждаго формировавшагося отряда состояла въ томъ, чтобы запастись необходимымъ для похода количествомъ лошадей и оружія; небольшіе отряды, собиравшіеся въ Малороссіи и Кіевщинѣ, добывали эти предметы, какъ было указано, благодаря помощи мѣстныхъ жителей; но въ другое положеніе поставлены были тѣ отряды, которые составлялись въ степяхъ, особенно если число ихъ участниковъ достигало довольно крупной цыфры; недостатокъ лошадей, оружія и пороху часто заставлялъ откладывать походы на довольно продолжительное время или прибѣгать къ разнаго рода предварительнымъ мѣрамъ для того, чтобы добыть эти предметы; когда оказывалось, что лошадей и оружія, принасенныхъ сбѣжавшеюся вольницею, было недостаточно для всего отряда, то ватажекъ дѣлалъ распоряженія, имѣвшія цѣлью ускореніе вооруженія: отдѣльныя партіи гайдамаковъ расходились во всѣ стороны добывать нужные военные припасы: одни отправлялись къ ногайскимъ кочевьямъ и, выждавъ удобную ми-

---

[1]) См. №№: CXVII, стр. 241; CX стр. 229—230; CXI, стр. 231; CXIII, стр. 235; CXX, стр. 245; CXXXII, стр. 265; CXXXIII, стр. 267; CXLII, стр. 287; CCLII, стр. 529; CCLVIII, стр. 542; CCXC, стр. 606—614; CCXCIX, стр. 625; CCLXXV, стр. 578; CCCLII, стр 742 и т. д.

нуту, угоняли лошадей изъ ихъ табуновъ [1]), другіе захватывали панскія стада, пасшіяся на лугахъ у пограничныхъ рѣкъ [2]); были и такіе смѣльчаки, которые проходили черезъ границу и, расхаживая среди панскихъ имѣній, искали удобнаго случая для того, чтобы овладѣть встрѣчнымъ панскимъ табуномъ [3]). Иногда лошади и оружіе пріобрѣтались еще болѣе рискованнымъ образомъ: нѣсколько, почти безоружныхъ, гайдамаковъ подкрадывались къ границѣ и, пользуясь безпечностью польскихъ войскъ, старались захватить въ расплохъ отдѣльныхъ солдатъ или офицеровъ, иногда даже цѣлые отряды, и овладѣть ихъ лошадьми и вооруженіемъ. Мы встрѣчаемъ въ актахъ нѣсколько свидѣтельствъ о томъ, что подобныя попытки увѣнчались полнымъ успѣхомъ [4]). Впрочемъ, не смотря на всѣ подобнаго рода уловки, часто гайдамакамъ не удавалось вооружиться вполнѣ; тогда они отправлялись въ походъ, разсчитывая дополнить недостающее послѣ первыхъ нападеній на шляхетскіе дворы или замки. Такъ въ 1738 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе объ одномъ отрядѣ, который, пробравшись уже довольно далеко отъ границы вглубь Брацлавскаго воеводства, еще не успѣлъ набрать нужнаго ему комплета лошадей: онъ состоялъ изъ 70 всадниковъ и 30 человѣкъ пѣшихъ [5]). Въ 1737 году изъ отчета Польскаго региментаря мы узнаемъ, что гайдамацкій отрядъ, въ 600 человѣкъ, разбилъ сильную компанію Польскаго войска и долго ее преслѣдовалъ, но не могъ окончательно уничтожить потому, что гайдамаки, за неимѣніемъ пороха, не могли стрѣлять

---

1) См. №№: CCLII, стр. 421 и CCXC. стр. 609.
2) См. стр. 607.
3) См. № CXLVII, стр. 297.
4) См. №№: CCCXXXVIII, стр. 712; CCCLXI. стр. 717 и CXVIII, стр. 259. Въ послѣднемъ случаѣ интересно то обстоятельство, что ротмистръ Цедзинскій, изъ отряда котораго гайдамаки угнали 40 лошадей, подаетъ на нихъ жалобу въ гродскій судъ.
5) См. № CXLII, стр. 287.

въ отступавшихъ жолнеровъ [1]). Потому, вслѣдствіе недостатка въ военныхъ припасахъ, гайдамаки при нападеніяхъ на дворы, замки и мѣстечки, при грабежѣ встрѣченныхъ на пути шляхтичей и евреевъ, болѣе всякой другой добычи дорожили лошадьми и оружьемъ; среди жалобъ на гайдамацкіе грабежи, мы почти не встрѣчаемъ перечня причиненныхъ ими убытковъ, гдѣ-бы на первомъ планѣ не указывались отобранныя ружья, пистолеты, сабли, сѣдла и т. д. и не перечислялись угнанныя ими, иногда въ весьма значительномъ количествѣ, лошади [2]). Добычею такого рода гайдамаки на столько дорожили, что даже среди опаснаго отступленія не разставались съ табунами лошадей. Такъ въ 1737 году гайдамаки успѣли угнать сотню лошадей, принадлежавшихъ Польскимъ драгунамъ, но на помощь послѣднимъ явилась сильная военная команда и догнала гайдамаковъ; тогда послѣдніе перерѣзали всѣхъ слабосильныхъ лошадей, съ остальными-же прорвались съ большимъ рискомъ и успѣли убѣжать въ лѣсъ, преслѣдуемые жолнерами по пятамъ [3]).

Вооружившись по возможности и выбравъ предводителя—»ватажка«, какъ тогда называли, гайдамаки направлялись черезъ степи къ Польской границѣ. Главное препятствіе при переходѣ черезъ границу составляли Русскіе форпосты, расположенные вдоль пограничной черты и зорко слѣдившіе за движеніями отрядовъ, появлявшихся изъ степи; въ силу распоряженій высшей власти, они должны были не только не допускать ихъ перехода черезъ границу, но и стараться разсѣять отряды и арестовать всѣхъ подозрительныхъ, безпаспортныхъ людей, входившихъ въ ихъ составъ, и доставлять ихъ, по принадлежности, въ руки подлежащихъ властей. Потому гайдамаки поджидали ночи и, выбравъ мѣсто между двухъ форпостовъ, съ возможною быстротою направлялись къ порубежной рѣчкѣ: Выси, Синюхѣ или Тясьмину, переправлялись

1) См. № CXXXIV, стр. 268.
2) См. страницы: 256—257, 260, 280, 350—351, 370, 378, 393, 540, 543, 592, 645.
3) См. № CXXII, стр. 250.

черезъ нее въ бродъ и исчезали немедленно въ лѣсной полосѣ по ту сторону границы [1]). Затѣмъ, они продолжали путь лѣсомъ подвигаясь впередъ какъ можно скорѣе и избѣгая всякихъ встрѣчъ до того времени, пока присутствіе ихъ не сдѣлалось извѣстнымъ мѣстнымъ жителямъ; тогда только они спѣшили скорѣе напасть на ближайшіе дворы и мѣстечки. Иногда съ удивительною быстротою и таинственностью они успѣвали проникнуть весьма далеко отъ границы вглубь страны: такъ въ 1750 году отрядъ гайдамаковъ, подъ предводительствомъ Алексѣя Письменнаго, успѣлъ пройти лѣсами, никѣмъ незамѣченный, пространство отъ Выси до Хвастова (болѣе 200 верстъ) и, напавши въ расплохъ, ограбилъ это мѣстечко; въ слѣдующемъ году другой отрядъ такимъ-же образомъ напалъ на мѣстечко Володарку, лежащее въ 120 верстахъ отъ границы и т. д. [2]) Вообще, во время походовъ, гайдамаки считали необходимымъ условіемъ успѣха быстроту передвиженія своихъ отрядовъ, что и заставляло ихъ особенно дорожить хорошими лошадьми. Быстрота ихъ походовъ дѣйствительно ставила въ крайне затруднительное положеніе Польскія власти и начальниковъ Польскихъ отрядовъ. Изъ многочисленныхъ приложенныхъ актовъ видно, что послѣдніе, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, могли только констатировать совершившійся фактъ нападенія на ту или другую мѣстность, весьма рѣдко удавалось имъ настичь грабителей на обратномъ ихъ пути и почти никогда они не были въ состояніи предупредить нападеніе. Болѣе мелкіе отряды гайдамаковъ, особенно тѣ, которые выходили изъ Кіевскаго округа, гдѣ труднѣе было запастись лошадьми, прибѣгали къ другому способу передвиженія, представлявшему еще болѣе удобствъ для сохраненія таинственности въ походѣ: гайдамаки старались завладѣть нѣкото-

---

1) См. №№: CCLVII, стр. 540 и CCLVIII, стр. 542.
2) См. №№: LXXXI, стр. 161; CCLVII, стр. 540; CCLXXXIII, стр. 594 и т. д.

рымъ количествомъ лодокъ на одной изъ болѣе крупныхъ рѣкъ и, затѣмъ, скрываясь днемъ въ прибрежныхъ камышахъ, почью, съ возможною быстротою, подымались вверхъ по теченію, и, удалившись на значительное разстояніе отъ мѣста своего выхода, высаживались на берегъ и начинали свои похожденія. Такъ въ 1750 году, небольшой отрядъ ватажка Ивана Подоляки, формировавшійся въ Кіевѣ, поплылъ вверхъ по Днѣпру и Припети и высадился только за 250 верстъ, въ окрестности Мозыря, гдѣ, конечно, появленія гайдамаковъ шляхтичи вовсе не ожидали [1]).

Дорожа свободою и быстротою движеній, гайдамаки должны были отказываться отъ всякой лишней тяжести; отряды ихъ никогда не сопровождались обозомъ, потому, отправляясь въ походъ, гайдамаки заботились о провіантѣ только на первое время (одинъ или два дня) своего странствованія, впослѣдствіи они получали продовольствіе на мѣстѣ. Болѣе мелкіе отряды ограничивались тѣми съѣстными припасами, которые доставляли имъ крестьяне, или которые попадались при случаѣ, во время нападенія на дворы или на проѣзжихъ. Но если отрядъ былъ многочисленный, если въ составъ его входило нѣсколько сотъ человѣкъ, то, въ такомъ случаѣ, онъ не могъ удовлетворяться такими скудными источниками фуражировки и долженъ былъ, отъ времени до времени, предпринимать экскурсіи исключительно съ цѣлью добыть продовольствіе; въ такомъ случаѣ гайдамаки старались нападать на болѣе крупныя экономіи, угоняли цѣлые стада быковъ, овецъ и т. д. и овладѣвали значительными запасами хлѣба. Донесенія и жалобы на угонъ скота встрѣчаются очень часто; онѣ, помимо причиняемыхъ убытковъ, особенно тревожили шляхтичей потому, что служили указаніемъ на то обстоятельство, что въ страну вступила очень многочисленная гайдамацкая партія. По количеству пограбленнаго скота начальники Польскихъ командъ судили о многочисленности

---

[1]) См. № CCLII, стр. 528—526.

отряда, противъ котораго имъ приходилось дѣйствовать. Такъ въ 1737 г. Поляки обвиняли въ крайнемъ легкомысліи офицера Скоржевскаго, наткнувшагося на отрядъ гайдамаковъ въ 600 человѣкъ, и разбитаго ими на голову, указывая на то обстоятельство, что онъ видѣлъ стоянку гайдамаковъ, на которой лежало до 40 штукъ убитыхъ быковъ, и, тѣмъ не менѣе, повѣрилъ разсказамъ надворныхъ козаковъ, утверждавшихъ, что партія гайдамакъ не превышаетъ числа 50 человѣкъ [1]).

Кромѣ продовольствія, другое условіе, необходимое для успѣшнаго хода предпріятія гайдамацкихъ отрядовъ, состояло въ хорошемъ знаніи мѣстности, въ которой приходилось дѣйствовать этимъ отрядамъ. Въ большинствѣ случаевъ заблаговременно принимались гайдамаками мѣры для того, чтобы имѣть возможность не сбиться съ пути и собрать точныя свѣдѣнія о лицахъ и поселеніяхъ въ той мѣстности, въ которую, въ данномъ случаѣ, они намѣрены были отправиться. При выборѣ ватажка, кромѣ личной храбрости, находчивости и опытности, обращали въ значительной степени вниманіе и на ту степень знанія мѣстности, которымъ обладало избираемое лицо; кромѣ того въ составъ отряда старались навербовать побольше уроженцевъ избранной въ данномъ случаѣ для похода территоріи и собрать о ней по больше свѣдѣній отъ крестьянъ и мѣщанъ, отправлявшихся въ Запорожскія степи съ торговою цѣлью, или попадавшихся на встрѣчу отряду во время самого похода; но, сверхъ того, были еще два пріема, исключительно выработавшіеся въ гайдамацкой практикѣ. Первый состоялъ въ томъ, что гайдамаки, попавъ въ мѣстность вовсе неизвѣстную или мало извѣстную членамъ отряда, немедленно старались запастись проводниками изъ мѣстныхъ жителей; въ проводники попадали, по большей части добровольно, крестьяне; но бывали и такіе

---

[1]) См. №№: CXXXIV, стр. 268; CXXXII, стр. 265; CXXXIII стр 266; CXXXIX, стр. 278; CCXC, стр. 606—610 и т. п.

случаи, когда гайдамаки заставляли насильно встрѣченныхъ путешественниковъ указывать себѣ путь; такими невольными проводниками становились часто шляхтичи, евреи, купцы и т. д. Вотъ, для примѣра, свѣдѣнія о проводникахъ, заимствованныя изъ разсказа ватажки Ивана Подоляки о похожденіяхъ его отряда, странствовавшаго по совершенно неизвѣстной ему Полѣсской мѣстности: изъ села Сукачъ проводили гайдамаковъ двое Иванковскихъ крестьянъ до Обуховичъ, оттуда они заставили провожать себя крестьянина Данила; недоходя мѣстечка Народичъ, они спрятались подъ мостъ, задержали проѣзжавшихъ торговцевъ—христіанъ, и, ограбивъ ихъ, отпустили бывшихъ проводниковъ, а одного изъ купцовъ, заставили себя вести дальше, обѣщая ему за эту услугу возвратить отнятыя деньги; онъ взялся охотно провожать гайдамаковъ дальше, и немедленно получилъ обратно свое имущество. Въ Народичахъ захватили еврея, который долженъ былъ ихъ провести въ село Ласки. Въ селѣ Сельцѣ къ нимъ пришелъ сынъ мельника и, возобновивъ знакомство (онъ 4 года живалъ въ Запорожьи), доставилъ гайдамакамъ съѣстные припасы и сказалъ имъ: »снимите съ меня поясъ, свяжите руки и проведите меня такимъ образомъ черезъ село, чтобы люди не расказывали, будто я васъ веду по своей волѣ«; онъ провелъ ихъ на значительное разстояніе и, затѣмъ, когда шляхтичи заставили его вести погоню за гайдамаками, отвелъ послѣднюю въ противуположную сторону. Такимъ образомъ отрядъ странствуетъ очень долго, безпрестанно мѣняя вожатыхъ; въ числѣ послѣднихъ мы встрѣчаемъ и крестьянъ, по большей части охотно предлагавшихъ свои услуги, иногда захваченныхъ насильно, и мѣщанъ, и ремесленниковъ, и евреевъ, и шляхтичей; то попадаютъ въ провожатые гулявшіе по лѣсу 2 директора (т. е, домашніе учители), то самъ Радомысльскій губернаторъ Прятыка, благодаря невольному участію котораго, гайдамаки вламываются въ его собственный замокъ, то встрѣтившійся на дорогѣ »урожоный панъ Стефанъ Хадаковскій«, то наконецъ дворянинъ Гружевичъ, котораго

дворъ ограбили гайдамаки и, затѣмъ, заставили хозяина довести себя до ближайшей переправы черезъ Припять [1]).

Другой пріемъ, употреблявшійся по преимуществу крупными гайдамацкими отрядами, состоялъ въ посылкѣ впередъ развѣдчиковъ, которымъ поручено было удостовѣриться какъ о зажиточности пановъ, такъ и о расположеніи Польскаго войска, о предусмотрительности или безпечности гарнизоновъ въ замкахъ и мѣстечкахъ и т. п. Развѣдчики такіе отправлялись иногда подъ видомъ торговцевъ, будто бы ѣздившихъ для покупки лѣсныхъ или сельскихъ продуктовъ, въ другихъ случаяхъ они направлялись въ знакомыя села какъ-бы для свиданія съ родными, иногда странствовали въ качествѣ нищихъ, или поденщиковъ и т. д. Многіе изъ нихъ попадали въ руки военной и помѣщичьей полиціи и приговаривались къ висѣльницѣ, но уцѣлѣвшіе успѣвали изслѣдовать мѣстность и доставляли своему отряду весьма точныя о ней свѣдѣнія [2]).

Цѣль похода гайдамацкаго отряда обыкновенно соразмѣрялась съ его силами; если отрядъ былъ малочисленъ, то онъ ограничивался нападеніями на проѣзжихъ шляхтичей, купцевъ и евреевъ, разграбленіемъ нѣсколькихъ панскихъ дворовъ и еврейскихъ арендъ и, затѣмъ, спѣшилъ укрыться въ безопасное мѣсто, не ожидая погони. Если же отрядъ былъ многочисленъ, то избѣгалъ частныхъ мелкихъ нападеній; только для обезпеченія своей безопасности онъ задерживалъ встрѣчавшихся путешественниковъ; онъ нападалъ внезапно на большія поселенія: города, панскія замки, торговыя мѣстечка, бралъ ихъ иногда врасплохъ, часто послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго штурма и, затѣмъ, производилъ рас-

---

1) См. № CCLII стр. 525—531.

2) См. №№: CXLVIII, стр. 297; CLXXXI, стр. 376; CLXXXIII, стр. 380; CCLVII, стр. 540; CCCXLV, стр. 726—727 и CCCXLVII, стр. 730.

праву и грабежъ. Жалобы о нападеніяхъ гайдамаковъ на проѣзжихъ по дорогамъ встрѣчаются довольно часто; по большей части жертвами ихъ были шляхтичи и евреи, иногда и торговцы христіане; послѣдніе, впрочемъ, отдѣлывались въ такихъ случаяхъ только потерею части или всего имущества, между тѣмъ какъ застигнутые евреи и дворяне платились жизнью или по меньшей мѣрѣ оставались на мѣстѣ израненными и избитыми [1]; если путешественники попадались на встрѣчу большому гайдамацкому отряду, занятому болѣе серьёзнымъ предпріятіемъ, то они всегда подвергались извѣстнымъ пріемамъ, необходимымъ для безопасности отряда: съ православныхъ путниковъ гайдамаки иногда брали только присягу, что они не будутъ разглашать извѣстій о встрѣчѣ и отпускали ихъ съ миромъ [2], но шляхтичей, евреевъ и вообще всѣхъ лицъ, казавшихся гайдамакамъ не надежными, ожидала другая участь: ограбивъ ихъ, гайдамаки уводили въ овраги, въ сторону отъ дороги, и здѣсь, перевязавъ тщательно, укладывали рядомъ на землѣ, приставивъ къ нимъ караулъ [3]; иногда арестованныхъ набиралось нѣсколько десятковъ и они должны были, полураздѣтые и голодные, ждать на мѣстѣ, пока не окончится задуманное гайдамаками предпріятіе; получивъ свѣдѣніе о перемѣнѣ движенія отряда, стража спѣшила соединиться съ нимъ, а перевязанные путники оставались въ неудобномъ положеніи, пока окрестные жители или милиціи, гнавшіяся за гайдамаками, не возвращали имъ свободы.

Еесли отрядъ гайдамаковъ былъ малочисленный, то онъ избѣгалъ нападеній на многолюдныя поселенія и на укрѣпленные замки и только въ рѣдкыхъ случаяхъ, при особенно благопріят-

---

[1]) См. стр. 103, 266, 289. 344, 349, 340, 352, 370, 379, 393 и 712:

[2]) См. № CXLII. стр. 287.

[3]) См. №№: CXCI, стр. 394; CXCII, стр. 396; CCLII, стр. 525—530.

ныхъ условіяхъ, и то съ крайнею осторожностью, покушался на нихъ, небольшіе отряды по преимуществу нападали въ селахъ на отдѣльные дворы шляхтичей, евреевъ или уніатскихъ священниковъ; въ большинствѣ случаевъ, благодаря связямъ съ крестьянами, нападенія были удачны, гайдамаки застигали дворъ неожиданно и ограбивъ его, безслѣдно изчезали; но бывали и такіе случаи, когда хозяева оказывали сопротивленіе, тогда гайдамаки брали домъ приступомъ, выдерживая даже продолжительную борьбу,—нерѣдко перестрѣлку въ теченіи цѣлой ночи [1]); въ такихъ случаяхъ, а также, если о нравѣ помѣщика существовали свѣдѣнія для него неблагопріятныя съ крестьянской точки зрѣнія, дѣло грабежемъ не ограничивалось—хозяина, его родственниковъ и слугъ истязали, или убивали и, удаляясь, поджигали ограбленный дворъ [2]).

Но болѣе многочисленные отряды гайдамаковъ дѣйствовали гораздо смѣлѣе и задумывали предпріятія гораздо болѣе обширныя: вывѣдавъ состояніе извѣстной области черезъ крестьянъ и своихъ развѣдчиковъ, они первые удары направляли на тѣ пункты, которые представляли болѣе препятствій и, овладѣвъ ими, потомъ уже разбѣгались въ мѣстности, имѣвшія менѣе средствъ защиты; обыкновенно походъ крупнаго гайдамацкаго отряда открывался приступомъ къ замку или мѣстечку, снабженному гарнизономъ и охранявшему сосѣднюю мѣстность; иногда, послѣ взятія одного такого пункта, быстро слѣдовали нападенія на нѣсколько другихъ, сосѣднихъ съ нимъ, укрѣпленій и только послѣ разрушенія ихъ гайдамаки появлялись въ окрестныхъ селахъ, уже безопасно хозяйничая по панскимъ усадьбамъ. Приступы къ укрѣпленнымъ мѣст-

---

[1]) См. № LXXXIV, стр. 162.

[2]) См: нападенія на шляхетскіе дворы, стр: 235, 266, 267, 370—371 396, 411, 409, 458, 537, 552, 558, 645, 710, 742; на дворы еврейскіе: стр. 258, 350, 388, 390, 391, 392, 558, 593, 681, 718 и на дворы уніатскихъ священниковъ: стр. 525, 531, 590, 717, 739, 741, 747, 759.

востямъ бывали иногда весьма продолжительны и упорны: такъ въ 1736 году нѣсколько гайдамацкихъ отрядовъ, соединившись вмѣстѣ, взяли приступомъ мѣстечко Паволочь, но, узнавши, что Евреи изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстечекъ бѣжали подъ защиту болѣе надежныхъ укрѣпленій въ мѣстечко Погребыще, они направились къ послѣднему, осадили замокъ и вели приступъ въ теченіи сутокъ, пока, наконецъ, не успѣли вырубить палисада и овладѣть крѣпостцею; въ 1750 году гайдамаки вели приступъ на замокъ въ м. Мошнахъ въ продолженія 18 часовъ [1]), и т. д. Бывали случаи, когда даже главные центры Польской администраціи попадали временно въ руки гайдамаковъ; такъ въ 1750 г. они напали на столицу Брацлавскаго воеводства—Винницу, взяли приступомъ замокъ и ограбили Евреевъ, укрывшихся въ этомъ городѣ, болѣе другихъ оберегаемомъ администраціею [2]). Вообще случаевъ ограбленія укрѣпленныхъ мѣстечекъ мы встрѣчаемъ довольно много; въ сохранившихся актахъ упоминаются гайдамацкія нападенія почти на всѣ, сколько нибудь выдававшіяся многолюдствомъ, зажиточностью или торговымъ значеніемъ, городскія поселенія юго-западнаго края; разновременно мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о разореніи городовъ и мѣстечекъ: Паволочи, Погребыщъ, Таращи, Животова, Жаботина, Фастова, Бердичева, Володарки, Умани, Медведовки, Мошенъ, Субботова, Гранова, Винницы, Летичева, Могилева и т. д. Въ каждомъ изъ указанныхъ случаевъ гайдамаки, послѣ взятія мѣстечка, слѣдуютъ однимъ и тѣмъ-же пріемамъ: они предаютъ смерти шляхтичей, католическихъ священниковъ и евреевъ, стараются разорить костелы и истребить канцеляріи и вообще всѣ, попадавшіеся имъ подъ руку документы, и уносятъ всѣ болѣе цѣнные и болѣе подвижные предметы изъ имущества, доставшагося въ ихъ

---

[1]) См. №№: CXL, стр. 280; CCXIX, стр. 445; CCXC, стр. 606.
[2]) См. №№: CCXXXII, стр. 468 и CCLIV, стр. 534.

руки [1]). Въ этихъ пріемахъ и отражаются всѣ характеристическія черты гайдамацкаго движенія: протестъ сословный противъ привилягированныхъ сословій, протестъ религіозный противъ насильно навязываемаго вѣроисповѣданія, протестъ политическій противъ юридическаго и общественнаго строя, нарушавшаго исконныя стремленія народонаселенія и, наконецъ, разбойническіе формы, которыя долженъ былъ принять этотъ протестъ, не находя болѣе легальныхъ и гражданскихъ путей для своего проявленія.

Обыкновенно первою жертвою, которая предавалась смерти гайдамаками, былъ »губернаторъ« (управляющій) или самъ владѣлецъ взятаго замка, затѣмъ члены его семейства, слуги, жолнеры и гости; потомъ истребляли все еврейское населеніе мѣстечка, не успѣвшее заблаговременно найти себѣ безопаснаго убѣжища, но особенно тщательно разыскивали гайдамаки католическихъ священниковъ, увѣчили ихъ, чаще убивали, врывались въ костелы и производили въ нихъ всевозможныя безчинства; въ постановленіи сеймика Кіевскаго воеводства, состоявшемся въ 1750 г. мы читаемъ слѣдующія жалобы дворянъ, по этому поводу: »своевольные люди, съ начала весны совершаютъ набѣги изъ Сѣчи, изъ Кіева и изъ монастырей, лежащихъ въ окрестностяхъ этого города; они не только посягаютъ на жизнь и имущество шляхтичей, но, желая опозорить католическую вѣру, опустошаютъ Божіе храмы и проливаютъ кровь священнослужителей. Всѣмъ извѣстно, что своевольные козаки изъ Гарда, неожиданно овладѣвъ Уманью, убили жестокою смертью на церковномъ кладбищѣ этого города брацлавскаго оффиціала и мѣстнаго приходскаго священника; костелъ они ограбили, причастіе выбросили изъ чаши, а потомъ весь городъ сожгли,.... въ послѣднее время въ Летичевѣ напали ночью на монастырь отцевъ Доминиканов, славящійся во всемъ нашемъ

---

1) См. стр: 228, 257, 260, 261, 264, 280, 289, 340, 370, 445, 478, 468, 510, 534, 540, 543, 594, 606.

краѣ чудотворною иконою Богородицы,.... и монаховъ жестоко перебили« [1]). Во многихъ другихъ актахъ мы встрѣчаемъ подтвержденіе этихъ жалобъ и доказательства особеннаго озлобленія гайдамаковъ противъ католическаго духовенства: такъ мы встрѣчаемъ свѣдѣнія о убіеніи, захваченнаго гайдамаками, ксендза въ Грановѣ, объ изувѣченіи начальника католической миссіи въ окрестности Канева, о разореніи многихъ костеловъ и уніятскихъ церквей въ Брацлавскомъ воеводствѣ и т. д. [2]).

Если въ дѣйствіяхъ своихъ по отношенію къ костеламъ гайдамаки руководились побужденіемъ оскорбленнаго религіознаго чувства, то негодованіе противъ чуждыхъ народу, юридическихъ шляхетскихъ порядковъ высказывалось въ ихъ обращеніи съ документами, которые попадали имъ въ руки въ числѣ другой добычи. Юридическія бумаги въ глазахъ гайдамаковъ составляли оформленныя письменныя основанія того строя общественной жизни, который, во всей его сложности, они признавали беззаконіемъ и насиліемъ: на основаніи этихъ бумагъ шляхтичи завладѣли землею, нѣкогда принадлежавшею козакамъ, городскимъ и сельскимъ общинамъ; съ бумагою въ рукахъ шляхтичъ отправлялся отъискивать бѣглыхъ крестьянъ, въ бумаги вписывались допросы гайдамаковъ и смертные на нихъ приговоры, словомъ, во всѣхъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, юридическая бумага являлась необходимымъ условіемъ, завершавшимъ гнетущія крестьянина обстоятельства и никогда она не служила орудіемъ для его защиты и покровительства. Понятно потому то злорадство и повидимому безцѣльное усердіе, съ которымъ гайдамаки разыскиваютъ и истребляютъ всѣ, попадавшіеся имъ, акты и документы. Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго рода дѣйствій: въ 1736 г. гайдамаки взяли м. Паволочь и убили губернатора; въ экономической кассѣ

---

[1]) См. № CCIX, стр. 444—445.

[2]) См. №№: CXLI, стр. 289; CLXXI, стр. 349 и CCXLI, стр. 491.

они нашли цѣлый архивъ, принадлежавшій владѣльцу имѣнія, князю Любомирскому; повѣренный Любомирскаго слѣдующимъ образомъ разсказывалъ въ судѣ судьбу этого архива: »всѣ эти документы, квитанціи, декреты, ассигнаціи и другіе подлинные акты, необходимые для веденія дѣлъ и утвержденія имущественныхъ правъ его сіятельства, они частью бросили въ огонь, частью втоптали въ грязь лошадьми, частью-же, изорвавъ въ клочки, выбросили на вѣтеръ за палисадъ замка« [1]). Въ 1742 году гайдамаки задержали на дорогѣ дворянина Буяльскаго, отняли у него деньги и имущество и истребили найденную при немъ связку документовъ; точно также поступали они при нападеніи на дворъ шляхтича Зубрицкаго [2]). Въ 1750 году, овладѣвъ Винницкимъ замкомъ, гайдамаки выломали дверь въ гродскую канцелярію, гдѣ хранились многочисленные документы дворянъ всего Брацлавскаго воеводства, и частью изорвали ихъ въ клочки, частью выбросили, частью-же взяли съ собою, съ цѣлью употребить ихъ на укупорку патроновъ [3]).

Относительно остальной добычи, гайдамаки особенно дорожили, по указаннымъ уже причинамъ, лошадьми и оружьемъ; кромѣ того они старались захватить во время грабежа: деньги, металлическія вещи и болѣе цѣнныя одежды, не обременяя себя громоздкими предметами; набранную добычу они сваливали въ мѣшки и укладывали на вьючныхъ лошадей; лошади эти, привязанныя другъ къ другу, слѣдовали въ серединѣ отряда и добыча, препровождаемая такимъ образомъ, носила особенное техническое названіе: вся вереница везшихъ ее вьючныхъ лошадей называлась »*батовня*« [4]). Польскіе отряды, гнавшіеся за гайдамаками, особенно усердно старались отнять батовни, но послѣднее удавалось имъ

---

1) См. № CIX, стр. 228.
2) См. №№: CLXVII, стр. 344 и CLXXIX, стр. 371.
3) См. № CCXXXI, стр. 487.
4) См. №№: LXXXIV, стр. 162; CXLIV, стр. 289; CCXCIX, стр. 625.

очень рѣдко; почти всегда гайдамаки успѣвали препроводить добычу въ мѣсто болѣе безопасное, и тамъ приступали къ дѣлежу, который назывался *»паеваніемъ«*. Деньги, серебряныя и золотыя вещи, оружье, лошадей и одежды распредѣляли на столько равныхъ частей, сколько было на лице уцѣлѣвшихъ членовъ отряда, и каждый получалъ свой пай; если случалось такъ, что нѣкоторые предметы превышали величину пая, то ихъ собща оцѣнивали и, тотъ, кто получалъ предметъ въ собственность, долженъ былъ уплатить излишекъ остальнымъ пайщикамъ; судя по сохранившимся въ актахъ указаніямъ, при дѣлежѣ добычи ватажокъ получалъ пай равный съ своими подчиненными [1]). Послѣ паеванія гайдамаки разъѣзжались изъ отряда и каждый, по личному усмотрѣнію, распоряжался своею долею добычи; потому, если польскимъ или русскимъ властямъ удавалось арестовать или уличить отдѣльныхъ лицъ въ участіи въ гайдамацкомъ походѣ, то возможно было возвратить только незначительную часть добычи, принадлежавшую данному лицу, да и та по большей части оказывалась уже весьма не полною; только въ рѣдкихъ случаяхъ, послѣ весьма продолжительныхъ и трудныхъ поисковъ, власти открывали отдѣльные предметы изъ пая, уже въ качествѣ подарка или посредствомъ продажи, перемѣнившіе нѣсколько разъ владѣльцевъ; въ большей части случаевъ отъ подобнаго рода розысковъ приходилось отказаться по причинѣ сложности дѣла; бывали также случаи, когда гайдамаки, оставившіе отрядъ, попавъ въ трудное положеніе, и боясь ареста съ поличнымъ, закапывали добычу въ намѣченномъ мѣстѣ — въ лѣсу или на полѣ [2]); иногда они пытались увезти ее черезъ границу речи-посполитой подъ видомъ товара [3]).

---

[1]) См. стр. 162, 322, 374, 388, 401, 527—529, 645, 688, 701 и т. д.

[2]) См. №№ CCXXXVII, стр. 475 и CCLII, стр. 528.

[3]) См. № CCCXLI, стр. 717.

Отряды Польскаго войска, не находившіе возможности задержать гайдамаковъ, благодаря принятой послѣдними тактикѣ, старались, при каждомъ извѣстіи объ ихъ набѣгѣ, настичь отрядъ, съ цѣлью не дать ему увезти награбленной добычи; потому гайдамаки могли ожидать столкновенія съ войскомъ только на обратномъ пути; всѣ свѣдѣнія о стычкахъ съ войскомъ встрѣчаются именно только во время погони за отрядами, совершившими уже болѣе или менѣе успѣшный походъ. Во многихъ случаяхъ погоня оказывалась не удачною, гайдамаки успѣвали ускользать отъ преслѣдовавшихъ ихъ военныхъ командъ; но иногда послѣднимъ удавалось перерѣзать имъ путь къ отступленію и принудить вступить въ битву, отъ которой гайдамаки уклонялись по мѣрѣ возможности, такъ какъ имъ приходилось почти всегда имѣть дѣло съ отрядомъ численно превосходившимъ ихъ силы; въ такомъ случаѣ гайдамаки со всею рѣшимостью отчаянія вступали въ битву, зная, что всѣ попавшіеся живыми въ руки жолнерамъ, будутъ немедленно приговорены къ виселицѣ [1]). Потому мы и встрѣчаемъ факты, въ которыхъ, не смотря на неравенство силъ и вооруженія и на желаніе избѣгнуть стычки, принужденные къ ней гайдамаки одерживаютъ верхъ надъ войскомъ. Если же случалось, что гайдамаки были увѣрены въ превосходствѣ своихъ силъ, или, по крайней мѣрѣ, въ равномѣрности ихъ съ числомъ войска, то они не только вступали въ битву, но даже старались вызвать на бой отдѣльные польскіе отряды. Такъ, въ 1736 году, сильная партія гайдамаковъ, овладѣвшая Чигириномъ, прислала въ главную квартиру Польскаго региментаря письменный вызовъ на бой; затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ перемѣннымъ счастіемъ, гайдамаки заставили региментаря отступить отъ границы, овладѣли полемъ послѣдняго сраженія и похоронили торжественно, съ военными почестями, убитыхъ въ стычкѣ товарищей. Въ слѣдующемъ

---

[1]) См. №№: CX, стр. 229; CXI, стр. 231—232, CXIV, стр. 237.

году, другой сильный гайдамацкій отрядъ хитростью выманилъ въ степь отрядъ войска, состоявшій подъ начальствомъ офицера Скоржевскаго, окружилъ его, преслѣдовалъ въ теченія сутокъ и, наконецъ, истребилъ окончательно; вслѣдъ за тѣмъ, гайдамаки, наткнувшись на незначительный отрядъ жолнеровъ, занимавшихся сборомъ фуража, напали на нихъ, преслѣдовали до села и, тамъ, сожгли вмѣстѣ съ домомъ, въ которомъ жолнеры заперлись и пытались отстрѣливаться. Встрѣчаясь на пути съ придворными панскими милиціями, даже незначительные отряды гайдамаковъ завязывали перестрѣлку и по большей части обращали въ бѣгство этихъ импровизированныхъ салдатъ, весьма неохотно вступавшихъ съ ними въ битву [1]). Среди столкновеній съ войскомъ у гайдамаковъ выработались извѣстные пріемы партизанской войны и нѣкоторые изъ этихъ пріемовъ можно отмѣтить по дошедшимъ до насъ актамъ. Такъ гайдамаки, преслѣдуемые погонею, не разсчитывая убѣжать отъ нея, раздѣлялись обыкновенно на нѣсколько партій, для того, чтобы поставить офицеровъ въ недоумѣніе на счетъ направленія, по которому они должны были преслѣдовать убѣгавшихъ; наткнувшись на слишкомъ сильный отрядъ, особенно если это случалось въ лѣсу, гайдамаки немедленно бѣжали въ разсыпную и, пробѣжавъ значительное разстояніе, собирались опять въ извѣстномъ, впередъ условленномъ, пунктѣ; въ другихъ случаяхъ они устраивали въ лѣсу засѣки, и защищались, иногда въ продолженіи значительно времени, среди этихъ, на скоро воздвигнутыхъ, укрѣпленій; наконецъ, если отрядъ гайдамаковъ былъ очень многочисленъ и хорошо вооруженъ, то онъ въ началѣ похода устраивалъ »кошъ« т. е. укрѣпленное сборное мѣсто, изъ котораго отдѣльные отряды разбѣгались для нападенія на близле-

---

[1]) См. №№: CX, стр. 229; CXI, стр. 231; CXIV, стр. 238; CXXXIV, стр. 268, CCLII стр. 526 и 531 и CCLVIII стр. 543

жащія мѣстности, и въ которое они возвращались, въ случаѣ погони, подъ защиту главныхъ силъ своего зборища [1]).

Находясь постоянно подъ угрозою гайдамацкихъ вторженій, шляхтичи Украинныхъ воеводствъ: Кіевскаго и Брацлавскаго, безпрестанно заботились объ изысканіи мѣръ для предотвращенія нападеній и для ихъ отраженія. Въ актовыхъ книгахъ мы нашли постановленія восьми провинціальныхъ сеймиковъ, собиравшихся въ теченіи 15 лѣтъ (1735—1750) для обсужденія подобнаго рода мѣръ. Постановленія сеймиковъ (3 состоялись въ Брацлавскомъ воеводствѣ и 5 въ Кіевскомъ) свидѣтельствуютъ прежде всего о томъ, глубоко укоренившемся въ шляхетскомъ обществѣ, сословномъ и личномъ эгоизмѣ, который служилъ вѣрнымъ признакомъ и вмѣстѣ составлялъ основную причину скораго распаденія речи-посполитой; шляхтичи, въ виду собственной, повседневной опасности стараются прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя не потребовали бы отъ нихъ никакой затраты средствъ, труда и энергіи, и изощряются въ изысканіи такихъ средствъ, при употребленіи которыхъ они могли-бы взвалить заботу о собственной защитѣ на чужія плечи; если-же, подъ давленіемъ необходимости, и рѣшаются принять какую нибудь мѣру, прямо отъ нихъ зависящую, то даютъ ей до того ничтожные размѣры и исполняютъ ее столь неохотно и вяло, что она приноситъ въ результатѣ самимъ шляхтичамъ болѣе хлопотъ и вреда, чѣмъ пользы и охраны отъ гайдамаковъ. Всѣ постановленія сеймиковъ относительно противудѣйствія гайдамакамъ обнимаютъ слѣдующія мѣропріятія: 1) отправка посольствъ къ сейму, королю и гетманамъ съ цѣлью выхлопотать присылку болѣе значительныхъ военныхъ силъ, которыя охраняли-бы границы Украинныхъ воеводствъ на счетъ

---

[1]) См. №№: CXLIV, стр. 289; CCLVIII, стр. 513; CCXC, стр. 609; CXXXIX, стр. 278 и CXXII, стр. 250. Также Kiłowicz—Opis obyczajów i zwyczajów, т. II, стр. 134—139.

речи-посполитой; кромѣ усиленія военной стражи, сеймики иногда требуютъ отъ центральнаго правительства устройства и подчинки крѣпостей и даже денежнаго вознагражденія изъ казны речи-посполитой за убытки, понесенныя отдѣльными лицами дворянскаго сословія вслѣдствіе гайдамацкихъ набѣговъ. 2) Другой рядъ требованій сеймиковъ направленъ къ тому, чтобы вызвать, посредствомъ сейма, короля и посольствъ къ Русскимъ пограничнымъ властямъ, дѣятельное вмѣшательство Русскаго правительства. Требованія эти не удовлетворяются тѣми возможными мѣрами, которыя приняты были немедленно Русскимъ правительствомъ послѣ первыхъ заявленій; шляхтичи желали-бы, чтобы Россія взяла исключительно на себя обязанность охраненія Украинныхъ воеводствъ отъ гайдамаковъ и чтобы она пополняла денежнымъ вознагражденіемъ изъ своей казны всѣ убытки, понесенные лично каждымъ изъ Польскихъ дворянъ. 3) Наконецъ, третій рядъ рѣшеній, встрѣчающихся въ постановленіяхъ только трехъ сеймиковъ, имѣетъ въ виду организовать на собственныя средства защиту страны, посредствомъ усиленія Польскихъ военныхъ силъ и дѣятельнаго преслѣдованія виновниковъ и участниковъ въ гайдамачествѣ судебными и административными мѣрами [1]. Разсмотримъ подробно всѣ эти средства защиты, которыя шляхетское общество противупоставляло гайдамачеству.

Все то количество регулярнаго войска, которымъ располагала Польская речь-посполитая въ продолженіи XVIII столѣтія, представляло ничтожную цыфру, колебавшуюся между 17 и 18,000 [2].

---

[1]) См. №№: LXXXVII, стр. 167; CVII, стр. 220; CXLV, стр. 290; CXLVIII, стр. 297; CLVI, стр. 317; CCXIX, стр. 443; CCXX, стр. 447; CCXL стр. 479; CCXLI, стр. 490 и CCXLII, стр. 493.

[2]) Volumina legum. т. VI, стр 164—перечень польскаго войска въ 1716 г., Moraczewski, starożytności Polskie т. II стр. 734—735 —перечень войска въ 1786 г. Kitowicz. Opis obyczajów i zwyczajów, т. II, стр. 74,

Но и это количество существовало только на бумагѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности подъ оружіемъ не было и половины, опредѣленнаго сеймовыми конституціями, числа салдатъ. Все войско дѣлилось на двѣ части: на Литовское и Польское, послѣднее-же, числомъ около 12,000, было распредѣлено на четыре дивизіи, или такъ называемыя *»партіи«*: Великопольскую, Малопольскую, Сендомирскую и Украинскую, состоявшія каждая подъ управленіемъ особаго начальника, носившаго титулъ *»региментаря«* [1]. Такимъ образомъ на долю »Украинской партіи«, обязанностью которой было охраненіе границы отъ гайдамаковъ на всемъ протяженіи отъ Днѣпра до Днѣстра, приходилось около 3,000 человѣкъ; въ дѣйствительности же количество войска этой дивизіи далеко не достигало сказанной цыфры и, по механизму своей организаціи, представляло въ наличности только ничтожную долю ея. Украинская партія, какъ и все войско, состояла изъ хоругвей; въ составъ хоругви входили *»товарищи«* и *»шереговые«*. Товарищи были исключительно дворяне, записывавшіеся добровольно въ хоругвь, (въ которой, по принятой нормѣ, ихъ полагалось 25 человѣкъ); притомъ каждый дворянинъ приводилъ съ собою отъ двухъ до четырехъ крѣпостныхъ или нанятыхъ слугъ, которые поступали вмѣстѣ съ нимъ въ ряды хоругви и назывались »шереговыми«. *Ротмистръ*, т. е. начальникъ хоругви, получалъ плату для содержанія всей своей команды и, потомъ, распредѣлялъ ее между »товарищами«, которые должны были содержать себя и своихъ шереговыхъ. Между тѣмъ дворяне, поступавшіе товарищами въ военную службу, искали въ ней только почета и титула »товарища«, но не заботились объ исполненіи военныхъ обязанностей; записавшись въ »компутъ«, т. е. списокъ хоругви, они немедленно, безъ всякого отпуска или разрѣшенія, уѣзжали по домамъ, занимались хозяйствомъ или кутежомъ, щеголяли военнымъ званіемъ и мундиромъ,

---

[1]) Kitowicz, т. II, стр. 77.

на дѣлѣ-же только числились въ войскѣ; начальники не только не требовали ихъ присутствія въ дѣйствительной службѣ, но, напротивъ того, поощряли такой образъ дѣйствія изъ побужденій личнаго интереса. Вся плата, слѣдовавшая товарищамъ, находившимся въ отлучкѣ, по принятому обычаю, оставалась въ карманѣ начальника хоругви. Вслѣдствіе такого порядка, по свидѣтельству современника, въ каждой хоругви не было никогда на лицо больше шести товарищей, т. е. численность ея низводилась изъ 100 человѣкъ (числа, опредѣленнаго закономъ), до 24—25 человѣкъ [1]. Такое-же небрежное отношеніе къ дѣлу проявляли нетолько товарищи, но и офицеры и начальники всякаго ранга. Такъ, не только гетманъ не появлялся никогда для начальства въ походѣ надъ Украинскою партіею, но и региментарь передавалъ часто свои обязанности одному изъ подчиненныхъ, которому онъ давалъ въ такомъ случаѣ титулъ *»страженника«* [2]. Ротмистры, искавшіе этого званія исключительно для почета, никогда не принимали начальства надъ своими хоругвями. Китовичъ утверждаетъ, что въ продолженіи всего царствованія Августа III (1734—1764) ему ни разу не случалось встрѣтить ротмистра, который-бы дѣйствительно командовалъ своею хоругвью [3]; должность его исполнялъ назначенный имъ *поручикъ*, который, въ большинствѣ случаевъ передавалъ ее одному изъ товарищей, принимавшему въ такомъ случаѣ титулъ *»намѣстника«*. По временамъ только гетманы старались пробудить энергію войска, посылали циркуляры, приглашавшіе отсутствовавшихъ офицеровъ и товарищей явиться въ войско, подъ угрозою изгнанія изъ службы и уголовной отвѣтственности [4]; но угрозы эти оставались безъ послѣдствія и войско продолжало находиться въ разбродѣ. Такое состояніе арміи умень-

---

1) Kitowicz, т. II, стр. 81—84.
2) См. № XII, стр. 22.
3) Kitowicz, т. II стр 80.
4) См. № CVIII, стр. 226.

шало численность и безъ того ничтожной Украинской партіи до 700—1000 человѣкъ наличнаго контингента; не удивительно, что она была недостаточна для прикрытія границы. При нападеніи гайдамаковъ, для того, чтобы составить сколько нибудь значительный отрядъ, приходилось созывать остатки хоругвей, квартировавшіе въ значительномъ разстояніи другъ отъ друга вдоль границы, и потому польскіе отряды запаздывали всегда сборомъ и выступленіемъ въ походъ [1]).

Сознавая недостаточность военныхъ силъ, шляхетскіе сеймики украинныхъ воеводствъ беспрестанно обращались къ королю, сейму и гетманамъ съ просьбою усилить военныя команды на границѣ Польской Украины, то посредствомъ увеличенія численности всего войска, то прикомандированіемъ отрядовъ отъ другихъ дивизій къ Украинской; но, заявляя подобныя желанія, сеймики оговаривались, что усиленіе войска должно произойти »безъ обремененія какими-либо особыми податями дворянъ пограничныхъ воеводствъ« т. е. что речь-посполитая должна принять содержаніе прибавочнаго войска на свой счетъ; условіе это дѣлало само удовлетвореніе требованія неисполнимымъ, такъ какъ единственный источникъ государственныхъ доходовъ, назначенный на содержаніе войска—кварта изъ королевскихъ староствъ—былъ едва достаточенъ для содержанія той незначительной арміи, которая находилась на лицо [2]). Притомъ, требуя усиленія количества войска, шляхтичи постоянно заявляли неудовольствіе относительно его поведенія. По постановленію сейма 1717 года, войско, получая регулярно плату изъ кварты, должно было содержать себя на счетъ этого жалованья, не требуя ни фуража, ни провіанта отъ жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно было расквартировано [3]). Но оффицеры и салдаты не ограничивались

---

[1]) Kitowicz т. II; стр. 118.

[2]) См. №№: LXXXVII, стр. 176; CXLV, стр. 291—292; CCXX, стр. 449.

[3]) Volumina legum т. VI стр. 109 и 140.

жалованьемъ и старались усилить свои средства вопреки указанной сеймовой конституціи. Жалобы на беззаконный сборъ провіанта, взыскиваніе различныхъ поборовъ и контрибуцій слышатся и на всѣхъ сеймикахъ и въ многочисленныхъ частныхъ искахъ. Владѣльцы имѣній, въ которыхъ размѣщены были войска, жалуются, что солдаты насильно выжимаютъ отъ крестьянъ продовольствіе, что товарищи, по своему произволу, сбираютъ торговыя пошлины съ проѣзжихъ купцевъ, что во многихъ волостяхъ крестьяне разбѣжались, уклоняясь отъ притѣсненій военнаго постоя. Сеймики требуютъ наказанія виновныхъ, и особымъ посольствамъ, отправляемымъ къ гетманамъ, поручаютъ настаивать на произведеніи взысканій [1]). Военныя команды не ограничивались, впрочемъ, однимъ незаконнымъ сборомъ провіанта; пользуясь отсутствіемъ въ войскѣ всякой дисциплины, намѣстники хоругвей нанимали свои отряды частнымъ лицамъ для заѣздовъ и нападеній на домы сосѣдей, при чемъ солдаты живились грабежемъ не хуже гайдамаковъ [2]); часто, подъ предлогомъ поимки послѣднихъ, солдаты врывались въ встрѣчное село, истязали крестьянъ, пытками принуждали выдавать себѣ имѣющіяся у нихъ деньги и заключали ихъ съ этою цѣлью въ тюрму [3]). Изъ жалобы, поданной гетману сеймикомъ Брацлавскаго воеводства въ 1740 году, мы видимъ, что подобные факты представляли не случайное, исключительное явленіе. Въ жалобѣ этой шляхтичи подробно разсказываютъ образъ дѣйствій региментаря Украинской партіи, Нитославскаго, который сборомъ провіанта и всевозможныхъ контрибуцій принудилъ шляхтичей Брацлавскаго воеводства платить ему прибавочную сумму на содержаніе войска, но, затѣмъ, не удовлетворившись этою уступкою, онъ продолжалъ все таки насильно грабить провіантъ.

---

[1]) См. №№: XXII, стр. 46; XXXVII, стр. 176; CXLIV, стр. 338; CCLVI, стр. 537.

[2]) См. №№: CCII, стр. 417—418; CCLXI, стр. 549.

[3]) См. №№: CXLV, стр. 339; CCVI, стр. 424; CCCI, стр 629.

Самъ региментарь, имѣвшій помѣстье въ сосѣднемъ воеводствѣ, приказалъ пригнать въ военную квартиру свои многочисленныя стада и кормилъ ихъ фуражемъ, взыскиваемымъ съ жителей подъ предлогомъ военной контрибуціи, при чемъ, онъ перегонялъ эти стада въ мѣста, гдѣ заготовленъ былъ фуражъ, подъ предлогомъ устройства полевыхъ лагерей; по его примѣру, офицеры развели также многочисленныя стада, солдаты-же безнаказно грабили въ селахъ съѣстные припасы, забирали безплатно напитки въ арендахъ и т. д. Противъ гайдамаковъ Нитославскій въ теченіе 3 лѣтъ не предпринималъ вовсе походовъ, но, желая удержать за собою свой постъ и прослыть дѣятельнымъ начальникомъ въ глазахъ гетмана, онъ по временамъ врывался безъ всякаго повода въ то или другое село, захватывалъ нѣсколько десятковъ крестьянъ, заключалъ ихъ въ тюрьму, и, затѣмъ, присвоивъ себѣ ихъ скотъ, имущество и даже одежду, отпускалъ домой; между тѣмъ въ рапортахъ, представляемыхъ гетману, каждый такой подвигъ онъ выставлялъ удачнымъ походомъ и исчислялъ количество захваченныхъ имъ въ плѣнъ мнимыхъ гайдамаковъ [1]). Изъ приведенныхъ фактовъ ясно, что ни количество, ни качество регулярнаго войска, доставляемаго речью-посполитою для защиты Украинныхъ воеводствъ отъ гайдамаковъ, не могло удовлетворять этой цѣли, и что шляхтичи, для собственной безопасности, должны были изыскать изъ мѣстныхъ земскихъ средствъ новыя, болѣе дѣйствительныя мѣры защиты. Но такія мѣры требовали немедленно денежныхъ жертвъ, которыя шляхетское общество несло крайне неохотно, даже въ виду настоятельной собственной потребности; потому сеймики стараются изыскать или такія полумѣры, которыя дозволяли бы разсчитывать на извѣстную подмогу безъ затраты денегъ, или, если и разрѣшаютъ послѣ долгаго колебанія сборъ послѣднихъ, то въ количествѣ далеко недостаточномъ для достиженія предположенной цѣли.

---

[1]) См. № CLII, стр. 306—311.

Первая попытка подобнаго рода сдѣлана была въ 1723 году гетманомъ Адамомъ Сѣнявскимъ: чувствуя недостаточность военныхъ силъ речи-посполитой, онъ разсчитывалъ усилить ихъ организаціею особенной милиціи изъ многочисленной безземельной шляхты, живш ей »на чиншѣ«, т. е. арендовавшей небольшіе клочки земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Съ этою цѣлью онъ въ собственномъ помѣстьи, Межибожской волости, освободилъ жившихъ въ ней шляхтичей отъ чинша и назначилъ имъ сверхъ того жалованіе въ 30 злотыхъ въ годъ, подъ условіемъ, что они составятъ военную хоругвь, которая будетъ выступать въ походъ по первому требованію; ротмистромъ этой хоругви онъ назначилъ опытнаго оффицера—Станислава Кошку, и, въ качествѣ жалованья, предоставилъ ему въ пожизненное владѣніе одно изъ своихъ селъ въ той-же волости [1]. Если бы планъ Сѣнявскаго былъ примѣненъ ко всѣмъ имѣніямъ Украинныхъ воеводствъ, то дѣйствительно могла-бы составиться многочисленная милиція изъ лицъ, заинтересованныхъ какъ по общественному, такъ и по экономическому своему положенію въ борьбѣ съ гайдамаками; но для осуществленія этой мысли помѣщикамъ необходимо было отказаться отъ дохода изъ шляхетскихъ чиншей и, сверхъ того, назначить еще вознагражденіе милиціонерамъ; дворяне сочли подобные расходы слишкомъ обременительною для себя жертвою и не послѣдовали примѣру Сѣнявскаго, котораго попытка осталась единичнымъ фактомъ, совершенно безплоднымъ.

Другая попытка организовать милицію состояла въ томъ, что, пользуясь запустѣніемъ въ началѣ XVIII ст. поднѣстровской области, старосты и владѣльцы крупныхъ имѣній перезывали на пустопорожнія земли »Волоховъ« т. е. крестьянъ изъ Молдавіи; поселенцы эти получали на льготныхъ условіяхъ землю и изъ нихъ

---

[1]) См. № XV, стр. 31—33.

старосты и помѣщики старались организовать постоянную подвижную милицію; выше было уже замѣчено, что Волохи, населившіе эти села, очень скоро сжились и породнились съ крестьянскимъ мѣстнымъ населеніемъ и не только не составили препятствія для развитія гайдамачества, но даже приняли въ немъ дѣятельное участіе; мы встрѣчаемъ Волоховъ, примыкающихъ то единолично къ гайдамацкимъ скопищамъ, то составляющихъ цѣлые отряды, для нападенія и грабежа панскихъ домовъ [1]). Во время сильнаго крестьянскаго движенія, охватившаго Подоліе въ 1734 году, надворныя волошскія хоругви, содержимыя старостами и помѣщиками, примкнули всѣ безъ исключенія къ крестьянскому возстанію и составили готовыя кадры для формировки образовавшихся въ то время козацкихъ полковъ [2]). Этотъ неблагопріятный для дворянъ исходъ военныхъ волошскихъ колоній заставилъ шляхетское общество отказаться отъ нихъ. Сеймикъ Брацлавскаго воеводства въ мартѣ 1735 года обложилъ волошскія села податью [3]), а другой сеймикъ, собравшійся въ сентябрѣ того-же года, рѣшилъ уничтожить волошскія поселенія; депутаціи, отправленной къ королю этимъ сеймикомъ, поручено было, между прочими заявленіями, предложить королю слѣдующую просьбу: »такъ какъ въ Брацлавскомъ и въ сосѣднихъ съ нимъ воеводствахъ надворныя волошскія хоругви разныхъ пановъ, равно какъ и Волохи, живущіе по селамъ, вмѣсто благодарности за оказанныя имъ речью-посполитою благодѣянія, воспользовались нынѣшнимъ смутнымъ временемъ во вредъ истиннымъ сынамъ той-же речи-посполитой, и, преслѣдуя своекорыстныя цѣли, занялись убійствами и грабежомъ; такъ какъ дворянамъ не возможно обеспечить отъ ихъ нападеній ни имущества ни жизни, какъ отъ людей, хорошо успѣвшихъ ознакомиться

---

1) См. №№: XI, стр. 20; LIX, стр. 102, LXXII, стр. 136; LXXIII, стр. 137. LXXXVII, стр. 175—176.

2) См. №№: XXI, стр. 44 и XXXVIII, стр. 68—79.

3) См. № LXVII, стр. 126.

съ мѣстностью, то мы умоляемъ короля и речь посполитую, дабы они распорядились выбросить за границу государства эту враждебную гадину, вскормленную хлѣбомъ нашего отечества; мы просимъ вмѣсто Волоховъ поселить въ ихъ слободахъ менѣе достаточныхъ шляхтичей, братью нашу, приспособивъ ихъ поселеніе къ военному дѣлу, и назначивъ имъ ротмистровъ изъ числа знатныхъ помѣщиковъ нашего воеводства, которые могутъ быть подчинены общему военному начальству [1]).

Дѣйствительно количество Волоховъ съ этого времени значительно уменьшается и народонаселеніе изъ ихъ слободъ переходитъ обратно на родину черезъ Днѣстръ [2]); тѣмъ не менѣе планъ, предложенный сеймикомъ, относительно устройства шляхетскихъ военныхъ поселеній не былъ приведенъ въ исполненіе; осуществленіе его потребовало средствъ, которыми не располагали ни король, ни речь-посполитая, и затрачивать которыя не желало само, предлагавшее планъ земство.

Въ одно время съ указаннымъ проектомъ, тотъ-же сеймикъ Брацлавскаго воеводства въ 1735 году высказалъ и другое пред-

---

1) См. № LXXXVII, стр. 175—176.

2) Въ числѣ немногихъ оставшихся Волоховъ намъ встрѣчаются впослѣдствіи только такія отдѣльныя лица, которыя дѣйствуютъ исключительно изъ побужденій личной корысти и поочередно то мирятъ, то враждуютъ съ обѣими боровшимися сторонами. Какъ на рѣзкій примѣръ подобнаго рода, мы можемъ указать на нѣкоего Антона Табана: еще въ 1713 году онъ завелся осѣдлостью въ с. Воробіевкѣ, въ окрестности Немирова и устроилъ у себя притонъ для гайдамаковъ, которые ѣздили въ его домъ для отдыха, для паеванія добычи и для пополненія вербовкою своихъ отрядовъ; впослѣдствіи Табанъ успѣлъ снискать милость владѣльца Умани, сдѣланъ былъ губернаторомъ въ этомъ городѣ и въ 1738 году прославился грабежемъ захваченныхъ имъ измѣннически Запорожцевъ, пріѣхавшихъ за покупкою хлѣба; онъ приказалъ ихъ казнить, будто подозрѣвая въ гайдамачествѣ, дѣйствительно-же для того, чтобы завладѣть ихъ имуществомъ и лошадьми. См № XI, стр. 21, также Скальковскій—Исторія Новой Сѣчи т. II, стр. 121.

положеніе относительно защиты воеводства отъ гайдамаковъ: въ инструкціи посламъ, отправленнымъ отъ сеймика къ королю и коронному гетману, внесенно было предложеніе, чтобы речьпосполитая разрѣшила воеводству устроить милицію на свой счетъ въ подмогу Украинской партіи, съ тѣмъ, чтобы милиція находилась подъ начальствомъ региментаря этой партіи [1]). Но предложеніе осталось на долго безъ послѣдствій; шляхтичи ограничились заявленіемъ готовности назначить земскій сборъ на содержаніе милиціи, но не торопились исполненіемъ своего обѣщанія. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ никакой милиціи, ни сборовъ на ея содержаніе мы не встрѣчаемъ въ актахъ. Только въ 1750 году, вслѣдствіе усилившихся въ то время до небывалыхъ еще размѣровъ гайдамацкихъ нападеній, мысль объ устройствѣ милиціи на счетъ Украинныхъ воеводствъ была вновь поднята на сеймикахъ и, на этотъ разъ, приведена въ исполненіе. Въ одно и то же время сеймики, собравшіеся какъ въ Брацлавскомъ, такъ и въ Кіевскомъ воеводствахъ, постановили осуществить ее. Брацлавскій сеймикъ, въ засѣданіи 16 сентября 1750, года постановилъ немедленно составить небольшое ополченіе изъ имѣвшихся подъ рукою надворныхъ панскихъ жолнеровъ и, поручивъ надъ ними начальство дворянину Даніилу Мацевичу, предписалъ послѣднему въ теченіи мѣсяца заняться преслѣдованіемъ гайдамаковъ и очистить отъ нихъ воеводство; Мацевичу разрѣшено было: сгонять крестьянъ изъ селъ для розысковъ, требовать въ свое распоряженіе всѣ надворныя милиціи, пользоваться даровымъ провіантомъ, арестовать и казнить смертью всѣхъ лицъ, которыхъ онъ заподозритъ въ участіи въ гайдамачествѣ или въ связяхъ съ нимъ; въ награду за такую дѣятельность Мацевичу и его отряду предназначалась вся добыча, которую онъ отъиметъ отъ гайдамаковъ [2]).

---

[1]) См. № LXXXVII, стр. 169 170, 177 и 179.
[2]) См. № CCXLI, стр. 490—493.

Брацлавское воеводство не удовлетворилось этою временною мѣрою; сеймикъ въ слѣдующемъ засѣданіи, 17 Сентября, занялся проектомъ составленія правильнаго постояннаго ополченія; рѣшено было составить воеводскую *»ландмилицію«*; каждый помѣщикъ, владѣлецъ старосгва и т. п. долженъ былъ доставить въ опредѣленный срокъ—по 2-ое апрѣля слѣдующаго 1751 года, одного вооруженнаго и обмундированнаго всадника отъ каждыхъ 120 крестьянскихъ дворовъ, находившихся въ его имѣніи; избраннымъ сеймикомъ ревизорамъ поручено было до того времени повѣрить наличное количество населенія въ воеводствѣ и составить распредѣленіе этой повинности между всѣми имѣніями; помѣщикамъ, которые не исполнятъ этого постановленія, сеймикъ угрожалъ военною экзекуціею и взысканіемъ штрафа. Милиція должна была собраться 2-го апрѣля у города Винницы и тамъ расположиться лагеремъ; начальство надъ нею поручалось 3-мъ дворянамъ съ титуломъ ротмистровъ, избраннымъ на годичный срокъ безъ жалованія, главное-же начальство сеймикъ вручилъ брацлавскому подкоморію, князю Михаилу Четвертинскому. Солдаты, присылаемые въ милицію, должны были являться въ установленномъ мундирѣ (зеленаго цвѣта), съ вооруженіемъ, состоящимъ изъ ружья, копья и топора, съ достаточнымъ запасомъ пороха и свинца и на хорошихъ лошадяхъ, стоимостью по меньшей мѣрѣ каждая въ 100 злотыхъ. Вся экипировка должна быть доставлена помѣщикомъ, равно какъ и деньги на годичное содержаніе солдатъ и лошадей въ лагерѣ и въ походахъ. За бѣгство, неявку или измѣну солдата, уголовная отвѣтственность возлагалась на снарядившаго его помѣщика, грабежи-же и насилія во время походовъ—на ротмистровъ и ихъ поручиковъ; офицеры обязаны были пребывать постоянно въ лагерѣ милиціи, и, даже въ мирное время, одинъ изъ нихъ долженъ былъ находиться при командѣ; они получали право безапелляціоннаго военнаго суда надъ солдатами [1]).

[1]) См. № CCXLII, стр. 497—501.

Еще большею энергіею отличались мѣры, принятыя одновременно сеймикомъ Кіевскаго воеводства: въ засѣданіи 18 сентября 1750 года дворяне рѣшили собирать подымную подать изъ своихъ имѣній во всемъ воеводствѣ, въ размѣрѣ 100,000 злотыхъ, изъ которыхъ 20,000 было назначено на усиленіе платы регулярнаго войска Украинской партіи, на остальныя же 80,000 воеводство должно содержать постоянную милицію, организацію которой сеймикъ возложилъ на особую коммиссію изъ 15 лицъ, тутъ-же имъ избранную [1]). Коммиссія эта дѣйствительно собралась 2-го февраля 1751 года, и постановила слѣдующія правила для устройства воеводской милиціи: на деньги, назначенныя воеводствомъ изъ подымной подати, положено содержать 3 хоругви, по 100 человѣкъ каждая, ротмистрами хоругвей назначены помѣщики Кіевскаго воеводства съ жалованіемъ отъ 2000 до 2500 злотыхъ, и сверхъ того хорунжіе, по выбору ротмистровъ, съ жалованіемъ 800—1,000 злотыхъ; въ каждой хоругви полагалось по 30 товарищей, каждый съ двумя шереговыми; товарищъ долженъ былъ получать въ годъ по 600 злотыхъ; сверхъ того въ каждой хоругви полагалось по два ревизора для наблюденія порядка. Вооруженіе, мундиры и продоволствіе товариши должны были поставлять на свой счетъ. Ротмистры были назначены коммиссіею и они должны были немедленно навербовать полный составъ своихъ хоругвей и явиться съ ними въ Житомиръ къ 15 мая того-же года; коммиссія, повѣривъ наличный составъ хоругвей, должна была выдавать имъ жалованіе регулярно въ два годичные сроки. Милиція должна поступить въ вѣдѣніе короннаго гетмана и усилить собою составъ Украинской партіи. Право безапелляціоннаго суда надъ солдатами и пойманными гайдамаками предоставлялось ротмистрамъ; отвѣтственность за грабежи и буйства шереговыхъ возложена на товарищей, а за поведеніе послѣднихъ на ротмистровъ; запрещено

---

[1]) См. № CCXL, стр. 482—485.

употреблять милицію для другихъ цѣлей, кромѣ прямого ея назначенія, а также выводить ее изъ предѣловъ воеводства. Мундиръ милиціонеровъ долженъ состоять изъ синяго контуша и краснаго жупана; на знаменахъ хоругвей допускались изображенія: герба воеводства или чудотворной Бердичевской иконы Богородицы. Гетманъ коронный, извѣщенный о постановленіяхъ сеймика и его коммиссіи, изъявилъ воеводству благодарность, принялъ хоругви милиціи подъ свою команду и предписалъ ротмистрамъ подчиняться распоряженіямъ региментаря Украинской партіи [1]).

Такимъ образомъ мѣры, предполагавшіяся въ минуту самаго энергическаго настроенія шляхтичей двухъ воеводствъ, должны были повести къ вооруженію милиціи, числомъ около 500 человѣкъ; можетъ быть эта милиція и могла бы въ нѣкоторой долѣ удовлетворить вызвавшей ее потребности, если бы она, въ практическомъ исполненіи, отвѣчала характеру, предполагавшемуся на сеймикѣ; но на дѣлѣ милиція оказалась далеко не тѣмъ, чѣмъ предполагали ея устроители; она необходимо отразила въ своемъ устройствѣ и въ способѣ исполненія возложенной на нее обязанности, тѣ черты нравственнаго безсилія, какія характеризуютъ въ данную эпоху все шляхетское общество. Милиціи осуществились въ обоихъ воеводствахъ и просуществовали три года (1751—1754); но за все это время мы не встрѣчаемъ вовсе слѣдовъ ихъ дѣятельности по отношенію къ гайдамацкому движенію. Единственный отрядъ, ходившій въ походъ противъ гайдамаковъ—былъ отрядъ, въ качествѣ временной мѣры составленный на сеймикѣ въ Винницѣ, въ 1750 году, и отданный подъ команду Мацевича. Согласно полученнымъ отъ сеймика инструкціямъ, отрядъ этотъ двинулся въ походъ въ сентябрѣ и находился подъ командою региментаря Украинской партіи, Ожги, до конца октября 1750 года. Послѣ истеченія мѣсяца, онъ, согласно инструкціи, данной

---

[1]) См. №№: CCLXVIII, стр. 559—565 и CCLXX, стр. 568.

сеймикомъ, былъ распущенъ. За это время Мацевичъ предпринялъ, по распоряженію Ожги, походъ въ Кіевское Полѣсье и способствовалъ очищенію этой области отъ мелкихъ гайдамацкихъ отрядовъ, вошедшихъ въ Польскія предѣлы изъ Кіевскаго округа [1]). Послѣ окончанія этого похода Мацевичъ и, состоявшій подъ его командою, офицеръ Волынецкій подверглись, съ одной стороны, судебному преслѣдованію, вслѣдствіе жалобъ на нихъ шляхечей за буйства и насилія, причиненныя ихъ отрядомъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, и, съ другой стороны, мести гайдамаковъ, которые взяли приступомъ, разграбили и разорили домъ Мацевича въ м. Володаркѣ [2])

На отрядъ Мацевича, впрочемъ, самъ сеймикъ смотрѣлъ только какъ на мѣру временную; главныя-же надежды возлагались на милиціи, предполагавшаяся организація которыхъ была выше разсказана. Милиціи эти дѣйствительно образовались въ маѣ 1751 года, но, затѣмъ, въ теченіи трехъ лѣтъ, мы не встрѣчаемъ ни одного намека о дѣйствіи ихъ противъ гайдамаковъ; о существованіи ихъ мы узнаемъ только изъ многочисленныхъ жалобъ на разнаго рода буйства, насилія и разоренія, которыя терпѣли отъ милиціонеровъ жители охраняемыхъ ими воеводствъ. Такъ въ Кіевскомъ воеводствѣ, уже въ іюлѣ 1751 года, уніятскій митрополитъ Флоріанъ Гребницкій жаловался, что милиціонеры воеводскіе умышленно избѣгаютъ встрѣчи съ гайдамаками, и, вмѣсто преслѣдованія ихъ, разъѣзжаютъ по митрополичьимъ селамъ, вламываются въ крестьянскія коморы и грабятъ все, что ни найдутъ въ нихъ [3]). Жалобы такого рода на милиціонеровъ поступаютъ съ каждымъ годомъ чаще, и, въ 1754 году дѣлаются всеобщими: одни шлях-

---

[1]) См. №№: CCXLVIII, стр. 517—518; CCLI, стр. 522 и CCLIII, стр. 532.

[2]) См. №№: CCLVI, стр. 538; CCLVIII, стр. 543; CCLX, стр. 547.

[3]) См. № CCCI, стр. 628—629.

тичи жалуются на насильственное взиманіе въ дворянскихъ имѣніяхъ продовольствія и денежныхъ контрибуцій, другіе на грабежи, производимые въ селахъ и мѣстечкахъ, третіе на личныя оскорбленія и побои. Такъ напримѣръ: товарищи воеводскихъ хоругвей ворвались въ квартиру дворянина Пержхалы и избили его почти до смерти; другіе, въ пьяномъ видѣ, осадили домъ помѣщика Проскуры и стрѣляли въ окна и двери; въ имѣніи дворянина Ирушинскаго милиціонеры, остановившись постоемъ, истребили все хозяйство, опустошили крестьянскіе сады и огороды, ограбили крестьянскія коморы, истребили рыбу въ прудахъ, врывались въ домъ помѣщика и наносили побои его гостямъ и слугамъ и т. п. [1]). Наконецъ, ротмистры милиціи, позабывъ о назначеніи своего ополченія, стали его употреблять для личныхъ цѣлей: такъ одинъ изъ нихъ, Михаилъ Трипольскій, желая усилить свое вліяніе на сеймикѣ, явился на его засѣданія во главѣ своей хоругви, и подалъ поводъ къ закрытію сеймика, который, по законамъ речи-посполитой, не могъ засѣдать въ присутствіи вооруженнаго отряда [2]). Такое поведеніе милиціи, показывавшее всю ея непригодность, возбудило всеобщее негодованіе среди шляхтичей. Лица, недовольныя вообще установленіемъ земской подати, и протестовавшіе противъ нея въ принципѣ, теперь указывали на поведеніе милиціи, на ея безполезность и вредъ ею причиняемый и мало-по-малу перетянули большинство шляхтичей въ пользу своего мнѣнія. Дворяне стали отказываться отъ платы подымной подати, преслѣдовали милиціоперовъ судебными исками и, наконецъ, въ сентябрѣ 1754 года, послѣдовало коллективное заявленіе многихъ дворянъ Кіевскаго воеводства, требовавшее отмѣны милиціи; перечисливъ всѣ притѣсненія, испытанныя жителями воеводства отъ собственнаго

---

[1]) См. №№: CCCXII, стр. 661; CCCXIV, стр. 663; CCCXX, стр. 674; CCCXXI, стр. 675, CCCXXII, стр. 677; CCCXIX, стр. 671; CCCXXIII, стр. 679; CCCXVI, стр 665.

[2]) См. № CCCXVIII, стр. 669.

войска, дворяне утверждают, что милиція причиняет имъ тягости на столько-же разорительныя, какъ и гайдамацкія нападенія, что, вслѣдствіе поведенія салдатъ, крестьяне разбѣгаются и имѣнія запустѣвают и что единственное средство къ прекращенію зла они видятъ въ упраздненіи установленнаго ими ополченія [1]).

Такая-же участь постигла и милицію Брацлавскаго воеводства; о ея подвигахъ противъ гайдамаковъ мы также не встрѣчаемъ извѣстій; за то мы знаемъ о дѣятельности ея въ другомъ отношеніи; милиція эта поступила въ личное распоряженіе своего начальника, князя Четвертинскаго, исполняла при немъ должность почетнаго конвоя, во время его разъѣздовъ по своимъ дѣламъ, и, по временамъ, производила заѣзды по его указанію; между прочимъ въ 1752 году, 150 человѣкъ этой милиціи напали на гродскую канцелярію въ Винницѣ, взяли ее приступомъ, избили и арестовали канцеляристовъ, и разбросали или похитили книги и документы. Затѣмъ, въ 1754 году, встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что милиція Брацлавская врывалась въ пограничныя села Кіевскаго воеводства, и, подъ предлогомъ требованія платы на свое содержаніе, производила всевозможные грабежи и насилія [2]). Милиція эта, подобно Кіевской, была отмѣнена въ концѣ 1754 года.

Такимъ образомъ единственное усиліе, сдѣланное дворянами для самозащиты, ни къ чему не привело и самыми-же дворянами было признано недостаточнымъ, непригоднымъ и вреднымъ. Затѣмъ оставалось одно только средство для усиленія мѣстными средствами контингента войскъ Украинской партіи,—средство это состояло въ вооруженіи надворныхъ козацкихъ милицій [3]).

---

[1]) См. №№: CCLXIX, стр. 566; CCCXII, стр. 658-661; CCCXIX, стр. 671—673.

[2]) См. №№: CCCVIII, стр. 638—641 и CCCXVII, стр. 666.

[3]) Въ сочиненіи г. Мордовцева «Гайдамачина» сказано, что надворныя милиціи польскихъ магнатовъ (т. е. козаки) назывались *„народовою кавалерією“* (см. стр. 65). Извѣстіе это представляетъ

Надворныя милиціи заведены были еще въ XVII столѣтіи богатыми землевладѣльцами югозападнаго края подъ разными наименованіями: драгуновъ, гайдуковъ, паюковъ и т. п.; но вскорѣ типомъ этихъ милицій сдѣлались надворные козаки, вытѣснившіе уже въ началѣ XVIII ст. всѣ другія наименованія. Костюмъ и вооруженіе козаковъ были проще, менѣе вычурны и болѣе согласовались съ привычками какъ самихъ милиціонеровъ, такъ и ихъ владѣльцевъ. Первое назначеніе этихъ милицій состояло въ томъ, чтобы придать болѣе почета особѣ знатнаго пана и болѣе блеска его двору; въ тѣхъ Польскихъ воеводствахъ, которыя наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ въ теченіи XVIII столѣтія, крупные землевладѣльцы содержали тѣмъ не менѣе по нѣсколько десятковъ надворной милиціи, составлявшей почетную стражу во время выѣздовъ пана, привѣтствовавшей парадною пальбою его гостей и т. д. Кромѣ того милиціи служили владѣльцамъ для взаимныхъ заѣздовъ, для приведенія въ исполненіе или для сопротивленія судебнымъ приговорамъ, для содержанія экономическаго порядка среди крестьянъ, для производства съ нихъ взысканій и т. д. Въ воеводствахъ Украинныхъ и пограничныхъ съ ними: Волынскомъ и Подольскомъ надворные козаки, по мѣрѣ развитія гайдамачества, стали охранять имѣнія своихъ владѣльцевъ отъ вторженія

вмѣстѣ и грубую ошибку и анахронизмъ. Народовою кавалеріею назывались 4 бригады легкой конницы регулярнаго Польскаго войска, отличавшіяся мундиромъ отъ остальныхъ конныхъ полковъ. Самое имя народовой кавалеріи упоминается первый разъ въ постановленіяхъ сейма 1775 года. (Volumina legum, т. VIII, стр. 100). Оно никогда не примѣнялось и не могло примѣняться не только къ надворнымъ козакамъ, но и вообще къ панскимъ милиціямъ, такъ какъ эти милиціи были *частныя* а не *народовыя*. Ошибка г. Мордовцева кажется намъ тѣмъ болѣе странною, что въ источникѣ, которымъ онъ пользовался по преимуществу: «Наѣзды Гайдамаковъ. Скальковскаго» хотя кавалерія народовая и отнесена къ болѣе раннему времени, но сказано ясно, что она состояла «изъ дворянства, служившаго на свой счетъ» (стр. 21).

гайдамацкихъ скопищъ, потому и количество надворныхъ милицій въ этихъ воеводствахъ было больше. Какъ старосты, такъ и крупные владѣльцы содержали цѣлыя сотни надворныхъ козаковъ; изъ современныхъ записокъ мы знаемъ, что въ Умани, имѣніи Потоцкихъ, существовалъ въ половинѣ XVIII ст. цѣлый полкъ козаковъ, числившій въ своемъ составѣ 2,600 человѣкъ [1]). Надворные козаки набирались изъ крестьянъ, живщихъ въ имѣніи помѣщика или въ староствѣ; крестьянская семья обязана была доставить вооруженнаго всадника въ опредѣленномъ мундирѣ и съ требуемымъ вооруженіемъ, на хорошей лошади, и за то освобождалась отъ барщины, даней и оброковъ на все время его службы. Иногда, если помѣщикъ требовалъ, чтобы одежда и вооруженіе были слишкомъ раскошны, нѣсколько крестьянскихъ дворовъ доставляли одного всадника, и получали за то указанныя льготы [2]). Козаки получали обыкновенно отъ помѣщика право выбирать изъ своей среды начальниковъ низшихъ степеней, которые назывались: атаманами, ассаулами, сотниками, иногда ротмистрами; но главнымъ начальникомъ, съ титуломъ полковника, назначался шляхтичъ, верховное-же начальство надъ всею милиціею принадлежало старостѣ или помѣщику, а, въ отсутствіи послѣдняго, его управляющему — губернатору. Содержаніе для милиціи получалось изъ селъ, принадлежавшихъ къ данному имѣнью, и, въ случаѣ неисправной доставки его крестьянами, козаки взыскивали продовольствіе насильственно посредствомъ военныхъ экзекуцій [3]).

Надворные козаки составляли дѣйствительно довольно многочисленное ополченіе, но шляхтичи не могли вполнѣ положиться

---

[1]) Липоманъ—Bunt Gontyi Żelezniaka, стр. 13.

[2]) Тамже стр. 14. Записки Элеоноры Кребсовой: Autentyczny opis rzezi Humańskiej. Poznań. 1840.

[4]) См. №№: II, стр. 2, III, стр. 4, VII, стр. 12, CLV, стр. 315, CLXXII, стр. 355; CLXXV, стр. 362; CCCLXII, стр 769 также Скальковскій—Наѣзды гайдамакъ на западную Украину, стр. 58

на его надежность въ борьбѣ съ гайдамаками; входившіе въ составъ надворныхъ милицій, козаки набирались изъ крестьянъ и, по происхожденію, взглядамъ, симпатіямъ, всецѣло принадлежали этой средѣ, создавшей и поддерживавшей гайдамачество. Дѣйствуя по приказанію владѣльцевъ противъ гайдамаковъ, надворные козаки старались постоянно вести эту борьбу по мѣрѣ возможности вяло и уклончиво; не ограничиваясь этимъ, они весьма часто завязывали прямыя сношенія съ гайдамаками, сообщали имъ предостереженія, помогали укрываться отъ погони, прятали добычу и получали за свое содѣйствіе извѣстную ея долю. Такъ мы встрѣчаемъ въ актахъ извѣстіе, что въ 1732 г., промышлявшій гайдамачествомъ въ южномъ Подоліи, запорожецъ Якимъ, имѣлъ связи съ начальниками мѣстныхъ городовыхъ козаковъ, отводилъ къ сотникамъ пограбленныхъ лошадей и получалъ отъ нихъ съѣстные припасы и нужныя указанія; въ той-же мѣстности другой ватажокъ, Клобуцкій, дѣлился добычею съ ротмистромъ надворныхъ козаковъ и т. п. [1]). Часто надворные козаки принимали участіе въ самыхъ гайдамацкихъ походахъ; такъ, изъ показаній пойманныхъ гайдамаковъ мы узнаемъ, что Уманскіе козаки отпрашивались у своего начальства въ отпускъ, подъ предлогомъ рыбной ловли, и время отлучки проводили въ гайдамацкихъ отрядахъ [2]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда гайдамацкое движеніе принимало болѣе широкіе размѣры и переходило въ крестьянское возстаніе, надворные козаки примыкали къ нему уже не единично, а въ полномъ составѣ своихъ отрядовъ. Такъ, въ 1734 году къ гайдамацкому крестьянскому волненію примкнули всѣ надворные милиціи Брацлавскаго воеводства; по собраннымъ Польскими властями свѣдѣніямъ, въ лагерѣ возставшихъ крестьянъ находились надворные козаки изъ имѣній: Яруги, Лучинца, Шаргорода, Рашкова, Бершады, Марковки, Комар-

---

1) См. № XVIII, стр. 38 и LIX, стр. 104.
2) См. № CLXXXI, стр. 377.

города и цѣлый полкъ Уманскихъ козаковъ, съ полковникомъ Писаренкомъ [1]).

Въ погонѣ за гайдамаками надворные козаки весьма рѣдко настигали преслѣдуемыхъ; на извѣстія, сообщаемыя ими, начальники Польскихъ войскъ съ трудомъ могли положиться и нерѣдко платились потерею своихъ отрядовъ за излишнее довѣріе этимъ извѣстіямъ. Составитель современныхъ записокъ—Китовичъ, говоритъ, что козаки съ трудомъ рѣшались преслѣдовать свою братью гайдамаковъ, и дѣйствовали противъ нихъ серьезно только тогда, когда дѣло происходило на глазахъ у начальниковъ Польскаго войска; »если-же дѣло происходило вдали, на сторонѣ, то они подобно волку, встрѣтившему собаку, рожденную отъ кобеля и волчицы, только обнюхивали другъ друга и спокойно расходились каждый въ свою сторону« [2]). Надворные козаки, по замѣчанію того-же Китовича, только въ такомъ случаѣ обнаруживали нѣкоторое усердіе въ преслѣдованіи гайдамаковъ, когда разсчитывали отнять у нихъ богатую добычу; потому они никогда не преграждали имъ пути, когда гайдамаки весною врывались въ страну; за то осенью, когда, по ихъ соображеніямъ, гайдамаки возвращались обремененные богатою добычею, надворные козаки старались настичь ихъ отряды и захватить эту добычу, при чемъ въ сраженіе они вступали только въ случаѣ упорнаго сопротивленія. На отнятую добычу козаки смотрѣли какъ на свою законную собственность и шляхтичи могли разсчитывать на возвращеніе имъ ограбленнаго гайдамаками имущества не иначе, какъ только предложивъ козакамъ значительный выкупъ. Этотъ разсказъ Китовича вполнѣ подтверждается актовыми свидѣтельствами: въ рѣдкихъ указаніяхъ на стычки надворныхъ козаковъ съ гайдамаками, мы

---

1) См. №№: XXI, стр. 44 и XXXVIII стр. 68—70.
2) См. №№: CXXXIV, стр. 268, CXXXIX, стр. 278, Kitowicz, т. II, стр. 138—139.

встрѣчаемъ постоянно извѣстія о томъ, что козаки отняли гайдамацкую добычу, и тѣмъ ограничили свои дѣйствія; такъ, въ 1738 году мы находимъ разсказъ о томъ, что надворные козаки напали на возвращавшійся изъ похода отрядъ гайдамаковъ, отняли у нихъ 30 лошадей и убили въ стычкѣ нѣсколько человѣкъ; но когда потерявшіе добычу гайдамаки укрылись въ близлежащее болото, то козаки прекратили за ними погоню. Въ 1748 году пойманный гайдамакъ разсказывалъ на допросѣ, что отрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, ограбилъ богатый дворъ стольника Ружинскаго, но вслѣдъ затѣмъ напали на гайдамаковъ козаки изъ м. Животова и отняли все то, „что мы пріобрѣли изъ имущества стольника„. Въ 1764 году гайдамацкій отрядъ долго гулялъ по приднѣстровской области и, когда онъ успѣлъ уже накопить много добычи, на него напали козаки изъ Комаргрода и Шаргорода, гайдамаковъ разсѣяли и всю добычу отняли и т. д. [1]).

Изъ выше приведенныхъ словъ Китовича видно, что шляхтичи сами были убѣждены въ ненадежности организованной ими козацкой милиціи; они дѣйствительно старались зорко наблюдать за ея поведеніемъ; если выборные начальники казались пану слишкомъ популярными, то онъ смѣнялъ ихъ безъ всякого повода и назначалъ на ихъ мѣсто новыхъ, по преимуществу иноземцевъ [2]). Губернаторамъ и полковникамъ предписано было наблюдать за настроеніемъ козаковъ и запрещать все то, что могло казаться неблаговиднымъ съ шляхетской точки зрѣнія; такъ, въ одномъ изъ современныхъ мемуаровъ мы встрѣчаемъ слѣдующій анекдотъ изъ быта надворныхъ козаковъ: во время смотра, который губернаторъ производилъ ежегодно Уманскимъ козакамъ, былъ обычай, послѣ окончанія парада, предлагать, козакамъ угощеніе въ замкѣ; во

---

[1]) См. Kitowicz, т. II. стр. 139; также №№: CXXXIX, стр. 278; CXCI, стр. 393—394 и CCCLII, стр. 742.
[2]) См. №№: VII. стр. 11 и IX стр. 17.

время одного изъ такихъ пировъ, губернаторъ Младановичъ сталъ прислушиваться къ пѣснямъ, которыя распѣвались хоромъ, и, замѣтивъ, что козаки поютъ по преимуществу думы о Хмельницкомъ, отдалъ приказаніе полковнику—шляхтичу о томъ, чтобы впредь не допускалъ пѣнія историческихъ думъ [1]).

Не смотря однако на недовѣріе, шляхтичи, сознавая свое безсиліе создать другую, болѣе надежную военную силу, не только удерживали козацкія милиціи, но старались, по возможности, увеличить ихъ число, для чего они прибѣгали иногда къ самымъ страннымъ и неожиданнымъ средствамъ; такъ, послѣ неудачнаго крестьянскаго возстанія въ 1734 году, когда значительное количество крестьянъ, боясь отвѣтственности за участіе въ волненіи, усилило собою контингентъ гайдамацкихъ отрядовъ, начальники Польскихъ войскъ и крупные землевладѣльцы стали перезывать гайдамаковъ въ надворныя милиціи и устроили нѣсколько полковъ козацкихъ изъ гайдамаковъ, изъявившихъ покорность и приведенныхъ къ присягѣ на вѣрность речи-посполитой [2]).

Кромѣ необходимости защищать свои имѣнія отъ нападенія гайдамаковъ, землевладѣльцы югозападнаго края имѣли еще и другую побудительную причину содержать многочисленные отряды надворной милиціи: она служила имъ гораздо чаще для взаимныхъ заѣздовъ, чѣмъ для охраненія границъ речи-посполитой. Въ актовыхъ книгахъ и запискахъ современниковъ мы встрѣчаемъ по меньшей мѣрѣ въ десять разъ больше указаній на надворныхъ козаковъ, по поводу нападеній ихъ на дворы и имѣнія сосѣднихъ шляхтичей, чѣмъ о походахъ ихъ противъ гайдамаковъ. Владѣльцы обширныхъ имѣній, содержавшіе при своихъ экономіяхъ сотни, иногда тысячи надворныхъ козаковъ, посылали ихъ въ „заѣзды" на дворы и имѣнія шляхтичей, владѣвшихъ болѣе мелкими помѣстіями, при

---

[1]) Элеонора Кребсъ. Opis autentyczny rzezi Humańskiej.
[2]) См. №№: CXIV, стр. 237 и CXVII, стр. 241.

первомъ неудовольствіи на послѣднихъ, и потому держали въ постоянномъ страхѣ и повиновеніи шляхту своего воеводства. При медлительныхъ формахъ судопроизводства по Литовскому статуту и при отсутствіи органовъ исполнительной власти, богатые паны, нисколько не опасаясь судебной отвѣтственности, и опираясь на свои надворныя милиціи, господствовали безпрекословно въ средѣ мнимо-равноправной съ ними шляхты. Актовыя книги переполнены жалобами дворянъ, пострадавшихъ отъ заѣздовъ, но жалобы эти не находили удовлетворенія, такъ какъ, въ случаѣ даже благопріятнаго для истца судебнаго приговора, не было средствъ привести въ исполненіе этотъ приговоръ надъ лицемъ, располагавшимъ относительно значительною военною силою. Вотъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ на удачу изъ безчисленнаго количества подобнаго рода дѣлъ, вписанныхъ въ актовыя книги въ теченіи всего XVIII столѣтія: въ 1700 году четыре мелкопомѣстные владѣльца жалуются на князя Илью Четвертинскаго о томъ, что, по его приказанію, сотникъ его надворныхъ козаковъ, Левко Купрачъ, напалъ на нихъ домы, выгналъ истцевъ, и овладѣлъ нихъ имѣніемъ въ пользу своего владѣльца [1]). Въ 1735 году губернаторъ Погребищскаго имѣнія князя Януша Вишневецкаго, дворянинъ Ржондковскій, отправилъ надворную милицію въ заѣздъ на имѣнія князей Любомирскихъ: мѣстечко Билиловку и село Огіевку; козаки производили тамъ всякія безчинства, ограбили жителей, причемъ многихъ мучили и истязали, вслѣдствіе чего одинъ шляхтичъ и трое евреевъ умерли. Затѣмъ, когда Любомирскіе обратились съ жалобою къ Вишневецкому, то послѣдній отказалъ имъ во всякомъ удовлетвореніи [2]). Сеймикъ Браславскаго воеводства, собравшійся въ 1735 году, жаловался, что губернаторы съ надворными козаками „не только нападаютъ на сосѣдей шляхтичей, но недавно производили

---

[1]) См. № I стр. 1—2.
[2]) См. № LXXII, стр. 137.

заѣзды на монастыри: доминиканскій и езуитскій", вслѣдствіе чего дворяне поручили депутаціи, отправленной ими къ гетману, просить его о томъ, чтобы онъ употребилъ зависящія отъ него мѣры для прекращенія подобныхъ безпорядковъ [1]. Въ 1740 году надворные козаки Брацлавскаго кастеляна Потоцкаго, подъ начальствомъ своего ротмистра, шляхтича Скольскаго, напали на имѣніе князей Любомирскихъ—Станиславовъ, ограбили жителей, стрѣляли въ нихъ по улицамъ, травили собаками и т. п. [2]. Въ томъ-же году извѣстный Каневскій староста, Николай Потоцкій, о своевольствѣ котораго понынѣ сохранились многочисленные разсказы въ народной памяти, переѣзжая изъ одного имѣнія въ другое, остановился на пути для отдыха съ многочисленною командою своихъ надворныхъ козаковъ въ селѣ Карапышахъ; вслѣдствіе какого то неудовольствія на поведеніе мѣстныхъ крестьянъ, онъ приказалъ вдругъ своимъ козакамъ грабить несчастное село. Волохи, составлявшіе большинство его милиціи, бросились на крестьянъ, многихъ изстязали, гнали сквозь строй, отбирали имущество, насиловали женщинъ и т. д. [3]. Такихъ и тому подобныхъ фактовъ употребленія крупными землевладѣльцами надворныхъ козаковъ для заѣздовъ и всевозможныхъ насилій, мы встрѣчаемъ очень много [4]. Увлекаясь ихъ примѣромъ, мелкіе землевладѣльцы пытаются производить тоже въ болѣе скромныхъ размѣрахъ; такъ, напримѣръ, въ 1750 году мы встрѣчаемъ жалобу на дворянина Сущевича о томъ, что онъ, составивъ небольшой надворный отрядъ, ѣздилъ съ нимъ по ночамъ разбивать проѣзжихъ на большую дорогу, при чемъ выбиралъ такія мѣста, гдѣ имѣли обыкновеніе засѣдать гайдамаки, и старался указаніемъ на нихъ замаскировать свои подвиги [5]. Нако-

---

[1]) См. № LXXXVII, стр. 180.
[2]) См. № CLV, стр. 316.
[3]) См. № CLX, стр. 326—329.
[4]) См. №№: CLIII, стр. 312, CXLVI, стр. 295; CLXXV, стр. 362; CCCLXII, стр. 768 и т. д.
[5]) См. № CCXLIII, стр. 508.

конецъ, среди общаго безпорядка и анархіи, регментари и офицеры регулярнаго войска нерѣдко пользовались предоставленнымъ имъ правомъ требовать подъ свое начальство надворныхъ козаковъ, для того, чтобы, вызвавъ ихъ подъ предлогомъ похода противъ гайдамаковъ, предпринять во главѣ ихъ заѣздъ на имѣніе богатого пана и поживиться въ немъ добычею. Такъ, упомянутый уже регментарь, Нитославскій, потребовавъ изъ Умани сотню надворныхъ козаковъ, приказалъ ей ограбить домъ дворянина Бушовскаго; нѣсколько лѣтъ спустя, товарищъ панцырной хоругви, Монкольскій, вытребовалъ козаковъ изъ Богуславскаго староства подъ предлогомъ погони за гайдамаками и, вмѣсто того, употребилъ ихъ на заѣздъ въ мѣстечкѣ Кошоватой [1]).

Впрочемъ власть регментарей и вообще военныхъ начальниковъ надъ городовыми козаками встрѣтила вскорѣ отпоръ со стороны владѣльцевъ имѣній и староствъ. По мѣрѣ того какъ приходили въ упадокъ регулярныя силы речи-посполитой, гетманы и регментари стали полагаться почти исключительно на надворныя милиціи относительно защиты границъ Украинныхъ воеводствъ; постоянныя требованія этихъ милицій начальниками военныхъ силъ речи-посполитой показались тягостными для старостъ и землевладѣльцевъ и они опротестовали право регментарей распоряжаться козаками, организованными на частный счетъ и для удовлетворенія частныхъ потребностей каждаго владѣльца въ отдѣльности. Въ началѣ XVIII столѣтія, пока нападенія гайдамаковъ случались не особенно часто, пока еще Украинская партія не пришла въ состояніе полнаго безсилія, гетманы и намѣстники ихъ, регментари, хотя и пользовались правомъ начальства надъ надворными козаками, но только рѣдко, въ случаяхъ дѣйствительной надобности, призывали надворныя команды въ лагерь коронпаго войска, при чемъ по большей части предварительно обращались съ

---

[1]) См. №№: CLXXII, стр. 354 и CCLXI, стр. 548.

просьбою къ ихъ владѣльцамъ [1]). Но со временемъ, чѣмъ интензивнѣе становились набѣги гайдамаковъ, чѣмъ болѣе приходило въ разстройство регулярное войско, тѣмъ болѣе умножалось число надворныхъ милицій, вслѣдствіе стремленія каждаго землевладѣльца обезопасить свое имѣніе, и тѣмъ болѣе военные начальники стали привыкать къ мысли, что эти милиціи составляютъ главный контингентъ подвѣдомственныхъ имъ военныхъ силъ, и, въ случаѣ надобности, привыкали почти исключительно ими пользоваться, не заботясь о правильной организаціи собственнаго регулярнаго войска. Между тѣмъ въ речи-посполитой не было закона, который предписывалъ-бы владѣльцамъ частныхъ милицій предоставлять ихъ въ полное распоряженіе общественныхъ властей. Чувствуя это неудобство, региментари обратились къ королевскому совѣту съ просьбою регулировать это дѣло и, въ 1741 г., выхлопотали въ свою пользу рѣшеніе, такъ называемое »Гродненское консиліумъ«, въ силу котораго предписывалось старостамъ въ Украинныхъ воеводствахъ организовать отрядъ въ 1,200 козаковъ и передать его во власть гетмана, при чемъ старостамъ воспрещалось обращать крестьянъ, внесенныхъ ими въ число козаковъ, къ исполненію барщины и другихъ хозяйственныхъ повинностей [2]). Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, старосты объявили, что они не признаютъ его для себя обязательнымъ, такъ какъ королевскій совѣтъ можетъ только наблюдать за исполненіемъ существующихъ законовъ, но самъ не облеченъ законодательною властью, принадлежащею одному сейму. Гродненское постановленіе, толкуя о надворныхъ козакахъ, несправедливо обозначило ихъ названіемъ »городовыхъ« козаковъ, и въ силу этого термина желаетъ примѣнить къ нимъ сеймовыя конституціи, постановленныя еще въ началѣ XVII столѣтія о *городовыхъ* козакахъ; городовые козаки составляли въ то время отдѣльное сословіе,

---

[1]) См. №№: CXII, стр. 233, CXXXVI, стр. 271 и CC, стр. 414.
[2]) См. стр: 436, 438, 442, 449, 452, 454, и 571.

управлявшееся особыми правами и пользовавшееся особыми привилегіями, но городовые козаки еще въ концѣ XVII столѣтія перестали существовать въ Украинѣ; имѣющіяся-же въ настоящее время милиціи—это не *городовые*, а *надворные* козаки, организованные изъ крестьянъ по собственному желанію и для частныхъ потребностей старостъ, и объ нихъ не говоритъ ни одно сеймовое постановленіе. Опираясь на эти аргументы, старосты не только не приступили къ вооруженію требуемаго отряда козаковъ, но и отказались высылать по требованію региментаря и имѣвшіяся на лицо милиціи. Встрѣтивъ сопротивленіе, гетманъ, региментари и, принявшіе ихъ сторону, областные сеймики попытались принудить старостъ къ повиновенію угрозами: въ 1750 году, по просьбѣ гетмана, король позвалъ въ свой задворный судъ ослушныхъ старостъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, региментарь Ожга объявилъ управляющимъ староствами, что, если они не исполнятъ приказаній военнаго начальства и не доставятъ требуемаго количества войска, то онъ прикажетъ ихъ арестовать и подвергнетъ отвѣтственности по военнымъ законамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне, собиравшіеся на областные сеймики, обрадовались представившейся возможности свалить обязанность защиты края на владѣльцевъ королевскихъ староствъ, и стали побуждать ихъ къ исполненію Гродненскаго рѣшенія. Сеймикъ Кіевскаго воеводства поручилъ депутаціи, отправленной имъ въ іюнѣ 1750 года къ гетману, заявить, что онъ долженъ принудить старостъ къ присылкѣ 1,200 козаковъ для защиты края отъ гайдамаковъ »согласно съ давними постановленіями штатовъ речи-посполитой«; другой Кіевскій сеймикъ, собравшійся въ сентябрѣ того-же года, внесъ слѣдующій пунктъ въ свои постановленія: »владѣльцы староствъ, находящихся въ Кіевскомъ воеводствѣ, обязаны по закону доставлять изъ староствъ *городовыхъ* козаковъ въ помощь регулярному войску, къ чему мы ихъ обязываемъ и настоящимъ нашимъ постановленіемъ; въ случаѣ-же, еслибы они сопротивились въ этомъ отношеніи закону и установ-

вившемуся обычаю, и отказались прислать въ главную военную квартиру требуемое число *городовыхъ* козаковъ, то, за такое противузаконное злоупотребленіе властью, Кіевское воеводство было-бы принуждено объявить должности ослушныхъ старостъ вакантными; мы постановляемъ настоящимъ рѣшеніемъ привести въ исполненіе эту угрозу и, сверхъ того, даемъ полномочіе избраннымъ тремъ лицамъ притянуть ослушныхъ старостъ въ отвѣтственности въ королевскій ассесорскій судъ«.

Всѣ эти угрозы оказались однако недѣйствительными; владѣльцы староствъ были лица слишкомъ знатныя и богатыя для того, чтобы обратить на нихъ сколько нибудь серьезное вниманіе. Въ отвѣтъ на призывъ къ суду, угрозы гетмана и сеймиковъ, одни старосты объяснили, что средства, находившихся въ ихъ владѣніи, староствъ не даютъ имъ возможности удовлетворить требованію военныхъ властей, другіе заявили, что само требованіе не имѣетъ законнаго основанія. Такъ, напримѣръ, Винницкій староста, Калиновскій, въ отвѣтъ на призывъ къ суду, заявилъ въ гродскія книги, что »хотя онъ и имѣетъ отрядъ городовыхъ козаковъ, въ количествѣ отвѣчающемъ средствамъ и нуждамъ староства, но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ отправить ихъ въ помощь Украинской партіи«, такъ какъ они едва достаточны для охраны Винницкаго замка, въ которомъ помѣщается архивъ воеводства и многія уважаемыя святыни, лишать защиты которыя было-бы безразсудно. Еще рѣзче поступилъ владѣлецъ Бѣлоцерковскаго староства, Равскій воевода, князь Станиславъ Яблоновскій: онъ не счелъ нужнымъ отвѣчать на призывъ къ суду оффиціяльнымъ заявленіемъ, но просто прислалъ въ староство два приказа: къ своему управляющему и къ надворнымъ козакамъ. Въ первомъ изъ нихъ кн. Яблоновскій предписывалъ своему намѣстнику ни подъ какимъ предлогомъ не доставлять козаковъ по требованію военныхъ властей и охранять отъ гайдамаковъ исключительно предѣлы староства и Бѣлоцерковскую крѣпость; онъ

успокоивалъ его относительно отвѣтственности передъ военнымъ судомъ, принимая ее исключительно на себя, при чемъ онъ съ насмѣшкою отозвался о притязаніяхъ, »основанныхъ на плохо понятомъ законѣ«. Въ приказѣ-же къ надворнымъ козакамъ Яблоновскій писалъ: »такъ какъ козаки, существующіе въ настоящее время въ Бѣлой церкви, не имѣютъ ничего общаго съ бывшими *городовыми* козаками, такъ какъ они не обязаны, по существующимъ законамъ, повиноваться другой власти кромѣ экономической, и, при учрежденіи ихъ исключительно по моей волѣ, я имѣлъ въ виду, освобождая ихъ отъ чинша (который всегда могу возстановить), только охраненіе границъ посредствомъ содержанія гарнизона въ моей крѣпости, то я запрещаю вамъ повиноваться чьимъ-бы то ни было приказаніямъ, кромѣ моихъ собственныхъ« [1]).

Встрѣтивши такое энергическое сопротивленіе со стороны старостъ, военныя власти отказались отъ своихъ притязаній на начальство надъ надворными козаками, и послѣдніе остались въ полномъ распоряженіи старостъ и помѣщиковъ. Какъ выше было замѣчено, эти, относительно численныя, милиціи, не сосредоточенныя подъ общею властью и дѣйствовавшія по личнымъ указаніямъ своихъ владѣльцевъ, представляли довольно сомнительную защиту противъ вторженій гайдамаковъ, съ которыми притомъ онѣ были связаны многочисленными узами происхожденія, вѣроисповѣданія, общности взглядовъ и интересовъ.

Такимъ образомъ, изъ пересмотра тѣхъ военныхъ силъ, которыя какъ правительство, такъ и дворяне Украинныхъ воеводствъ противупоставляли гайдамачеству — видно, что речь-посполитая была безсильна остановить оружіемъ развитіе гайдамацкаго движенія. Не болѣе удачны были въ этомъ отношеніи попытки шля-

---

[1]) См. №№: CCVIII, стр. 128, CCXIV, стр. 436, CCXV, стр. 137; CCXVIII, стр. 142; CCXX, стр. 449, CCXXII по CCXXV, стр. 451—457; CCXXVII, стр 459; CCXL, стр. 484, и CCLXXI, стр. 569.

хетскаго общества дѣйствовать путемъ судебныхъ преслѣдованій, административныхъ мѣропріятій и политическихъ сношеній.

Въ шляхетскомъ обществѣ чувствовалась постоянно необходимость принять рядъ административныхъ мѣръ противъ гайдамаковъ, особенно противъ той поддержки, которую послѣдніе находили среди крестьянскаго населенія края; но за отсутствіемъ особенныхъ общественныхъ органовъ, которые завѣдывали бы административною дѣятельностью, исполненіе этихъ мѣръ возлагалось частью на военныя власти, частью на самихъ-же помѣщиковъ. Вслѣдствіе отсутствія административнаго управленія, не только всѣ мѣропріятія подобнаго рода не могли слѣдовать одному обдуманному систематическому плану, но и появлялись только изрѣдка, въ качествѣ явленій случайныхъ, не лишенныхъ характера личнаго произвола. Такъ, по временамъ, любой изъ военныхъ или земскихъ чиновниковъ находилъ необходимымъ усилить надзоръ надъ крестьянами, обыскать подозрительныя мѣстности, въ которыхъ, по его мнѣнію, могли скрываться гайдамаки, ввести систему паспортовъ, или произвести дознаніе или военную экзекуцію въ данной волости. Въ такомъ случаѣ онъ издавалъ универсалъ съ приглашеніемъ принять тѣ мѣропріятія, которыя казались ему необходимыми, и мѣропріятія эти исполнялись болѣе или менѣе усердно и на большемъ или меньшемъ, но всегда ограниченномъ, пространствѣ, смотря по доброй волѣ и по усердію подчиненныхъ издавшаго универсалъ и по району власти послѣдняго.

Въ 1736 году сеймикъ Брацлавскаго воеводства придумалъ административную мѣру, которая стремилась къ пресѣченію гайдамацкихъ сборищъ посредствомъ уничтоженія тѣхъ притоновъ, гдѣ сборища эти формировались. Въ постановленія сеймика было внесено слѣдующее опредѣленіе: „желая пресѣчь хлопское своеволіе, которое развивается на сходкахъ, происходящихъ въ уеди-

ценныхъ хуторахъ, въ лѣсахъ, въ степи и въ гардахъ [1]), мы настоящимъ постановленіемъ рѣшаемъ, чтобы всѣ притоны въ перечисленныхъ мѣстахъ были уничтожены въ теченіи восьми недѣль,... если-же, по истеченіи означеннаго срока, они не будутъ разрушены владѣльцами, то должны быть разорены военными командами.... за исключеніемъ только выселковъ, устроенныхъ съ цѣлью разведенія пчеловодства“ [2]). Постановленіе это было дѣйствительно приведено въ исполненіе въ степныхъ мѣстностяхъ Брацлавскаго воеводства, но, конечно, не оказало вліянія на развитіе гайдамачества; помимо разоренныхъ хуторовъ и гардовъ, гайдамаки продолжали находить притоны въ селахъ, лѣсахъ, пасѣкахъ и уцѣлѣвшихъ хуторахъ, да и само распоряженіе было скоро забыто;—какъ мѣра случайная и единовременная, она не повторялась въ послѣдствіи. Владѣльцы и крестьяне, мало-по-малу, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, возобновили разоренные хутора и развели новые. Въ универсалѣ гетмана Потоцкаго, изданномъ въ 1751 году, мы опять встрѣчаемъ указаніе на эти гайдамацкіе притоны. „Пограничные судьи Брацлавскаго воеводства, писалъ Потоцкій, извѣщаютъ меня, что бродяги и вообще лица безъ опредѣленныхъ занятій, обыкновенно на зиму находятъ пріютъ въ винницахъ, броварахъ (пивоваренныхъ заводахъ) и въ хуторахъ, откуда весною они уходятъ, собираются въ многочисленныя скопища и предпринимаютъ грабежи и возмутительныя своеволія; желая пресѣчь это зло,... я приказываю региментарію Украинской партіи, чтобы онъ поручилъ патрулямъ, подъ командою довѣренныхъ лицъ, произвести обыскъ во всѣхъ винницахъ и хуторахъ, и всѣхъ, захваченныхъ въ этихъ мѣстахъ, бродягъ и праздноживущихъ лицъ, за поведеніе которыхъ не поручатся сельскія громады, препроводитъ

---

[1]) *Гарды* уединенныя жилища на берегахъ рѣкъ, устроенныя для рыбной ловли или съ цѣлью облегченія перевоза черезъ рѣку.

[2]) См. № CVII, стр. 223.

въ пограничные суды" [1]. Подобныя же распоряженія, указывающія на необходимость наблюденія и объисковъ, какъ въ степныхъ, такъ и въ лѣсныхъ хуторахъ и насѣкахъ, мы встрѣчаемъ еще нѣсколько разъ въ универсалахъ региментаря Украинской партіи, Ожги, который, не находя возможности собственными силами осуществить указанную мѣру, предлагаетъ мѣстнымъ помѣщикамъ заняться ея исполненіемъ съ помощью надворныхъ и земскихъ милицій [2].

На ряду съ указанными мѣрами, военные и земскіе начальники чувствуютъ необходимость постояннаго наблюденія за настроеніемъ и связями крестьянъ, но, для этой цѣли, они располагаютъ только единственнымъ средствомъ—возложить это наблюденіе на самихъ-же помѣщиковъ; потому они ограничиваются разсылкою отъ времени до времени универсаловъ къ послѣднимъ, въ которыхъ напоминаютъ о необходимости надзора надъ крестьянами, предписываютъ арестовать тѣхъ изъ нихъ, кто будетъ заподозрѣнъ въ связяхъ съ гайдамаками, и препровождать ихъ въ суды или сдавать въ распоряженіе военныхъ командъ и т. п. [3]. Конечно эти циркуляры были только излишнею формальностью, прикрывавшею административное безсиліе общественнаго строя, не ведущею ни къ какимъ практическимъ послѣдствіямъ. Помѣщики, изъ за личной безопасности, наблюдали по возможности за настроеніемъ своихъ крестьянъ, но они предпочитали производить съ нихъ взысканія домашними средствами и не считали для себя выгоднымъ вмѣшательство въ дѣло общественныхъ судовъ и военной власти; дорожа количествомъ рабочихъ рукъ, они считали для себя разорительными слишкомъ строгія мѣры взысканія и изъ за устраненія общей опасности, не соглашались обезсиливать свои

---

[1] См. № CCLXXII, стр. 574.
[2] См. №№: CCVIII, стр 427, CCXI, стр. 432 и CCLI, стр. 522.
[3] См. № CC, стр. 414.

имѣнія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда военныя власти, помимо иниціативы помѣщиковъ, производили обыски, взысканія или военныя экзекуціи въ селахъ, заподозрѣнныхъ въ слишкомъ тѣсной связи съ гайдамачествомъ, помѣщики обыкновенно принимали сторону крестьянъ, доказывали, что подозрѣніе не основательно на нихъ взведено, и заключали дѣло искомъ противъ военныхъ начальниковъ за причиненные убытки, вслѣдствіе разоренія крестьянъ и бѣгства ихъ изъ имѣнія по этому поводу [1]).

Желаніе шляхетскаго общества подавить гайдамацкое движеніе мѣрами строгости, проявилось особенно въ дѣятельности многочисленныхъ судебныхъ учрежденій, которыя судили лицъ, прикосновенныхъ къ гайдамачеству; впрочемъ, при малочисленности военныхъ силъ и отсутствіи администраціи, строгость судебныхъ приговоровъ не достигала цѣли, напротивъ того, усиливала энергію и увеличивала побужденія гайдамаковъ дѣйствовать болѣе рѣшительно. По словамъ Поляка современника, гайдамаки, „зная, что въ случаѣ поимки имъ угрожаетъ мучительная смерть, защищались постоянно до послѣдней крайности; обыкновенно нужно было выставить отрядъ въ 200—300 и болѣе человѣкъ нашего войска, для того, чтобы осилить 50 гайдамаковъ; равному или незначительно только превосходящему ихъ числомъ войску они никогда не уступали“ [2]). По актовымъ свидѣтельствамъ мы знаемъ, что Польскіе суды постоянно приговаривали всѣхъ лицъ безъ исключенія, причастныхъ прямо или косвенно къ гайдамачеству, или только заподозрѣнныхъ въ связяхъ съ нимъ, къ пыткѣ для выясненія дѣла, и, затѣмъ, къ смертной казни, болѣе или менѣе мучительной. Скорѣе и распорядительнѣе всѣхъ дѣйствовали въ этомъ отношеніи военные суды; по словамъ того-же современника, военные начальники приняли постояннымъ правиломъ ка-

---

[1]) См. №№: CLXXIV, стр. 360; CCI, стр. 416; CCV, стр. 423.
[2]) Kitowicz, II, стр. 140—141.

знить немедленно смертью всѣхъ попавшихся имъ въ плѣнъ гайдамаковъ; „по большей части они на самомъ полѣ сраженія приказывали ихъ вѣшать на деревьяхъ, иногда, если время имъ дозволяло, они сажали ихъ живьемъ на колъ“. Такимъ экзекуціямъ иногда подвергались довольно многочисленные плѣнники. Такъ, изъ рапортовъ Польскихъ офицеровъ узнаемъ, что въ февралѣ 1737 года, въ Лысянкѣ, главной квартирѣ Украинской партіи, въ теченіи недѣли казнено 40 человѣкъ; въ мартѣ того-же года повѣшено въ одинъ день 25 человѣкъ и т. д. [1]). Тѣ немногочисленные гайдамаки, которые взяты были въ плѣнъ помимо военныхъ командъ, попадали въ распоряженіе всевозможныхъ другихъ судебныхъ учрежденій, которыя не только не уступали въ строгости военному суду, но, напротивъ того, имѣя болѣе времени и приспособленій, предавали плѣнниковъ гораздо болѣе мучительной смерти; суды гродскіе, магистратскіе, помѣщичіе (доминіяльные) и т. д. вели дѣло обыкновенно медленнѣе, по всѣмъ правиламъ уголовнаго процесса. Подсудимый выдерживалъ въ такихъ случаяхъ три пріема пытки, и, затѣмъ уже, предавался смертной казни, не повѣшаніемъ, а, по большей части, черезъ посаженіе на колъ или четвертованіе [2]).

Не ограничиваясь дѣйствіемъ этихъ нормальныхъ судовъ, шляхтичи старались при болѣе тревожныхъ обстоятельствахъ усилить ихъ дѣятельность учрежденіемъ новыхъ, временныхъ судовъ, полагая такимъ образомъ умножить мѣры строгости, зависѣвшія въ сущности не отъ судебной, а отъ исполнительной власти. Такъ, послѣ крестьянскаго возстанія въ 1735 году, сей-

---

[1]) Тамже, стр. 139, также см. №№: CX, стр. 230; CXI, стр. 232; CXII стр. 234; CXIII, стр. 235; CXIV, стр. 237; CXVII, стр. 241; CXIX, стр. 247; CXXXV, стр. 270; CLXXXIII, стр. 380 и CCV, стр. 423.

[2]) См. стр. 102, 173, 268, 322, 384. 388, 397, 465, 472, 683, 723, 734.

никъ Брацлавскаго воеводства избралъ изъ среды себя лицъ, которыя составили спеціальный судъ для преслѣдованія и казни гайдамаковъ, такъ называемый „судъ *causarum exorbitantiarum*". Въ 1750 году въ Брацлавскомъ же воеводствѣ и для той-же цѣли учрежденъ былъ сеймикомъ новый временный уголовный судъ, носившій названіе „суда *boni ordinis*" [1]). Наконецъ, по соглашенію съ правительствами: Русскимъ, Турецкимъ и Молдавскимъ, учреждались такъ называемые *пограничные суды*, въ которыхъ принимали участіе депутаты отъ обоихъ пограничныхъ государствъ. Особенное развитіе получилъ пограничный судъ, учрежденный на Русской границѣ въ 1735 году и продолжавшій засѣдать въ теченіи 50 лѣтъ въ местечкѣ Мотовиловкѣ, пограничномъ пунктѣ Кіевскаго округа [2]). Разбирательству этого суда подлежали всѣ взаимныя претензіи жителей двухъ береговъ Днѣпра и, по преимуществу, дѣла о гайдамакахъ, если таковые оказывались Русскими подданными, или если они укрывались за Русскою границею, что случалось въ большей части случаевъ. Принимавшіе въ немъ участіе Русскіе комиссары, осаждаемые постоянными требованіями, безотступными просьбами и докучливыми настояніями Польскихъ сотоварищей, должны были постепенно выйти изъ первоначальной роли судій и въ значительной степени заняться чисто исполнительною дѣятельностью; обыкновенно на долю ихъ падало не столько обсужденіе того или другого дѣла, сколько многочисленная переписка съ разными вѣдомствами съ цѣлью розыскать виновныхъ, весьма сбивчиво и не точно указываемыхъ въ Польскихъ жалобахъ. Въ опредѣленіяхъ самаго суда мы встрѣчаемъ постоянно стараніе со стороны Русскихъ комиссаровъ удовлетворить вполнѣ Польскія претензіи въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ доказывались ясно и когда виновность подсудимыхъ не подлежала

---

1) См. №№: LXVII, стр. 122, CCXLII, стр. 502—505.
2) См. №№: съ XCII до конца.

сомнѣнію, и оградить подсудимыхъ отъ чрезмѣрно строгихъ мѣръ тамъ, гдѣ виновность ихъ слѣдствіемъ не была доказана, или гдѣ мѣра наказанія значительно превышала степень виновности [1]).

Наконецъ, та мѣра, къ которой прибѣгали почти безпрерывно шляхтичи Украинныхъ воеводствъ съ цѣлью оградить себя отъ гайдамачества, состояла въ постоянномъ обращеніи къ Русскому правительству съ представленіями и жалобами объ убыткахъ, причиняемыхъ имъ гайдамаками; шляхтичи полагали, что не только охраненіе границы речи-посполитой должно лежать на обязанности Русскаго правительства, но и розыскъ лицъ, виновныхъ въ грабежахъ, равно какъ и пополненіе убытковъ, причиненныхъ ими. Исходя съ этой точки зрѣнія, шляхтичи не только забрасывали пограничный судъ подобнаго рода претензіями, но и старались заявить ихъ центральному Русскому правительству всѣми, зависѣвщими отъ нихъ, путями. Сеймики воеводскіе отправляли съ этою цѣлью многочисленныя депутаціи къ главнокомандующимъ Русскими войсками (Миниху, Кейту и т. д.), къ Кіевскимъ Генералъ губернаторамъ (фонъ-Вейсбаху, Леонтіеву), къ Русскимъ посланникамъ въ Варшавѣ и даже прямо къ Санктъ-Петербургскому двору; депутаты при этомъ снабжались самыми подробными инструкціями съ мелочными перечнями убытковъ, съ поименными списками лицъ, участвовавшихъ въ гайдамачествѣ и съ требованіемъ выхлопотать непремѣнно пополненіе первыхъ и поимку вторыхъ. Въ томъ-же смыслѣ относились къ Русскимъ посланникамъ, главнокомандующимъ и генералъ-губернаторамъ и Польскіе комиссары пограничныхъ судовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Русскіе ихъ сотоварищи не находили возможнымъ удовлетворить слишкомъ изысканныя ихъ претензіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сеймики Украинныхъ воеводствъ, отправляя депутатовъ на сеймъ, поручали имъ посто-

---

[1]) См. № СССXXV, стр. 663. Отказъ Русскихъ комиссаровъ подписать смертный приговоръ, составленный Польскими коммиссарами.

явно просить короля и штаты речи-посполитой употребить все свое вліяніе на Русскаго посланника, для того, чтобы ихъ жалобы и претензіи могли получить полное удовлетвореніе [1]). Русскія власти, получивъ еще первыя заявленія о гайдамачествѣ, употребили всѣ, зависѣвшія отъ нихъ, средства для удовлетворенія, въ возможной мѣрѣ, Польскихъ претензій. Уже съ 1737 года, по распоряженію Миниха, принимаются дѣятельныя мѣры для охраненія Польской границы отъ гайдамаковъ посредствомъ постоянныхъ Русскихъ карауловъ и форпостовъ, распредѣленныхъ вдоль пограничной черты, и выдаются распоряженія разнымъ властямъ о поимкѣ гайдамаковъ [2]). Черезъ нѣсколько лѣтъ форпосты эти получаютъ правильную организацію и дѣйствія ихъ подвергаются строгому контролю мѣстныхъ и центральныхъ властей. Въ нѣсколькихъ, болѣе важныхъ пунктахъ границы: въ Вышгородѣ, Кременчугѣ, Крыловѣ, въ Орловскомъ и Архангелогородскомъ укрѣпленіяхъ, устанавливаются главные форпосты подъ начальствомъ премьеръ-маіоровъ; отъ каждаго центральнаго форпоста зависитъ нѣсколько второстепенныхъ, растянутыхъ вдоль границы; пограничная стража состоитъ частью изъ Русскихъ регулярныхъ войскъ, частью изъ прикомандированныхъ имъ въ помощь сотень Малороссійскихъ козаковъ; начальникамъ форпостовъ вмѣнено въ обязанность: производить постоянные разъѣзды вдоль границы, не пропускать черезъ нее гайдамаковъ ни въ ту, ни въ другую сторону, развѣдывать о мѣстахъ гайдамацкихъ притоновъ, собирать справки относительно грабежей, на которые поступали въ пограничный судъ жалобы съ Польской стороны и, наконецъ, арестовать всѣхъ гайдамаковъ и лицъ, имѣвшихъ съ ними связи, и представлять ихъ въ судъ по принадлежности. О всѣхъ своихъ дѣй-

---

1) См. №№: LXXXVII, стр. 180; CXLV, стр. 294; CXLIX, стр. 301; CLI, стр. 305; CLVI, стр. 319; CLXXIII, стр. 359; CXCIII, стр. 398; CXCVII, стр. 408 и CCXIX, стр. 415.

2) См. №№: CXIII, стр. 236; CXV, стр. 238 и CXX стр. 245.

ствіяхъ каждый начальникъ форпоста обязанъ былъ еженедѣльно представлять рапортъ Кіевскому генералъ-губернатору, который, въ свою очередь, передавалъ полученныя такимъ образомъ свѣдѣнія въ коллегію иностранныхъ дѣлъ [1]). Не смотря однако на вышепринятыя мѣры, равно какъ и на всѣ усилія пограничныхъ Русскихъ комиссаровъ, шляхтичи не только не считали себя удовлетворенными, но число претензій съ ихъ стороны безпрестанно увеличивалось; вслѣдствіе отношеній Русскаго посланника въ Варшавѣ, иностранная коллегія, отъ времени до времени напоминала мѣстнымъ властямъ о необходимости усилить надзоръ на границѣ и противудѣйствовать образованію гайдамацкихъ отрядовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1751 году, не смотря на весьма энергическій образъ дѣйствія Кіевскаго генералъ-губернатора, онъ получилъ изъ Государственной военной коллегіи Высочайшій указъ, въ которомъ, подтверждая мѣры, принятыя Леонтьевымъ, военная коллегія еще разъ повторяетъ инструкціи относительно гайдамаковъ: „приказали къ вамъ, генералу и кавалеру, послать сей Ея Императорскаго Величества указъ — велѣть вамъ въ сыску, поимкѣ и искорененіи вышеписанныхъ, вновпоявившихся гайдамаковъ имѣть наиприлежнѣйшее стараніе, дабы оныхъ не только чтобъ до большихъ собраніевъ и грабежей допустить, но и вовсе искоренить, и въ сыску и поимкѣ оныхъ поступать, какъ о томъ, данные вамъ, генералу и кавалеру, указы повелѣваютъ, непремѣнно. А для наилутшаго такого ихъ злодѣйства и воровства пресѣченія и самихъ ихъ поимки и искорененія, изъ обрѣтающихся тамъ воинскихъ командъ, имѣть всегдашніе и частные разъѣзды, а полковыхъ штабъ, оберъ офицеровъ и другихъ, обрѣтающихся тамъ, командировъ, наикрѣпчайшими ордерами побуждать, и велѣть за подчиненными своими крайнее смотрѣніе и въ поимкѣ тѣхъ гайдамаковъ прилежаніе

---

[1]) См. стр: 577, 580, 586, 598, 599, 601, 602, 619, 620, 621, 625, 627, 631, и т. д.

иметь, какъ присяжная должность того требуетъ, и всего того на нихъ взыскивать безъ всякого упущенія“ [1]).

Изъ словъ приведеннаго указа, равно какъ изъ дѣйствій мѣстныхъ Русскихъ властей и комиссаровъ видно, какія старанія прилагало Русское правительство для наблюденія за движеніемъ, собственно не относившимся къ его прямымъ интересамъ, побуждаемое лишь желаніемъ сохранить добрыя сосѣдскія отношенія къ речи-посполитой. Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось Русское правительство, чѣмъ болѣе принимало оно мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей Украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслью, что заботиться о ихъ безопасности должны не они сами и не рѣчь-посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности Русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и пріемы дѣйствія нахальнѣе; для примѣра, я приведу двѣ характеристическія выходки подобнаго рода со стороны шляхтичей: въ 1748 году, въ прошеніи, отправленномъ дворянами Кіевскаго воеводства „къ С.-Петербургскому двору“ въ числѣ другихъ претензій, заявлена была жалоба на то, что Русскія власти не могли розыскать въ Запорожскихъ степяхъ, укрывшихся туда 10 лѣтъ назадъ гайдамацкихъ „ватаговъ“ при чемъ дворяне заявили, что фельдмаршалъ Минихъ не доставилъ ихъ въ судъ „потому, что получилъ вѣроятно взятку отъ упомянутыхъ своевольныхъ ватаговъ“ [2]). Въ 1761 году шляхтичъ Ивашкевичъ подалъ заявленіе въ пограничный судъ, въ которомъ онъ утверждалъ, что если его претензія, разбиравшаяся въ судѣ весьма тщательно, не получитъ со стороны Русскихъ комиссаровъ полнаго удовлетворенія, то онъ сочтетъ себя въ правѣ ограбить на сумму, равную его иску, первыхъ попавшихся ему Русскихъ купцевъ [3]).

---

[1]) См. № CCLXXX, стр. 588.
[2]) См. № CXCVII, стр. 409.
[3]) См. № CCCXXXVIII, стр. 713.

Еще болѣе раздраженный характеръ проявлялся въ отношеніяхъ шляхтичей къ Запорожью, откуда дѣйствительно выходили самые многочисленные и самые опасные гайдамацкіе отряды. Въ жалобахъ, заявленныхъ Поляками Русскому правительству они постоянно указывали на участіе Запорожья въ гайдамацкомъ движеніи, при чемъ умышленно смѣшивали гайдамацкія скопища съ Запорожскимъ войскомъ, не признавая никакихъ въ этомъ отношеніи разъясненій. При всемъ желаніи со стороны Запорожской старшины разыскать гайдамаковъ и особенно ихъ ватажковъ въ степи или предупредить составленіе гайдамацкихъ сборищъ, она не могла достичь этой цѣли въ необозримыхъ, почти незаселенныхъ степяхъ; между тѣмъ неуспѣшность такого рода усилій Поляки выставляли постоянно въ жалобахъ Русскому правительству, какъ умышленное покровительство, оказываемое гайдамакамъ. Русскіе военачальники старались съ одной стороны разъяснить Польскимъ депутатамъ настоящее положеніе дѣла, съ другой, посылали строгія внушенія въ кошъ, предписывавшія употребить всѣ мѣры для того, чтобы прекратить организацію гайдамацкихъ отрядовъ въ Запорожской территоріи [1]). Побуждаемые этими распоряженіями, кошевые и старшины Запорожскіе старались, по мѣрѣ возможности, принять зависѣвшія отъ нихъ мѣры и, по временамъ, дѣйствовали даже весьма энергически противъ гайдамаковъ. Такъ, въ 1736—1737 годахъ, вслѣдствіе предписаній Миниха, кошевой за-

[1]) См. №№: CCXCI, стр 615; CCXCVII, стр. 623; CLXXI, стр. 350; CXV, стр. 238 Въ послѣднемъ документѣ мы находимъ интересные переговоры фельдмаршала Миниха съ пріѣхавшимъ къ нему польскимъ генераломъ Русецкимъ. Минихъ, по жалобѣ Русецкаго, отправляетъ строгія предписанія кошевому, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣждаетъ Русецкаго, что гайдамаки дѣйствуютъ независимо отъ Запорожья и не подчиняются власти кошевого атамана; Русецкій же старается убѣдить Миниха въ томъ, что кошевой получаетъ взятки отъ гайдамаковъ, вслѣдствіе чего и оказываетъ имъ покровительство.

претилъ Запорожцамъ принимать начальство надъ гайдамацкими отрядами, отозвалъ изъ степи въ Сѣчь всѣхъ Запорожцевъ, отправилъ отрядъ для разсѣянія скопищъ, собиравшихся въ степи, и приказалъ казнить смертью въ Сѣчи нѣсколькихъ гайдамацкихъ ватажковъ [1]). Еще энергичнѣе дѣйствовалъ кошевой Григорій Федоровичъ Лантухъ (1755—1762); онъ устроилъ вдоль Польской границы цѣлый рядъ форпостовъ, организовалъ правильные разъѣзды Запорожскихъ пикетовъ по степи, для наблюденія за гайдамаками, и, употребляя въ отношеніи къ послѣднимъ поперемѣнно мѣры строгости и увѣщанія, достигъ того, что почти всѣ ватаги, повинуясь его внушеніямъ, явились въ Сѣчь, принесли присягу въ томъ, что прекратятъ грабительскіе набѣги, и записались въ регестры Запорожскаго войска, получивъ прощеніе отъ старшины и войска за прошлый образъ своихъ дѣйствій. Въ то же почти время, по распоряженію Коша, войсковой есаулъ, Петръ Калнишевскій, отправился въ степь съ отрядомъ Запорожцевъ, разорилъ главный притонъ гайдамаковъ на рѣкѣ Бугѣ, укрѣпленный пушками и засѣками, и разсѣялъ охранявшее его скопище [2]).

Но всѣ эти усилія Запорожской старшины, желавшей доказать непричастность Запорожскаго войска къ гайдамацкому движенію, не удовлетворяли шляхтичей Украинныхъ воеводствъ; основываясь на томъ, что въ числѣ гайдамаковъ попадались постоянно братчики Запорожскихъ куреней и что отряды выходили изъ Запорожской территоріи, они всякій набѣгъ гайдамацкій считали такимъ дѣломъ, за которое отвѣтственность должна была падать на все Запорожье; потому, не смотря на указанныя выше дѣйствія Запорожской старшины, жалобы на нее продолжали поступать къ Русскимъ военачальникамъ и, кромѣ того, враждебное отношеніе шляхтичей къ Запорожью проявлялось въ цѣломъ рядѣ репрес-

---

[1]) См. №№: CX, стр. 230; CXI, 231; CXIII, стр. 235.
[2]) Скальковскій—Исторія Новой Сѣчи, т. II, стр. 178—182.

салій, которыя должны были поставить старшину въ самое невыгодное положеніе по отношенію къ войску, ослабить ея авторитетъ и, наконецъ, озлобить окончательно противъ шляхтичей всю Запорожскую общину и заставить ее стать на сторону гайдамаковъ. Репрессаліи эти состояли какъ въ походахъ, предпринимавшихся по временамъ начальниками отдѣльныхъ Польскихъ отрядовъ въ Запорожскія земли, такъ и въ захватѣ и казни Запорожцевъ, пріѣзжавшихъ по семейнымъ или торговымъ дѣламъ въ Юго-западный край. Умышленно игнорируя разницу, существовавшую между Запорожцами и гайдамаками, губернаторы панскихъ имѣній, помѣщики и военные Польскіе начальники считали себя въ правѣ, при первой встрѣчѣ съ Запорожцемъ, объявить его гайдамакомъ, казнить смертью и конфисковать его имущество, даже въ такихъ случаяхъ, когда поводы появленія въ краѣ Запорожцевъ носили завѣдомо миролюбивый характеръ; между тѣмъ Запорожцы не могли не бывать въ Украинныхъ воеводствахъ, куда ихъ привлекали различныя житейскія отношенія: въ краѣ этомъ жили семейства большей части братчиковъ, сюда они ѣздили скупать скотъ, оружье, водку и особенно запасы хлѣба, необходимые для прокормленія войска; обстоятельство это, впрочемъ, усиливало только опасность для Запорожцевъ: шляхтичи знали, что они снабжены довольно значительными суммами для предстоящихъ покупокъ, и потому склонны были тѣмъ упорнѣе считать ихъ гайдамаками, не вѣрить ихъ объясненіямъ, чѣмъ болѣе предвидѣлось имущества, подлежащаго конфискаціи послѣ казни мнимыхъ гайдамаковъ. Множество фактовъ подобнаго рода собрано г. Скальковскимъ въ его Исторіи Новой Сѣчи, составленной по документамъ Запорожскаго архива. Такъ, въ 1730 году, въ Брацлавскомъ воеводствѣ, губернаторы переловили и казнили смертью до 300 Запорожцевъ, ѣздившихъ по торговымъ дѣламъ или для свиданія съ родными. Въ 1738 году въ Немировѣ повѣшено 18 Запорожцевъ, явившихся въ м. Саврань для покупки хлѣба; въ томъ-же году 102 Запо-

рожца, закупавшіе хлѣбъ въ Умани, были захвачены предательски губернаторомъ Ѣабапомъ, зазвавшимъ ихъ къ себѣ на пиръ, и казнены въ качествѣ гайдамаковъ; подобные факты упоминаются въ 1740, 1741 и 1750 годахъ въ Умани, Чигиринѣ, Смѣлой и т. д. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ погони за гайдамаками неоднократно начальники Польскихъ командъ и помѣщики съ надворными милиціями, переправлялись въ Запорожскія земли, и, вмѣсто гайдамаковъ, не имѣвшихъ осѣдлости, грабили Запорожскіе зимовники, села и хутора. Такъ въ декабрѣ 1742 года отрядъ Польскаго войска перешелъ границу и захватилъ полковничью Запорожскую стоянку на р. Бугѣ; жолнеры убили нѣсколько человѣкъ Запорожцевъ, другихъ, въ томъ числѣ и есаула, переранили или полонили, сожгли полковничій зимовникъ и угнали множество скота и лошадей [2]). Такой же набѣгъ повторенъ былъ весною слѣдующаго года по распоряженію региментаря Украинской партіи, Нитославскаго; Польская команда перешла Синюху у Тарговицы, расположилась лагеремъ на рѣкѣ Мертвыхъ водахъ, притокѣ Ингула, и занялась истребленіемъ Запорожскихъ зимовниковъ, лежавшихъ по сосѣднимъ рѣчкамъ и балкамъ, и угономъ изъ нихъ лошадей и скота [3]). Въ промежуткѣ времени съ 1744—1749 полковники надворныхъ Уманскихъ козаковъ, Ортынскій и Закржевскій, врывались нѣсколько разъ въ Запорожскія степи, разоряли и грабили зимовники, угоняли табуны и убивали попадавшихся въ степи и зимовникахъ Запорожцевъ и пастуховъ [4]).

Такого рода выходки конечно служили поводомъ къ пререканіямъ не только съ Запорожьемъ, но и съ Русскимъ правительствомъ, требовавшимъ удовлетворенія за самоуправство въ подвла-

---

[1]) Исторія Новой Сѣчи, т. II, стр. 120—121.
[2]) См. № CLXX стр. 348, также Ист. Нов. Сѣчи, т. II стр. 130.
[3]) Тамже стр. 164.
[4]) Скальковскій Наѣзды гайдамакъ, стр. 51.

стной ему территоріи и за вторженіе вооруженныхъ командъ въ Русскіе предѣлы. Такимъ образомъ сами-же шляхтичи разрушали своевольными выходками всѣ тѣ результаты, которыхъ они старались достичь путемъ пазойливыхъ дипломатическихъ сношеній.

Расказанныя выше подробности обнимаютъ всѣ характеристическія черты, доставленныя актовыми свидѣтельствами, какъ о причинахъ возникновенія гайдамачества и объ образѣ дѣйствій гайдамаковъ, съ одной стороны, такъ и о мѣрахъ для противудѣйствія гайдамацкому движенію, которыя старались принимать Польское правительство и шляхтичи Украинныхъ воеводствъ—съ другой. Мы не станемъ слѣдить за похожденіями каждаго изъ безчисленныхъ гайдамацкихъ отрядовъ, появлявшихся въ теченіи XVIII столѣтія въ предѣлахъ речи-посполитой, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ фактѣ мы встрѣчали-бы только повтореніе вышеуказанныхъ общихъ данныхъ; мы ограничимся только указаніемъ на тѣ моменты въ гайдамацкомъ движеніи, когда, вслѣдствіе внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, движеніе это пріобрѣтаетъ болѣе силы, растетъ въ размѣрахъ и охватываетъ значительную долю, иногда большинство, народонаселенія. Такіе моменты, по актовымъ свидѣтельствамъ, случились три раза въ теченіи XVIII столѣтія: въ 1734, 1750 и 1768 годахъ; слабѣе другихъ было движеніе 1750 года, между тѣмъ какъ въ 1734 и 1768 годахъ, вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ событій, хроническая гайдамацкая неурядица приняла формы общаго крестьянскаго возстанія и получила оттѣнокъ волненія съ политическимъ характеромъ.

Поводомъ особеннаго развитія гайдамачества въ 1734 году была неурядица, возникшая въ то время въ Польшѣ, по поводу выбора короля. Въ началѣ 1733 года скончался Августъ II и въ августѣ того-же года, сеймъ, собравшійся для выбора его преемника, раздѣлился на двѣ враждебныя партіи: одна изъ нихъ, составлявшая значительное большинство, избрала королемъ Станислава Лещинскаго; меньшинство опротестовало этотъ выборъ, удалилось

изъ сейма и, провозгласивъ конфедерацію, объявило королемъ Августа III, курфюрста Саксонскаго. Россія, не желая усиленія Франціи [1]), вслѣдствіе соображеній, относившихся къ общей Европейской политикѣ, протестовала противъ выбора Лещинскаго, и, по приглашенію сеймоваго меньшинства, двинула свои войска въ предѣлы речи-посполитой. Извѣстно, что вмѣшательство Россіи рѣшило спорное дѣло въ пользу Августа III, лѣтомъ 1734 года Минихъ взялъ Данцигскую крѣпость, въ которой было заперся Лещинскій, и принудилъ послѣдняго удалиться во Францію. Борьба эта за Польскій престолъ отозвалась продолжительными смутами во всѣхъ областяхъ речи-посполитой и, въ томъ числѣ, и въ Украинныхъ ея воеводствахъ. Между тѣмъ какъ Русскія войска осаждали Данцигъ, въ каждомъ воеводствѣ дворяне образовали отдѣльныя конфедераціи, которыя высказывались въ пользу того или другого кандидата и начинали свои дѣйствія съ нападеній на тѣхъ шляхтичей своего-же воеводства, которые принадлежали къ противной партіи; такимъ образомъ, между дворянами каждаго воеводства въ теченіи года происходила междуусобная партизантская война, представлявшая вполнѣ хаотическую картину. Большинство дворянъ югозападнаго края приняло сторону Лещинскаго. Уже въ концѣ 1733 года образовались въ его пользу конфедераціи въ воеводствахъ: Волынскомъ, Подольскомъ, Кіевскомъ и Брацлавскомъ [2]). Между тѣмъ въ этихъ воеводствахъ находились обширныя имѣнія магнатовъ, которые, по большей части, принадлежали къ меньшинству, избравшему Августа III. Такимъ образомъ, вслѣдствіе общаго броженія, здѣсь открылась междуусобная война между шляхтою и крупными землевладѣльцами; но такъ

---

[1]) На дочери Станислава Лещинскаго женатъ былъ король Людовикъ XV, котораго посланникъ и рекомендовалъ сейму Лещинскаго, какъ кандидата на Польскій престолъ, желательнаго для французскаго двора.

[2]) Соловьевъ Исторія Россіи т. XX, стр. 27.

какъ та и другая сторона были безсильны вести борьбу собственными только силами, то онѣ призвали къ участью въ ней крестьянъ; шляхтичи волновали населеніе въ магнацкихъ имѣніяхъ, нерѣдко нападали на нихъ съ собственными вооруженными крестьянами и т. д. Такъ напримѣръ, мы встрѣчаемъ въ актахъ свидѣтельства: что дворянинъ Шотарскій подговорилъ крестьянъ села Ивницы поднять оружіе противъ ихъ владѣльца. Такъ, управляющій Межыбожскимъ имѣніемъ, полковникъ Дессіеръ, вооружилъ крестьянъ и шляхтичей въ подвѣдомственномъ ему помѣстьи, и напалъ съ ними на Деражнянское имѣніе, принадлежавшее князьямъ Любомирскимъ, самимъ ревностнымъ поборникамъ Августа III, и окончательно разорилъ оное; околичные дворяне Барскаго староства врывались въ имѣнія магнатовъ: Ржевускихъ, Любомирскихъ и т. д. и грабили въ нихъ все, что имъ попадалось подъ руку и т. п. [1]). Въ свою очередь крупные землевладѣльцы выпустили противъ шляхтичей свои надворныя милиціи, козацкія и волошскія. Губернаторы, экономы и другіе урядники имѣній: Любомирскихъ, Потоцкихъ, Ржевускихъ и т. д. сотники и ротмистры ихъ надворныхъ милицій врывались съ милиціонерами въ шляхетскія имѣнія, грабили дворы, нерѣдко убивали или изгоняли владѣльцевъ [2]). Притомъ, среди общаго смятенія, многіе шляхтичи приняли въ немъ участіе, подъ личиною политической борьбы преслѣдуя исключительно своекорыстныя цѣли. Многіе изъ нихъ образовали подъ своимъ начальствомъ небольшіе отряды изъ крестьянъ, козаковъ и бездомной шляхты и, объявляя себя попеременно поборниками, то одной, то другой политической партіи, стали грабить всѣ попадавшіеся имъ подъ руку дворы, обѣщавшіе богатую поживу. Такой отрядъ составилъ въ окрестности Кременца дворянинъ Адамъ

---

[1]) См. №№: XXIV, стр. 49; LVI, стр. 97; LXXI, стр. 133; XCVIII, стр. 200.

[2]) См. №№: XXI, стр. 43, XXXIV, стр. 67.

Курдвановскій и грабилъ съ нимъ имѣнія и магнацкія и шляхетскія, въ Брацлавскомъ воеводствѣ. Въ окрестностяхъ Умани, мелкопомѣстный шляхтичь, Іосифъ Мошинскій, узнавъ о приходѣ Русскихъ войскъ, отправился въ Умань къ Русскому полковнику Полянскому и, выдавая себя за горячаго поборника Августа III, получилъ приглашеніе дѣйствовать за одно съ Русскими войсками; тогда Мошинскій набралъ отрядъ изъ гайдамаковъ и собственныхъ крестьянъ и отправился грабить безъ разбору всѣ шляхетскіе дворы; команда Мошинскаго имѣла точныя свѣдѣнія какъ о степени зажиточности его сосѣдей, такъ и о мѣстахъ, гдѣ они прятали свое имущество; отъ хищничества его не было возможности укрыться, тѣмъ болѣе, что Мошинскій отличался неусыпною дѣятельностью въ дѣлѣ грабежа, изумлявшею даже гайдамаковъ, примкнувшихъ къ его отряду; „се лихо, не Ляхъ, говорили они, аже самъ не спыть и намъ не дае". Продолжая свою дѣятельность въ теченіи всего смутнаго времени, Мошинскій перебилъ многихъ шляхтичей, истязалъ и ограбилъ сосѣдей въ значительной части Брацлавскаго воеводства. Не менѣе дѣятельно свирѣпствовали составленные шляхтичами и въ другихъ мѣстностяхъ грабительскіе отряды, какъ, напримѣръ, въ окрестности Каменца, скопища составленныя изъ дворянъ и крестьянъ Пржесмыцкимъ и Стоцкимъ, выдававшимъ свой сбродъ за отрядъ козацкаго войска, и т. д. [1]).

Крестьяне, увлекаемые такимъ образомъ самими-же шляхтичами въ общее броженіе речи-посполитой встрѣтили еще и другое побужденіе, послужившее новымъ толчкомъ, подвинувшимъ ихъ къ возстанію. Въ концѣ 1733 года изъ Кіева вступили въ Польскіе предѣлы Русскія войска подъ начальствомъ генерала Кейта и князя Шаховскаго. Между тѣмъ какъ значительная часть этого войска

---

[1]) См. №№: XXX, стр. 57; XXXI, стр. 59; XXXII, стр. 61; XLIX, стр. 91; LXXVII, стр. 145; C, стр. 203—210; CXXI, стр. 246; CXXIV, стр. 252, и CLIV, стр. 313.

отправилась внутрь Польши для содѣйствія Ласси и Миниху, нѣкоторые отряды, состоявшіе по преимуществу изъ Малороссійскихъ козаковъ, остались въ Украинныхъ и сосѣднихъ съ ними воеводствахъ для противудѣйствія шляхетскимъ конфедераціямъ, поднявшимся въ пользу Лещинскаго. Появленіе Русскихъ и козацкихъ войскъ въ краѣ и борьба ихъ съ шляхтою возбудили надежды народонаселенія въ размѣрѣ гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ того могли ожидать сами начальники окупаціоннаго войска. Крестьяне, не имѣвшіе понятія о политическихъ комбинаціяхъ, истолковали событія по своему, въ смыслѣ, конечно, болѣе всего для нихъ желательномъ. Они были увѣрены, что Русскія войска изгонятъ шляхту и будутъ способствовать образованію въ юго-западномъ краѣ козацкихъ полковъ, которые и войдутъ въ составъ Малороссійской гетманщины. Между крестьянами ходили слухи о томъ, будто-бы Русскіе военные начальники выдаютъ грамоты отъ имени Императрицы, содержащія разрѣшеніе грабить и истреблять пановъ и евреевъ, и приглашающія присягать ей на вѣрность; говорили въ народѣ, что для руководства возстаніемъ отправлены: Танскій (послѣдній бывшій на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ) и, гетманъ Самусь (давно уже умершій). Дѣйствія Русскихъ и козацкихъ войскъ противъ шляхтичей конфедератовъ и принятіе Русскими полковниками подъ свою команду надворныхъ козаковъ изъ имѣній пановъ Саксонской партіи утверждали народъ въ его мнѣніи; оно еще болѣе усилилось, когда появились среди крестьянъ Запорожцы, только что вновь принятые въ Русское подданство, и стали дѣйствовать за одно съ Русскими войсками; между тѣмъ войска эти и, главнымъ образомъ, входившіе въ нихъ составъ Малороссійскіе козаки, открыли цѣлый рядъ военныхъ дѣйствій противъ мѣстныхъ шляхтичей; нѣсколько крѣпостей (Винница, Межибожъ) были взяты; имѣнія шляхтичей конфедератовъ подвергались секвестру и военнымъ экзекуціямъ. Къ козакамъ стали приставать толпы крестьянъ и дѣйствовали за одно съ ними; они вмѣстѣ на-

падали на шляхетскіе дворы, грабили ихъ, истязали шляхтичей и истребляли ихъ документы, опустошали католическіе монастыри, изгоняли изъ нихъ патеровъ и т. д. [1]).

Не ограничиваясь этимъ, крестьяне стали волноваться и сами, не ожидая появленія Русскихъ или козаковъ, и въ началѣ 1734 года волненіе охватило всю территорію Украинныхъ воеводствъ.

При первомъ извѣстіи о вступленіи Русскихъ и козацкихъ войскъ въ предѣлы речи-посполитой, признаки волненія обнаружились среди крестьянъ, къ половинѣ-же 1734 года волненіе это проявилось въ полной силѣ; крестьяне, иногда съ помощью козаковъ, чаще по собственной иниціятивѣ, стали изгонять помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, грабить панскіе дворы, уничтожать документы, избивать шляхтичей и евреевъ; собранные документы свидѣтельствуютъ, что вспышки такія охватили все Кіевское воеводство: такъ, въ Корсунѣ всѣ евреи были перебиты или разогнаны и мѣстечко совершенно запустѣло; въ Таганчѣ крестьяне, по совѣту священника, возстали, изгнали арендатора, убили его племянника и выдали на разграбленіе козакамъ укрытое имъ имущество; въ окрестности Бердичева составились правильно организованныя сотни вооруженныхъ крестьянъ, подъ руководствомъ гайдамацкихъ ватажковъ, занявшіяся изгнаніемъ изъ имѣніи шляхтичей; въ Козятинѣ крестьяне убили своего владѣльца — Каминскаго; въ Чудновѣ мѣщане убивали и изгоняли изъ мѣстечка евреевъ. Такіе-же факты встрѣчаемъ въ Погребищахъ, Паволочи, Котельни, Кошоватой, Ходоровѣ, Рожевѣ и т. д. Въ іюнѣ 1734 года крестьянское возстаніе въ Кіевскомъ воеводствѣ было уже въ полномъ разгарѣ, такъ, что судовые урядники должны были отказаться отъ исполненія своихъ

---

[1]) См. №№: XXVII, стр. 54; XXXIII, стр. 63; LXXXVII, стр. 173—181; XXXVIII, стр. 69—70; XCVII, стр. 199; XCIX, стр. 202; CI, стр. 211; CIV, стр. 215.

обязанностей, за невозможностью проѣхать въ гродъ [1]). Кіевскій кастелянъ, Стецкій, бѣжавшій въ свои Волынскія имѣнія, угрожалъ оттуда поднять „посполитое рушеніе" и рекомендовалъ шляхтичамъ обращаться за помощью къ коронному войску, но ясно было, что мѣры эти неисполнимы; шляхтичи изъ воеводства разбѣжались, а коронное войско маневрировало въ виду Русской арміи за Вислою, оставивъ на произволъ судьбы Украинныя воеводства, положеніе которыхъ Стецкій изображалъ въ своемъ универсалѣ слѣдующими словами: „наши подданные въ Кіевскомъ воеводствѣ все сильнѣе и сильнѣе примыкаютъ къ мятежу.... Они подняли руки на речь-посполитую и на пановъ,.... забыли страхъ Божій, святыя заповѣди, законы речи-посполитой, христіанскую вѣру и любовь къ ближнему; они нападаютъ на дворы, грабятъ, мучатъ, проливаютъ невинную кровь, совершаютъ убійства, предаются разбою и грабежу, попирая нетолько законы речи-посполитой, но и Божественные" [2]),

Постепенно крестьянское волненіе распространилось и на другія, сосѣднія съ Кіевскимъ, воеводства: въ Подоліи паническій страхъ объялъ дворянъ и евреевъ: многіе изъ нихъ бѣжали, не ожидая крестьянскаго возстанія, которое не замедлило вспыхнуть: въ окрестностяхъ Каменца, Проскурова, Межибожа, во многихъ мѣстностяхъ Летичевскаго повѣта повторились тѣже факты, которые нѣсколько раньше разразились въ Кіевскомъ воеводствѣ [3]). Въ Кременецкій повѣтъ Волынскаго воеводства волненіе проникло изъ Подолія, и, опираясь на содѣйствіе козацкихъ отрядовъ, тре-

---

[1]) См. №№: XXIII, по XXVI, стр. 48—53; XXXVI, стр. 65; XL, стр. 78; XLVIII, стр. 89; LXXII, стр 135; CII, стр. 212; CIII, стр. 213; CVI, стр. 218 и CXXIII, стр. 250

[2]) См. № XLIII, стр. 83.

[3]) См. №№: XX, стр 41; XXVIII, стр. 55; XXXVII, стр. 66; L, стр. 92; LVI, стр 96; LXII, стр. 108; LXXXV, стр. 164 и LXXXVI, стр. 165.

вожило шляхту, хотя въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ Кіевщинѣ и Подоліи [1]).

Сильнѣе всего обнаружилось крестьянское движеніе въ Брацлавскомъ воеводствѣ, болѣе всего удаленномъ отъ правительственныхъ центровъ и населенномъ новоосаженными на слободскихъ условіяхъ крестьянами; нападенія на шляхетскіе дворы здѣсь происходили гораздо чаще и количество пострадавшихъ дворянъ въ разныхъ мѣстностяхъ воеводства было довольно значительно. Въ 1735 году хорунжій Брацлавскій заявилъ въ гродскія книги собранныя имъ свѣдѣнія о дворянахъ, погибшихъ въ воеводствѣ во время крестьянскаго возстанія, при чемъ онъ представилъ списокъ 90 лицъ, убитыхъ при нападеніи на ихъ дворы [2]).

Но, не ограничиваясь отдѣльными нападеніями на шляхетскія усадьбы, крестьяне Брацлавскаго воеводства придали болѣе обширные размѣры движенію приступивъ къ формировкѣ козацкихъ полковъ, основнымъ ядромъ которыхъ послужили волошскія и козацкія надворныя милиціи пановъ Саксонской партіи. Русскій полковникъ Полянскій, занявъ Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ этихъ милицій въ Брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать противъ шляхтичей партіи Лещинскаго совмѣстно съ Русскими войсками; циркуляръ этотъ былъ своеобразно понятъ какъ милиціонерами, такъ и народонаселеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козаковъ въ Шаргородѣ, имѣніи Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся съ своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныя милиціи изъ окрестныхъ имѣній и вербовать крестьянъ въ ихъ составъ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, роздавалъ другимъ начальникамъ титулы сотни-

---

[1]) См. №№: LVIII, стр. 99; LXI, стр. 107; LXV, стр. 117.

[2]) См. №№: LXXV, стр. 141; LXXVI, стр. 143; LXXVIII, стр. 147; LXXIX, стр. 149, LXXX по LXXXIII, стр. 152—158 и LXXXVIII, стр. 183.

ковъ, ротмистровъ и поручиковъ; сотни своего ополченія онъ разделилъ на десятки, группировавшіеся, смотря по происхожденію изъ отдѣльныхъ селъ, входившихъ въ ихъ составъ, крестьянъ, при чемъ каждый десятокъ избиралъ своего начальника; по мѣрѣ поступленія въ полкъ, десятки вносились въ правильно записывавшіеся регистры козацкаго войска. Верланъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что онъ получилъ отъ Русскаго полковника именной указъ Императрицы, которымъ будто предписывалось истреблять всѣхъ иноплеменниковъ: Ляховъ и Евреевъ, и разорять ихъ имущество, и что послѣ окончательнаго ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ; вслѣдствіе этого онъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность Императрицѣ. На отзывъ Верлана народонаселеніе откликнулось сочувственно; въ его лагерь спѣшили надворныя козацкія милиціи и жители Волошскихъ военныхъ поселеній, гайдамацкіе ватажки и Запорожцы „винники, пасѣчники и вообще возставшіе крестьяне", даже околичные шляхтичи и церковные причетники. Увеличивая постоянно свои силы, Верланъ сдѣлалъ нѣсколько переходовъ по Брацлавскому воеводству, разоряя дома шляхтичей, истребляя дворянъ и евреевъ и приводя къ присягѣ остальное населеніе, за тѣмъ онъ прошелъ такимъ-же образомъ вдоль все Подольское воеводство и, оттуда, направился къ Кременцу; послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ съ встрѣтившимися на пути Польскими войсками, онъ занялъ города Броды и Жванецъ и, въ половинѣ іюля 1734 г., пустилъ свои загоны по направленію ко Львову и Каменцу [1]).

Дальнѣйшее развитіе крестьянскаго движенія въ Русскихъ воеводствахъ речи-посполитой было остановлено общимъ ходомъ политическихъ событій. 30 Іюня 1734 года Данцигъ сдался Ми-

---

1) См. №№: XXXVIII. стр 67—76; XLIV, стр. 84; LI, стр. 92; LIV, стр. 95.

нпху и Лещинскій долженъ былъ бѣжать въ Прусскія владѣнія; дѣло его было очевидно проиграно, и тѣ воеводства, дворяне которыхъ составили конфедераціи въ его пользу, стали одно за другимъ переходить на сторону Августа III. Конечно первыми явились съ повинною Украинныя воеводства, въ которыхъ дворяне чувствительнѣе другихъ поплатились за смуту, вслѣдствіе вспыхнувшаго здѣсь крестьянскаго возстанія. По мѣрѣ того какъ дворяне изъявляли свое согласіе на избраніе Августа III, они отправляли депутаціи къ начальникамъ Русскихъ войскъ съ извѣщеніемъ объ этомъ согласіи и съ просьбою помочь имъ усмирить крестьянское волненіе, политическія причины котораго были такимъ образомъ устранены. Уже 1-го іюля 1734 года Русскій главнокомандующій, ландграфъ Людовикъ Гессенъ-Гомбурскій, которому Минихъ сдалъ начальство надъ арміею немедленно послѣ капитуляціи Данцига, издалъ манифестъ, "къ обывателямъ речи-посполитой, признавшимъ власть Его Величества, короля Августа III", въ которомъ онъ обѣщалъ принять строгія мѣры противъ тѣхъ „регулярныхъ и нерегулярныхъ Русскихъ ополченій", которыя своевольно наносятъ обиды мирнымъ гражданамъ речи-посполитой" [1]). Шляхтичи Украинныхъ воеводствъ поняли весьма легко смыслъ этого манифеста и поспѣшили отправить въ квартиру главнокомандующаго депутаціи съ изъявленіемъ своего отказа отъ кандидатуры Лещинскаго. Тогда ландграфъ Гессенъ-Гомбурскій приступилъ къ усмиренію крестьянскаго волненія, что, конечно, было приведено въ исполненіе весьма быстро и успѣшно во время обратнаго движенія Русской арміи черезъ Украинныя воеводства. Изъ втораго манифеста, подписаннаго ландграфомъ на Волыни, въ Берестечкѣ, 1 ноября, видно, что скопища крестьянъ уже были разсѣяны и главнокомандующимъ приняты строгія мѣры для истребленія послѣднихъ слѣдовъ возстанія. Въ манифестѣ этомъ сказано было: что вслѣдствіе посту-

---

[1]) См. № XLI, стр. 79—80

пленія жалобъ на случающіеся еще въ разныхъ мѣстахъ грабежи, ландграфъ разрѣшаетъ дворянамъ арестовать всякаго русскаго солдата или козака, не имѣющага формальнаго отпуска отъ своего начальства, и, въ случаѣ сопротивленія, убивать его, „за это дворяне не только не должны опасаться отвѣтственности передъ Русскими военными властями, но, напротивъ того, могутъ ожидать полной его признательности“ [1]). Уходя изъ предѣловъ речи-посполитой, ландграфъ Гессенъ-Гомбурскій поручилъ окончательное наблюденіе за возстановленіемъ порядка въ Украинныхъ воеводствахъ Кіевскому генералъ-губернату, графу Вейсбаху, который и вошелъ въ постоянныя сношенія съ сеймиками этихъ воеводствъ; вслѣдствіе просьбы дворянъ Брацлавскихъ, Вейсбахъ оставилъ въ Немировѣ до конца весны слѣдующаго года отрядъ Русскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Гейна, которому дано было предписаніе оказывать самую дѣятельную помощь дворянамъ, по требованію которыхъ разсылались въ разныя стороны отряды Русскаго регулярнаго войска для усмиренія непокорныхъ крестьянъ, для поимки бѣглыхъ и для разсѣянія своевольныхъ отрядовъ. Всѣ пойманные подозрительные люди препровождались въ специяльные суды „causarum exorbitantiarum“, постановлявшіе приговоры о ихъ казни или другихъ взысканіяхъ. Въ половинѣ февраля 1735 года, Вейсбахъ объявилъ сверхъ того депутаціи Брацлавскихъ дворянъ, что онъ употребитъ всѣ усилія для поимки начальниковъ крестьянскаго возстанія, укрывшихся въ Русскіе предѣлы, что крестьяне, перебѣжавшіе на лѣвый берегъ Днѣпра, будутъ, по его распоряженію, возвращены для водворенія подъ властью прежнихъ помѣщиковъ, что начальникамъ Русскихъ войскъ приказано, чтобы они внушали крестьянамъ повиновеніе помѣщичьей власти и чтобы они не принимали жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ и не ограничивали ни въ чемъ правъ послѣд-

---

[1]) См. № LX. стр. 106.

нихъ, что, наконецъ, онъ совѣтуетъ дворянамъ ускорить взысканія съ крестьянъ и постараться, воспользовавшись весеннимъ временемъ, обратить исключительно ихъ вниманіе на правильный ходъ земледѣльческихъ работъ [1]).

Такимъ образомъ, благодаря дѣятельной помощи Русскихъ властей, крестьянское возстаніе было усмирено. Болѣе окомпрометированныя лица, изъ числа крестьянъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, были казнены разновременно то Русскими начальниками, то судами: causarum exorbitantiarum, гродскими и магистратскими; но вообще на этотъ разъ репрессаліи со стороны шляхтичей были относительно мягки. Они не только не установили общихъ мѣръ наказанія для крестьянъ, какъ это случалось во время другихъ аналогическихъ событій (въ 1702 и 1768), но даже освобождали многихъ крестьянъ, завѣдомо участвововшихъ въ возстаніи, если громады ихъ селъ соглашались принять ихъ на поруки и брали на себя отвѣтственность за будущее ихъ поведеніе [2]). Побужденія къ снисходительности шляхтичей зоключались въ двухъ причинахъ: въ сознаніи, что значительная доля отвѣтственности за случившіеся безпорядки лежитъ на самихъ же дворянахъ, изъ которыхъ многіе принимали участіе въ грабежахъ и насиліяхъ, и—въ желаніи посредствомъ смягченія мѣръ строгости сохранить крѣпостное населеніе въ селахъ и не подать ему повода разбѣжаться изъ только что осаженныхъ имѣній.

Но предводители крестьянскаго возстанія, послѣ того какъ оно было разсѣяно Русскими войсками, должны были позаботиться о своей безопасности, такъ какъ къ нимъ конечно не могло относиться благодушное настроеніе шляхтичей. Дѣйствительно мы

---

[1]) См. №№: LXIII, стр. 110—114; LXVIII, стр 128 и LXIX, стр. 129—131.

[2]) См. №№: XXXV, стр. 65; XLV—XLVII, стр. 86—88; LV; стр 96; LVII, стр. 99; LXXIV, стр. 139.

встрѣчаемъ въ актахъ указанія на то, что дворяне усердно хлопочутъ о поимкѣ и казни начальниковъ и руководителей возстанія, хотя старанія ихъ въ этомъ отношеніи остаются по большей части безплодными. Только одинъ изъ второстепенныхъ предводителей, крестьянинъ Моторный, попался въ руки властей, былъ подвергнутъ пыткѣ и казненъ [1]); другіе успѣли скрыться. Главный руководитель возстанія, полковникъ Верланъ и два другіе начальника, носившіе также титулъ полковниковъ: Стефанъ Скоричъ, бывшій въ теченіи 30 лѣтъ ротмистромъ разныхъ надворныхъ милицій, и Писаренко, полковникъ Уманскихъ козаковъ, примкнувшихъ къ возстанію, удалились съ своими отрядами, состоявшими по большей части изъ Волоховъ, въ Молдавію, и унесли съ собою пріобрѣтенную во время смутъ добычу; Брацлавскіе и Подольскіе шляхтичи напрасно требовали выдачи ихъ; господарь возвратилъ часть отнятой у гайдамаковъ добычи, но не арестовалъ самихъ гайдамаковъ [2]). Другіе предводители возстанія удалились въ Татарскія и Запорожскія степи, куда бѣжали и многочисленныя толпы крестьянъ, не пожелавшихъ возвращаться подъ власть пановъ, или боявшихся отвѣтственности за свои дѣйствія во время возстанія; изъ этихъ бѣглецовъ образовались въ степи многочисленные отряды, которые и рѣшились продолжать гайдамацкими набѣгами неудавшееся дѣло крестьянскаго возстанія; первыми предводителями этихъ отрядовъ являются: Запорожецъ Грива и ватажокъ Медвидь. Оба они принимали дѣятельное участіе въ волненіи 1734 года и Брацлавскіе дворяне просили настоятельно у генерала Вейсбаха объ ихъ выдачѣ немедленно послѣ усмиренія возстанія. Особенно много вреда причинилъ шляхтичамъ Грива; явившись въ Украину съ отрядомъ Запорожцевъ, онъ находился въ 1734 г. въ командѣ полковника Полянскаго; получивъ отъ послѣдняго

---

[1]) См. №№: LXXXVII, стр. 174—175 и LXXXVIII, стр. 181.
[2]) См. №№: LXXXI, стр. 112 и LXXXVII, стр. 176

порученіе двинуться на Винницу, онъ взялъ этотъ городъ, разорилъ въ немъ два монастыря: езуитскій и доминиканскій; перебилъ монаховъ, и истребилъ документы въ гродской Винницкой канцеляріи, затѣмъ, усиливъ свой отрядъ навербованными крестьянами, онъ предпринялъ цѣлый рядъ опустошительныхъ набѣговъ на панскіе дворы и имѣнія, при чемъ его отрядъ отличался по преимуществу ревностнымъ истребленіемъ дворянскихъ документовъ [1]).

Удалившись въ степь, оба названные ватажки занялись организаціею гайдамацкихъ отрядовъ изъ бѣжавшихъ въ Запорожье крестьянъ. Уже въ 1736 году появился въ границахъ речи-посполитой Медвидь съ сильнымъ гайдамацкимъ скопищемъ; онъ занялъ Крыловъ и Чигиринъ, разорялъ шляхетскія осѣдлости, нападалъ на Польскія войска и даже послалъ вызовъ на битву Польскому региментарю, Малинскому. Разбитый въ стычкѣ у Боровицы, онъ укрылся сильно израненный за Днѣпръ, отрядъ-же его отступилъ къ Крылову; но здѣсь на выручку гайдамакамъ явился новый отрядъ подъ начальствомъ Гривы, и Польское войско должно было удержаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія гайдамаковъ и отступило на зимнія квартиры, гордясь временнымъ успѣхомъ [2]).

Между тѣмъ Грива и Медвидь провели лѣто въ хуторахъ надъ рѣчкою Цыбульникомъ и обдумывали болѣе серьезное нападеніе на Украинныя воеводства. Дѣйствительно осенью-же 1736 года шесть гайдамацкихъ отрядовъ, подъ начальствомъ опытныхъ ватажковъ: Гривы, Медвидя, Жилы, Рудя, Иваницы и Запорожца Харка [3]) переправились въ разныхъ мѣстахъ черезъ границу речи-

---

[1]) См. №№ LXIII, стр. 111; LXVII, стр. 123; LXXIX, стр. 150; LXXXVII, стр 173 и CIV, стр. 215.

[2]) См. №№: CIX—CXI, стр. 228—231.

[3]) Харко, Запорожецъ, приписанный къ Пластуновскому куреню, еще въ началѣ 1736 года пріобрѣлъ извѣстность нападеніемъ на мѣстечко Тараццу. Онъ взялъ приступомъ замокъ, убилъ губернатора Медведовскаго и ограбилъ мѣстечко. № CXXIX, стр. 260.

посполитой. Быстро подвигаясь впередъ, отряды сошлись 7 октября у мѣстечка Паволочи, принадлежавшаго князьямъ Любомирскимъ; они немедленно заняли это мѣстечко, овладѣли замкомъ, обезоружили, находившуюся здѣсь, хоругвь регулярнаго войска, умертвили губернатора Зузулинскаго, равно какъ и всѣхъ захваченныхъ въ замкѣ шляхтичей и въ мѣстечкѣ евреевъ (35 человѣкъ) и разграбили ихъ имущество на сумму 125,000 злотыхъ; затѣмъ, узнавъ, что многіе шляхтичи и богатые евреи укрылись въ укрѣпленномъ замкѣ, находившемся въ м. Погребыщахъ, имѣніи князя Януша Вишневецкаго, они направились въ это мѣстечко, взяли, послѣ штурма, продолжавшагося цѣлыя сутки, замокъ, истребили евреевъ и шляхтичей и захватили добычу, цѣнившуюся въ 400,000 злотыхъ. Ограбивъ затѣмъ нѣсколько попавшихся въ окрестности шляхетскихъ дворовъ, ватажки раздѣлили свое скопище на мелкіе отряды и безпрепятственно удалились за границу, гдѣ провели зиму съ отрядомъ, достигавшимъ, по Польскимъ извѣстіямъ, цыфры 1000 человѣкъ, въ зимовникахъ на рѣкѣ Цыбульникѣ [1]. Дальнѣйшія похожденія этихъ ватаговъ были остановлены вторженіемъ Татарской орды въ Русскіе предѣлы, разорившей хутора въ сѣверной части степей и частью истребившей, частью разсѣявшей попавшихся имъ на пути гайдамаковъ.

Разореніе Паволочи и Погребыщъ сильно встревожило шляхтичей Украинныхъ воеводствъ; они обратились съ жалобами въ пограничный судъ и потребовали настоятельно выдачи гайдамацкихъ предводителей; Польскими пограничными судьями и сеймиками разсылались постоянно по этому поводу прошенія и депутаціи: къ королю, къ Русскому посланнику въ Варшавѣ, къ фельдмаршалу Миниху, къ Кіевскимъ генералъ-губернаторамъ: Вейсбаху

---

[1]) См. №№: CXXVI, стр. 256; CXXVII, стр. 258; CXVIII, стр. 259; CXXX. стр. 261; CXLIX, стр. 279—282; CLXXIX, стр. 370 и CXCVIII, стр. 411.

и Леонтьеву, и даже прямо въ Петербургъ. Но удовлетворить этимъ требованіямъ Русскія власти не находили никакой возможности [1]): шляхтичи не знали мѣста, куда укрылись ватажки; въ Польскихъ претензіяхъ высказывалось только предположеніе, что они должны вѣроятно находиться въ Запорожьи или въ Малороссіи. Русскія-же власти, занятыя въ то время Турецкою войною, не имѣли возможности производить подробныя розысканія на территоріи, черезъ которую безпрестанно двигались войска и въ которую врывалась опустошительными набѣгами Крымская орда. Вслѣдствіе этого дѣло затянулось среди взаимныхъ пререканій, и только въ 1751 году Русскіе пограничные судьи имѣли возможность доставить своимъ Польскимъ товарищамъ точную справку о судьбѣ ватажковъ, разорившихъ Паволочь и Погребыщи въ 1736 году. Оказалось, что пререканія были совершенно напрасны: еще въ 1737 году ватажки: Харко, Иванница и Жила погибли въ сѣчѣ съ Татарами, отъ нападенія которыхъ они пытались защитить мѣстечко Переволочну. Рудь въ томъ-же году былъ арестованъ въ Запорожьи, и, по распоряженію кошевого начальства, препровожденъ въ генеральный войсковой судъ въ Глуховъ, гдѣ онъ умеръ во время допросовъ. О судьбѣ двухъ остальныхъ: Гривы и Медвидя, Русскимъ властямъ не удалось собрать никакихъ извѣстій послѣ 1737 года; „козакъ Грива, сошелъ безвѣстно, и въ сыску понынѣ не явился"—писали Русскіе пограничные комисары [2]).

Между тѣмъ какъ поименованные выше ватажки продолжали борьбу со шляхетствомъ, начавшуюся въ 1734 году, другіе предводители возставшихъ крестьянъ повели свои дѣла въ совершенно противуположномъ направленіи. Польскіе военные начальники, сознавая на сколько гайдамачество усилилось послѣ подавленія крестьянскаго возстанія, и не находя достаточно силъ для сопро-

---

[1]) См. стр. 288, 301, 305, 319, 351, 399, 409.
[2]) См. № CCLXXVIII, стр. 584.

тивленія ему, попытались отвлечь на свою сторону часть гайдамацкаго контингента и нейтрализировать гайдамачество его собственными силами. Въ концѣ 1736 года региментарь Малинскій объявилъ, что речь-посполитая готова не только простить, но и принять на свою службу тѣхъ гайдамаковъ, которые явятся добровольно въ главную квартиру Польскаго войска и принесутъ присягу на вѣрность речи-посполитой. Объявленіемъ этимъ дѣйствительно воспользовались многіе изъ бѣжавшихъ въ степи крестьянъ и нѣкоторые изъ ихъ ватажковъ. Въ декабрѣ 1736 и январѣ 1737 года мы уже встрѣчаемъ извѣстія о двухъ козацкихъ полкахъ, составленныхъ регимептаремъ изъ покаявшихся гайдамаковъ; полки эти состояли подъ начальствомъ полковниковъ Кассіяна и Саввы Чалаго; о первомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ только нѣсколько намековъ въ собранныхъ документахъ, изъ которыхъ мы не можемъ возстановить біографіи этого польско-козацкаго полковника. Мы знаемъ по современнымъ извѣстіямъ, что въ февралѣ и мартѣ 1737 года Кассіянъ находился уже съ своимъ полкомъ въ м. Смѣлой подъ командою региментаря Польскаго войска „къ которому онъ не давно присоединился“ и что Малинскій, желая испытать его вѣрность, отправлялъ его противъ гайдамаковъ, съ которыми Кассіянъ вступалъ удачно въ стычки; разъ онъ взялъ въ плѣнъ 18, въ другой разъ 25 человѣкъ своихъ бывшихъ товарищей, и доставилъ ихъ въ лагерь региментаря, гдѣ они были немедленно повѣшены. Притомъ онъ склонилъ многихъ гайдамаковъ повиниться и доставлялъ региментарю извѣстія о дѣйствіяхъ и численности гайдамацкихъ отрядовъ Гривы, Харка и Медведя [1]). О дальнѣйшей судьбѣ Кассіяна и его полка мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій. Гораздо полнѣе свѣдѣнія о другомъ полковникѣ, Саввѣ Чаломъ, котораго трагическая смерть сохранилась и въ народной памяти въ общераспространенной пѣсни. Савва

---

[1]) См. №№: CXIV, стр. 237 и CXVII, стр. 241.

Чалый былъ родомъ, по свидѣтельству современныхъ документовъ, мѣщанинъ изъ мѣстечка Комаргрода [1]) (нынѣ Ямпольскаго

---

[1]) Довѣрившись слишкомъ тексту народной пѣсни, г. Скальковскій, въ двухъ своихъ сочиненіяхъ (Исторія Новой Сѣчи т. II, стр. 131—135 и Наѣзды гайдамакъ стр. 46—49) предполагаетъ, что Савва Чалый былъ внукомъ Запорожскаго кошевого, Якова Чалого и сыномъ старшины Запорожскаго войска. Затѣмъ, сообщая нѣсколько интересныхъ, но разрозненныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ Запорожскаго архива, г. Скальковскій, въ разсказѣ о Саввѣ Чаломъ, придерживается по преимуществу народнаго преданія по пѣсеннымъ пересказамъ. Разсказъ г. Скальковскаго получилъ еще большее развитіе въ монографіи г. Мордовцева (Гайдамачина, стр. 67—83); въ этой книгѣ біографія Саввы Чалого разрослась, на основаніи тѣхъ-же пѣсенныхъ источниковъ, до размѣровъ обширнаго эпизода, не лишеннаго въ значительной степени легендарнаго и романическаго характера. Здѣсь, не только повторена мнимая генеалогія Чалого, и пересказаны предположенія г. Скальковскаго въ качествѣ несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ, но вообще дѣятельность Саввы преувеличина до небывалыхъ размѣровъ и личности его придано гораздо болѣе значенія, чѣмъ она дѣйствительно имѣла. По мнѣнію г. Мордовцева Савва Чалый „былъ однимъ изъ первыхъ предводителей гайдамацкихъ шаекъ, по времени ихъ появленія на Украинѣ... онъ пріобрѣлъ огромную славу, которая ставитъ его на ряду съ самыми крупными героями южно-Русскаго народа". Онъ будто былъ извѣстенъ привязанностью къ Орлику, затѣмъ бѣжалъ изъ Запорожскаго коша, объявилъ себя сторонникомъ Лещинскаго, „геройскими, по мнѣнію козаковъ, подвигами, сдѣлался популярнымъ въ Запорожьи"; онъ будто въ продолженіи многихъ лѣтъ наводилъ страхъ на пановъ, „имя Чалого стало, какъ имя Пугачева, нарицательнымъ именемъ всякого, въ комъ гайдамацкія качества выдавались наиболѣе рѣзко".... подобно Пугачеву народонаселеніе „оказывало ему царскія почести: колокольный звонъ, поднятіе хоругвей церковныхъ, колѣнопреклоненія, поднесеніе хлѣба и соли" и т. д. Въ такомъ родѣ пересказывается вся біографія Саввы Чалого съ совершенно произвольнымъ характеромъ, основаннымъ лишь на пѣсенныхъ свидѣтельствахъ и голословныхъ фантастическихъ дополненіяхъ ихъ авторомъ и заканчивается мнимою казнью Чалого въ Сичи у позорнаго столба. Надѣемся, что, на основаніи приложенныхъ документовъ, разсѣется этотъ миражъ какого-то призрачнаго величія, искуственно навѣянный на личность, не заслуживавшую особеннаго интереса ни по своему характеру, ни по размѣрамъ своей

уѣзда Подольской губ.). Онъ поступилъ въ надворную милицію мѣстнаго владѣльца, князя Четвертинскаго, и событія 1734 года застали его въ должности сотника этой милиціи. По приглашенію Верлана, Савва Чалый примкнулъ съ своею сотнею къ крестьянскому возстанію и въ Умани принесъ присягу на вѣрность Россіи. Затѣмъ, онъ отдѣлился съ командою, состоявшею изъ 50 человѣкъ, отъ главнаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ Верлана, и ограбилъ въ Подоліи мѣстечка Шаргородъ и Стѣпу. Послѣ того, какъ возставшіе крестьяне были разсѣяны Русскими войсками, Чалый бѣжалъ изъ предѣловъ речи-посполитой вмѣстѣ съ другими предводителями отдѣльныхъ отрядовъ; Брацлавскіе дворяне, просившіе генерала Вейсбаха въ февралѣ 1735 года о произведеніи розысковъ и о выдачѣ бѣглыхъ ватажковъ, помѣстили въ ихъ спискѣ и имя Саввы Чалого [1]). Затѣмъ, до конца 1736 года, между тѣмъ какъ Грива, Медвидь, Жила и другіе ватажки ведутъ упорную борьбу съ Поляками, мы не встрѣчаемъ въ ихъ числѣ Чалого; знаемъ только, что часть этого времени онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ Бѣлой церкви, вслѣдствіе того, что онъ ограбилъ въ Могилевѣ купцевъ грековъ, оказавшихся Русскими подданными, и, по ихъ жалобѣ, былъ арестованъ по приказанію Русскаго полковника Фонъ-

---

дѣятельности. Мы полагаемъ, что если пѣсня о Саввѣ Чаломъ и сохранилась довольно цѣльно въ народной памяти, то она этимъ обязана не характеру дѣйствующаго въ ней лица, а скорѣе позднему времени своего составленія и тѣмъ драмматическимъ подробностямъ, которыя придавали ей интересъ чисто литературный, художественный, а не историческій или общественный. Въ виду напечатанныхъ актовъ, мы полагаемъ излишнимъ останавливаться на мнѣніи тѣхъ коментаторовъ пѣсни Чаломъ, которые предполагали отнести ее къ XVI или къ началу XVII столѣтія, и полагали найти связь между ея героемъ и гетманомъ Наливайкомъ.

[1]) Результатомъ этой просьбы и было предписаніе Вейсбаха Запорожцамъ въ маѣ 1735 г. о поимкѣ Чалого, найденное г. Скальковскимъ въ Запорожскомъ архивѣ. Ист. Нов. Сѣчи т. II, стр. 130, Наѣзды гайдам. стр. 46.

Фрейдента. Въ ноябрѣ только 1735 года онъ успѣлъ освободиться изъ тюрьмы, взваливъ обвиненіе въ грабежѣ греческихъ купцевъ на шляхтича Роговскаго [1]. Затѣмъ, въ теченіи года, о дѣятельности Саввы Чалого мы не встрѣчаемъ данныхъ въ актовыхъ свидѣтельствахъ; вѣроятно къ этому времени и относится извѣстіе, сообщенное г. Скальковскимъ о вербовкѣ Чалымъ гайдамацкаго отряда и о покровительствѣ, оказанномъ ему въ этомъ дѣлѣ Бугогардовымъ Запорожскимъ полковникомъ Пхайкомъ [2]. Впрочемъ, навербовавъ отрядъ, Чалый не предпринялъ, на сколько можно судить по актамъ, ни одного сколько нибудь крупнаго набѣга, и, въ концѣ 1736 года поспѣшилъ воспользоваться объявленіемъ региментаря Малинскаго, явился въ его квартиру и принесъ присягу на вѣрность речи-посполитой, за что и признанъ былъ полковникомъ козаковъ, составлявшихся изъ покаявшихся гайдамаковъ. Уже въ декабрѣ 1736 года онъ участвовалъ въ походѣ региментаря противъ гайдамацкаго отряда Медвидя, и, въ стычкѣ съ нимъ подъ Боровицею, отличился, ранивъ самаго ватажка. Въ началѣ 1737 года, онъ охранялъ съ своимъ полкомъ границы речи-посполитой по Тясьмину, а въ іюлѣ того-же года ворвался въ Запорожскія степи и угналъ скотъ изъ Запорожскихъ пасѣкъ, лежавшихъ въ окрестности Кодака. Въ слѣдующемъ году, продолжая находиться въ распоряженіи региментаря Украинской партіи, онъ, вмѣстѣ съ отрядомъ Польскаго войска, ходилъ въ погоню за гайдамаками, ограбившими мѣстечко Грановъ, настигъ ихъ у Чернаго лѣса, разсѣялъ и отнялъ батовни съ добычею [3]. О дѣйствіяхъ Саввы Чалого въ 1739 году мы не имѣемъ свѣдѣній, но въ теченіи этого времени положеніе его измѣнилось. Въ концѣ 1738 г. козацкіе

---

1) См. №№: XXXVIII, стр. 69 и 72; LXIII, стр. 111; XCIV, стр. 194 и XCVI, стр. 196.

2) Истр. Нов. Сѣчи т. II, стр 131 Наѣзды гайдам. стр. 47.

3) См. №№: CX, стр. 229; CXIV, стр. 237; CXIX, стр. 244; CXXII, стр. 250 и CXLIV, стр. 289.

полки были распущены, такъ какъ речь-посполитая не давала средствъ на ихъ содержаніе, и временно они существовали только на частныя средства, доставленныя гетманомъ Потоцкимъ. Послѣ этого, Савва перешелъ въ частную службу въ качествѣ полковника надворныхъ козаковъ, въ Немировъ, имѣніе того-же короннаго гетмана Іосифа Потоцкаго, отличавшагося строгостью по отношенію къ крестьянамъ и жестокостью въ наказываніи ихъ, въ случаѣ волненій. Какъ гетманъ,—Потоцкій зналъ о подвигахъ Саввы противъ гайдамаковъ, потому онъ и поручилъ ему начальство надъ своею милиціею; желая притомъ обеспечить его вѣрность, гетманъ предоставилъ ему въ пожизненное владѣніе села Рубань и Степашки. Въ началѣ 1740 года мы встрѣчаемъ Чалого уже въ этой мѣстности, по поводу жалобы на него, побитаго имъ въ ссорѣ, шляхтича Знамеровскаго; въ томъ-же году, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г Скальковскимъ, онъ предпринялъ съ надворными козаками Потоцкаго послѣдній походъ противъ гайдамаковъ; онъ ворвался въ Запорожскія земли, разрушилъ гардъ на рѣкѣ Бугѣ, разогналъ стоявшій тамъ Запорожскій караулъ, зжегъ церковь и ограбилъ сосѣдніе зимовники. Въ слѣдующемъ году Савва Чалый поплатился за свою дѣятельность въ преслѣдованіи гайдамаковъ. Одинъ изъ ихъ ватажковъ, Игнатъ Голый, запорожскій козакъ изъ Медведовскаго куреня, предпринялъ удачный походъ съ цѣлью избавиться отъ этого опаснаго противника гайдамачества. Игнатъ Голый появился въ предѣлахъ Украинныхъ воеводствъ съ отрядомъ гайдамаковъ еще въ 1737 году; онъ основалъ цѣлый кошъ въ Черномъ лѣсѣ, и высылалъ изъ него для грабежа отряды въ разныя стороны. Вѣроятно въ то уже время Савва, бывшій тогда на службѣ речи-посполитой, считалъ для себя неудобнымъ столкновеніе съ этимъ противникомъ, потому что уклонился отъ похода въ Черный лѣсъ и предпочелъ заняться грабежемъ Запорожскихъ зимовниковъ. Теперь Игнатъ задумывалъ новый походъ въ Брацлавское воеводство и рѣшился начать дѣло съ устраненія самаго опаснаго

противника. Въ самый день рождества Христова 1741 года, онъ окружилъ съ небольшимъ отрядомъ домъ Саввы въ с. Степашкахъ и, убивъ его на мѣстѣ, ограбилъ его имущество и, затѣмъ, отправился въ дальнѣйшій походъ, въ продолженіи котораго онъ ограбилъ окрестности Тульчина, взялъ Звенигородку, въ которой перебилъ Евреевъ и т. д. Два года спустя, Голый продолжалъ еще свои набѣги на Польскія мѣстечка и въ маѣ 1743 г. вторично ограбилъ Звенигородку [1]).

Впрочемъ Игнатъ Голый былъ далеко не единственнымъ ватажкомъ, подвизавшимся въ то время въ Украинныхъ воеводствахъ; не смотря на временное ослабленіе гайдамачества въ 1737 году, вслѣдствіе набѣга орды на Запорожскія степи, немедленно послѣ ухода Татаръ, организуются новые гайдамацкіе скопища. Между тѣмъ какъ Голый засѣлъ кошемъ въ Черномъ лѣсу и разосланные имъ отряды грабили Уманщину, окрестности Саврани, Дашева и т. д., другіе партіи гайдамаковъ разсѣялись по Кіевскому и Брацлавскому воеводствамъ; одинъ изъ нихъ взялъ въ началѣ сентября 1737 года, мѣстечко Билиловку и ограбилъ нѣсколько селъ, другой въ концѣ того-же мѣсяца предпринялъ удачный набѣгъ на Умань, и, ограбивъ какъ это мѣстечко, такъ и многія другія, повернулъ обратно въ степь, опустошивъ Брацловское воеводство до Немирова; третій дѣйствовалъ въ окрестностяхъ

---

[1]) См. №№: CXIV, стр. 236; CXXII, стр. 249—250; CL, стр. 304; CLXXI, стр. 350 и 353. Также Исторія Нов. Сѣчи, т. II, стр. 133. Убьеніе Саввы Голымъ послужило основнымъ мотивомъ составившейся о немъ пѣсни, передающей впрочемъ весьма отчетливо подробности этого происшествія. Жена Чалого, по словамъ пѣсни, спасшаяся съ груднымъ ребенкомъ во время его убьенія, вышла вторично замужъ за одного изъ товарищей Польской хоругви и впослѣдствіи уѣхала съ мужемъ на его родину—въ Мазовію. Воспитанный тамъ сынъ Саввы Чалого, также Савва—*Цалинскій*, извѣстенъ былъ въ послѣдствіи какъ одинъ изъ болѣе отважныхъ вождей Барской конфедераціи, во время которой онъ и погибъ въ стычкѣ съ Русскимъ войскомъ.

Гранова и Погребыщъ. Атаманъ старостинскихъ Бѣлоцерковскихъ козаковъ—Дрикса, съ частію своей милиціи напалъ на имѣніе помѣщика Трипольскаго, убилъ его самого и, ограбивъ его имущество, присоединился къ гайдамакамъ; на пространствѣ между Бугомъ и Днѣстромъ свирѣпствовалъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ ватажка Биндаса. Еще болѣе многочисленное скопище гайдамаковъ образовалось на границахъ Кіевскаго воеводства немедленно послѣ ухода Татаръ; здѣсь гайдамаки взяли пограничное мѣстечко Крыло. ., заняли Чигиринское староство, опустошили всю страну надъ Тясьминомъ и нанесли чувствительное пораженіе регулярному войску въ окрестности Смѣлой [1].

Такіе-же факты повторяются и въ слѣдующихъ годахъ, и гайдамачество постепенно усиливается, не смотря на вялое и безсвязное противудѣйствіе Польскихъ властей. Такъ въ 1738 году; въ началѣ весны, сильный отрядъ гайдамаковъ въ 500 человѣкъ, переправился черезъ Синюху, оградился засѣками въ окрестности Тарговицы и сталъ разсылать отряды во всѣ стороны; гайдамаки ограбили въ этомъ году обширную полосу Брацлавскаго воеводства, взяли мѣстечка: Грановъ, Рашковъ, Тальное, Субботовъ, Животовъ и т. д., истребили въ нихъ шляхтичей и евреевъ и проникли въ окрестности Могилева на Днѣстрѣ [2].

Въ слѣдующихъ годахъ продолжались такія-же нападенія: гайдамаки грабили шляхетскіе дворы и мѣстечка, захватывали на дорогѣ проѣзжихъ шляхтичей и купеческіе обозы и т. д. Въ 1742 и 1743 годахъ, въ окрестностяхъ Лысянки прославился нападеніями ватажекъ Кузьма Горкуша; въ 1747 году, на границѣ съ Кіевскимъ округомъ, наводили страхъ на шляхтичей многочисленные, хотя

---

[1] См. №№: CXVII по CXX, стр. 241—245; CXXII, стр. 249; CXXXII по CXXXIV, стр. 265—268 и CXCVII, стр. 409.

[2] См. №№: CXXXIX, стр. 278; CXLII, стр. 286—287; CXLIV, стр. 289—290 и CXLV, стр. 292.

мелкіе отряды, вышедшіе изъ Кіева подъ начальствомъ ватаговъ: Гапона, Кощіенка, Бородавки и старообрядца Харитона Каняхина, ограбившіе много шляхетскихъ дворовъ и, между прочими, мѣстечка Гостомель и Чернобыль,—между тѣмъ какъ въ то-же время другіе отряды, ворвавшіеся изъ степи, опустошали окрестности Винницы Въ 1749 году въ Бѣлой церкви опять часть старостинскихъ козаковъ примкнула къ гайдамакамъ, подъ начальствомъ своего атамана, Ивана Бороды; они напали на м. Фастовъ, взяли замокъ и ограбили мѣстечко; другой отрядъ, подъ начальствомъ ватажка Блакитента, разорялъ шляхетскіе дворы по теченію Роси. Въ южной части Кіевскаго воеводства свирѣпствовалъ отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ ватажковъ: Невинчаннаго, Беркута и Середы, начавшихъ свою дѣятельность еще въ 1736 году подъ руководствомъ Гривы и появлявшихся съ того времени весьма часто въ предѣлахъ Кіевскаго воеводства [1]).

Такимъ образомъ гайдамачество, постепенно усиливаясь, сдѣлалось какъ бы нормальнымъ явленіемъ въ быту Юго-западнаго края; крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе, количество крестьянъ, поступавшихъ въ гайдамачество или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамацкое движеніе раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественнаго строя въ речи-посполитой. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и розрозненности дѣйствій гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько нибудь ясной постановки ими вопроса, удалось на этотъ разъ шляхетскому обществу предотвратить катастрофу тѣми

---

[1]) См. №№: CXLVII, стр. 297; CLIX, стр. 325; CLXVII, стр. 349—350; CLXXI, стр. 349—352; CLXXIX, стр. 371—372; CLXXXI по CLXXXVI, стр. 374—385; CLXXXVIII по CXCII, стр. 389—395; CXCIV, стр. 400 и CXCV, стр. 403.

экстренными мѣрами, какія были приняты тогда военными начальниками, шляхетскими сеймиками, и, особенно, по просьбѣ послѣднихъ, Русскими пограничными властями.

Уже съ начала весны 1750 года нѣсколько гайдамацкихъ отрядовъ вошло въ предѣлы речи-посполитой какъ со стороны степей, такъ и изъ Кіевскаго округа; въ это время Польское войско, благодаря беспечности и своекорыстію региментарей, было въ полномъ разстройствѣ, между тѣмъ какъ постоянно возраставшее сочувствіе крестьянъ къ гайдамакамъ, подготовляло для ихъ дѣйствій весьма удобную почву. Уже послѣ появленія первыхъ отрядовъ, региментарь Ожга разослалъ универсалъ къ дворянамъ, предостерегавшій ихъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, больше 1000 гайдамаковъ вступило въ предѣлы Украинныхъ воеводствъ Ожга приглашалъ дворянъ принять мѣры предосторожности, вооружить побольше надворныхъ козаковъ и т. д. Черезъ двѣ недѣли онъ разослалъ вторичный универсалъ, въ которомъ предлагалъ дворянамъ вооружить крестьянъ и предпринимать съ ними разъѣзды по окрестностямъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предостерегалъ ихъ, что многіе изъ крестьянъ состоятъ въ связи съ гайдамаками и рекомендовалъ арестовать тѣхъ, кого можно будетъ заподозрить въ этихъ связяхъ и препровождать ихъ въ военный судъ [1]. Между тѣмъ гайдамаки быстро разсѣялись по территоріи Украинныхъ воеводствъ и, оказалось, что подозрѣнія региментаря на счетъ расположенія въ ихъ пользу крестьянъ не были лишены основанія. Крестьяне стали приставать въ значительномъ количествѣ къ гайдамацкимъ ватагамъ, другіе снабжали ихъ провіантомъ, укрывали отбившихся отъ отрядовъ лицъ и охотно брались служить гайдамакамъ проводниками [2]. Усиливаясь численно и находя сочувствіе и поддержку у народонаселенія, гайдамацкіе отряды стали дѣй-

---

[1]) См. №№: CCVIII, стр. 427 и CCXI, стр. 431.
[2]) См. стр: 429, 433, 435, 458, 463, 544, 553, 554.

ствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе: тѣ, которые перешли границу Кіевскаго воеводства по Тясмину, „собравшись въ большомъ числѣ конныхъ и пѣшихъ" напали на Мошны, имѣніе Литовскаго гетмана Радзивила, сожгли мѣстечко, перебили въ немъ Евреевъ и, въ теченіи сутокъ вели приступъ на замокъ, затѣмъ покушались на Бѣлую церковь, самую сильную Польскую крѣпость, и окончательно опустошили все Чигиринское староство, откуда губернаторъ вмѣстѣ съ гарнизономъ спаслись бѣгствомъ, не попытавшись даже защищаться. Отдѣлившійся отъ нихъ отрядъ, подъ начальствомъ ватажка Мартына Тесли, два раза: лѣтомъ и осенью, нападалъ на мѣстечко Володарку и разорилъ тамъ, между прочимъ, домъ одного изъ начальниковъ шляхетской милиціи, дворянина Даніила Мацевича [1]).

Въ тоже время, другіе отряды, вступившіе въ Брацлавское воеводство черезъ Синюху, быстро подошли подъ Умань, овладѣли этимъ городомъ, сожгли его, разрушили костелъ, перебили ксендзовъ и множество шляхты и евреевъ, затѣмъ ограбили мѣстечко Грановъ, и направились на главный городъ воеводства — Винницу; ночью они ворвались здѣсь въ замокъ, уничтожили документы, хранившіеся въ гродской канцеляріи, и ограбили купцевъ евреевъ, искавшихъ убѣжища и безопаснаго склада для товаровъ въ Винницкомъ замкѣ; затѣмъ гайдамаки направились въ Подольское воеводство, гдѣ овладѣли повѣтовымъ городомъ Летичевомъ; здѣсь они разорили богатый Доминиканскій монастырь и овладѣли имуществомъ, которое многіе дворяне Летичевскаго повѣта, для безопасности, передали на храненіе доминиканамъ [2]). Нѣкоторые изъ степныхъ гайдамацкихъ отрядовъ проникли далеко сѣвернѣе, чѣмъ

---

[1]) См. №№: CCXIX, стр. 445; CCLXII, стр. 550; CCLXXV, стр 578; CCLXXXIV, стр. 596; CCXXXVII, стр. 474; CCLVIII, стр. 542; CCLX, стр. 546; CCLXXXIII, стр. 594 и CCXCIII, стр. 617.

[2]) См. №№: CCXIX, стр. 441; CCXLIX, стр. 510; CCXXXI, стр 466; CCXXXII, стр. 467; CCLIV, стр. 534; CCLXIII, стр. 552.

обыкновенно они до того времени достигали; такъ, въ августѣ мѣсяцѣ, отрядъ, бывшій подъ начальствомъ Алексѣя Письменнаго, взялъ и ограбилъ городъ Фастовъ, лежавшій уже на границѣ Кіевскаго Полѣсья [1]).

Въ Полѣсьи степные отряды встрѣтились съ многочисленными, мелкими отрядами, вышедшими въ теченіи весны и лѣта изъ Кіевскаго округа, и формировавшимися главнымъ образомъ въ хуторахъ, принадлежавшихъ Кіевскимъ монастырямъ. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ начальствомъ ватажка Ивана Подоляки, опустошалъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Кіевское, Овруцкое и Мозырское Полѣсье; онъ, между прочимъ, взялъ Радомысльскій замокъ и овладѣлъ въ немъ имуществомъ уніятскаго оффиціяла Примовича [2]). Другіе отряды разсѣялись вдоль по всей долинѣ Припяти, и страшно опустошали шляхетскія имѣнія; они ограбили монастырь цистеровъ въ Кимбаровкѣ, въ окрестности Мозыря, опустошили имѣнія Пинской езуитской коллегіи и проникли на лѣвый берегъ Припяти. Въ Полѣсьи шляхтичи, считавшіе себя до того времени безопасными отъ гайдамачества, были поражены ужасомъ. Въ октябрѣ всѣ силы регулярнаго войска и милиціи, на скоро вооруженныя сеймиками, были направлены въ эту область для изгнанія изъ нее гайдамаковъ [3].

Такимъ образомъ съ весны и до зимы 1750 года весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими скопищами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленіяхъ, и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычныя занятія, они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ, или могли призвать послѣднихъ въ случаѣ, если-

---

[1]) См. №№: CCXXXIX, стр. 478 и CCLVII, стр. 539.

[2]) См. №№; CCXLVII, стр. 515 и CCLII стр. 523—532.

[3]) См. страницы: 439—441, 4 —466, 469—474, 511—512, 522 и 558.

бы помѣщикъ сталъ настоятельно взыскивать панщину; они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ; такъ какъ проѣхать въ гроды было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались гродскіе суды, подвергались нападеніямъ; о такъ называемыхъ „кондесенсіяхъ" т. е. о съѣздахъ суда для повѣрки дѣлъ на мѣстѣ, нечего было и думать [1]. „Плачевно состояніе нашего воеводства, писали Кіевскіе дворяне въ посланіи къ коронному гетману, у котораго они просили помощи, — оно лишено всякой защиты и помощи, между тѣмъ какъ постоянно усиливается своеволіе гайдамаковъ, врывающихся въ наше воеводство изъ за Русской границы; они опустошаютъ страну, проливаютъ невинную кровь и не щадятъ священныхъ храмовъ. Пусть гетманъ станетъ нашимъ консуломъ, нашимъ Гекторомъ! [2])

Не смотря однако на столь тревожное время, мѣры, принятыя сеймиками и правителвствомъ не отличались особенною энергіею. Выше уже были указаны средства защиты, придуманныя сеймиками, изъ которыхъ важнѣйшая — вооруженіе милицій на счетъ воеводствъ, оказалась совершенно безплодною. Еще менѣе заботилось центральное правительство о судьбѣ шляхтичей Украинныхъ воеводствъ. Коронный гетманъ, на котораго возлагались главнымъ образомъ надежды сеймиковъ, проявилъ свою дѣятельность только тѣмъ, что смѣнилъ региментаря Вильгу, должность котораго онъ предоставилъ одному изъ своихъ родственниковъ — коронному крайчему Потоцкому, и попытался ввести совершенно ни къ чему не ведущую систему паспортовъ при переходѣ купеческихъ обозовъ черезъ границу [3]. Нѣсколько дѣйствительнѣе для охраненія границы речи-посполитой оказалась мѣра, принятая Русскимъ правительствомъ — учрежденіе форпостовъ и пограничной стражи, но эта мѣра могла только затруднить до извѣстной степени гайдамацкія движенія, но не была достаточна для предотвращенія явленія, корни

---

[1] См. страницы: 420—422, 430—431, 450—451, 470—471, 536—537.

[2] См. № CCXX, стр. 448.

[3] См. № CCLXXII, стр. 572.

котораго лежали, съ одной стороны, въ исключительности сословныхъ національныхъ и религіозныхъ убѣжденій господствовавшаго въ Польшѣ сословія, съ другой — въ анархическомъ устройствѣ речи-посполитой.

Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи 18 лѣтъ; и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно слагавшимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилось страшною катастрофою, носящею имя *Коліивщины.*

Владиміръ Антоновичъ.

2007053179